

ВГУ

Территория новых возможностей. Вестник ВГУ

1

2026

**ТЕРРИТОРИЯ
НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

**ВЕСТНИК
ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**THE TERRITORY
OF NEW OPPORTUNITIES**

**THE HERALD
OF VLADIVOSTOK STATE
UNIVERSITY**

1

[18]

2026

2026 № 1 ..... [18]

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

.....
Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

Издается с 2009 г.

ISSN 2949-1258

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Владивосток
2026

2026 № 1 ..... [18]

**THE TERRITORY OF NEW
OPPORTUNITIES.
THE HERALD OF VLADIVOSTOK
STATE UNIVERSITY**

.....
Founder and publisher:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Vladivostok State University"
Published since 2009

ISSN 2949-1258

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Vladivostok
2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Терентьева Татьяна Валерьевна	<i>председатель редакционной коллегии</i> , доктор экономических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» (г. Владивосток, Россия)
Мамычев Алексей Юрьевич	<i>заместитель председателя редакционной коллегии</i> , доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Латкин Александр Павлович	<i>главный редактор</i> , доктор экономических наук, профессор, директор Института подготовки кадров высшей квалификации, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
<i>Члены редакционной коллегии:</i>	
Васильев Антон Александрович	доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)
Глазырина Ирина Петровна	доктор экономических наук, профессор, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита, Россия)
Гомбоева Маргарита Ивановна	доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)
Дорошенко Светлана Викторовна	доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором, Институт экономики УрО РАН, (г. Екатеринбург, Россия)
Ермакова Жанна Анатольевна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург, Россия)
Зубарев Александр Евстратьевич	доктор экономических наук, профессор факультета экономики и управления, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Россия)
Клепёва Нелли Александровна	доктор педагогических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
Кюрина Ольга Юрьевна	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Коновалова Нина Алексеевна	доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Кречетников Константин Геннадьевич	доктор педагогических наук, профессор, Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова (г. Владивосток, Россия)
Мазелис Лев Соломонович	доктор экономических наук, доцент, и.о. директора Института цифровой экономики и бизнес-аналитики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Мещанова Мария Валентиновна	доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)
Муртазозода Джемшид Саидали	доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права юридического факультета, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Республика Таджикистан)
Найден Светлана Николаевна	доктор экономических наук, профессор, Институт экономических исследований ДВО РАН, (г. Хабаровск, Россия)
Овчинников Алексей Игоревич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Петрук Галина Владимировна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления, директор департамента научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Сёмкин Сергей Викторович	доктор физико-математических наук, профессор кафедры информационных технологий и систем, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Смагин Виктор Павлович	доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией фундаментальной и прикладной физики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Смирнова Надежда Анатольевна	доктор технических наук, профессор кафедры дизайна, технологии, материаловедения и экспертизы потребительских товаров, Костромской государственный университет (г. Кострома, Россия)
Солодухин Константин Сергеевич	доктор экономических наук, профессор кафедры математики и моделирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Фоминская Марина Дмитриевна	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ставропольского института кооперации (филиал), Белгородский университет кооперации, экономики и права (г. Ставрополь, Россия)
Чернявская Валентина Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Шеромова Ирина Александровна	доктор технических наук, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна	доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по науке Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
Яроцкая Людмила Владимировна	ведущий эксперт Центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития Института международных отношений ФГАОУ ВО НИЯУ «МИФИ» (г. Москва, Россия)
Park Nohyoung	доктор юридических наук, декан Юридической школы, директор Центра киберправа, Корейский университет (г. Сеул, Республика Корея)
Zhang Yuci	профессор, доктор экономических наук, директор международного департамента, Северо-Восточный университет финансов и экономики (г. Далянь, КНР)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

Tatiana V. Terentyeva	<i>Chairman of the Editorial Council</i> , Doctor of Economics, Professor, Rector, VVSU (Vladivostok, Russia)
Alexey Yu. Mamychyev	<i>Vice-chairman of the Editorial Council</i> , Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Alexander P. Latkin	<i>Head Editor</i> , Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Training of Highly Qualified Personnel, VVSU (Vladivostok, Russia)
<i>Members of the Editorial Board:</i>	
Anton A. Vasiliev	Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute, Altai State University (Barnaul, Russia)
Irina P. Glazyrina	Doctor of Economics, Professor, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS (Chita, Russia)
Margarita I. Gomboeva	Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Arts and Design, Trans-Baikal State University (Chita, Russia)
Svetlana V. Doroshenko	Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
Zhanna A. Ermakova	Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University (Orenburg, Russia)
Alexander E. Zubarev	Doctor of Economics, Professor of the Faculty of Economics and Management, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
Nelly A. Kleshcheva	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Olga Yu. Kokurina	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Nina A. Konopleva	Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Konstantin G. Krechetnikov	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, S.O. Makarov Pacific Higher Naval School (Vladivostok, Russia)
Lev S. Mazelis	Doctor of Economics, Associate Professor, VVSU (Vladivostok, Russia)
Maria V. Meshchanova	Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Jamshed S. Murtazozoda	Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)
Svetlana N. Nayden	Doctor of Economics, Professor, Institute of Economic Research FEB RAS (Khabarovsk, Russia)
Alexey I. Ovchinnikov	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Galina V. Petruk	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Director of the Department of Research, VVSU (Vladivostok, Russia)
Sergey V. Syomkin	Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, VVSU (Vladivostok, Russia)
Viktor P. Smagin	Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Fundamental and Applied Physics, VVSU (Vladivostok, Russia)
Nadezhda A. Smirnova	Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design, Technology, Materials Science and Consumer Goods Expertise, Kostroma State University (Kostroma, Russia)
Konstantin S. Solodukhin	Doctor of Economics, Professor of the Department of Mathematics and Modeling, VVSU (Vladivostok, Russia)
Marina D. Fominskaya	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol, Russia)
Valentina S. Chernyavskaya	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Legal Psychology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Irina A. Sheromova	Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
Claudia G. Erdynееva	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Lydmila V. Yarotskaya	Leading expert of the Centre for Analysis and Forecasting of World Science and Technology Development, Institute of International Relations, National Research Nuclear University "MEPhI" (Moscow Engineering Physics Institute) (Moscow, Russia)
Park Nohyoung	Doctor of Law, Dean of the Law School, Director of the Cyber Law Center, Korea University (Seoul, Republic of Korea)
Zhang Yuci	Professor, Doctor of Economics, Director of the International Department, Northeastern University of Finance and Economics (Dalian, China)

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2026, № 1

[Том 18]

Научный журнал

Издание не подлежит маркировке в соответствии с гл. 3 ст. 11 п. 4 ч. 2 ст. 1
ФЗ № 436-ФЗ

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1>

EDN: <https://elibrary.ru/FCPDYJ>

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского
государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-84186 от 05.12.2022
ISSN 2949-1258

Дата выхода в свет: 27.03.2026 г.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес издателя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, к. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л. Е. Стрикаускас

Ответственный секретарь В. В. Шамаева

Редактор И. Г. Шабунина

Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 20.03.2026. Формат 70×100/16.

Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 13,93. Уч.-изд. л. 13,81.

Тираж 300 [1–100] экз. Заказ 140

Цена на территории РФ свободная

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Содержание

Региональная и отраслевая экономика

Латкин А. П., Малёваный В. М.

Программно-целевое управление развитием
Дальнего Востока: итоги первой четверти
нового столетия

7

Березникова А. Г.

Понятийный аппарат и классификация особых
экономико-правовых режимов в Российской
Федерации

18

Тимова Н. Ю.

Аналитический инструментарий для оценки
региональной резильентности

29

Гвилия Н. А.

Консолидированная модель измерения
корпоративной цифровой ответственности
в цепях поставок

45

Лапушкин В. В.

Специфика импортозамещения в российской
авиационной промышленности в условиях
санкционного давления

62

Менеджмент

Ли Цзятун

Концептуальные трансформации современного
маркетинга в условиях цифровой бизнес-среды
и развития виртуальных рынков

74

Педагогика

Саидов Ф. С.

Подготовка мультиквалифицированных
специалистов как перспективное
направление деятельности производственно-
учебных центров предприятий

85

*Цынзак М. П., Миронов Н. И.,
Иванов Н. Ю., Степанова С. С.*

Образование по агротехнологическому
профилю в Республике Саха (Якутия):
проблемы и возможности

99

Криницкая М. Ю., Свиридова А. Ю.

Формирование гражданской идентичности
студентов на занятиях по дисциплине
«Основы российской государственности»

109

Пак Л. Е., Долгая Е. П.

Специфика оценивания в электронных
учебных курсах по преподаванию
иностранный языка в вузе

126

Contents

Regional and sectoral economy

Latkin A. P., Malevany V. M.

Program and target management
of the development of the Far East: results
of the first quarter of the new century

Bereznikova A. G.

The conceptual framework and classification
of special economic and legal regimes
in the Russian Federation

Titova N. Yu.

The Analytical Tool for Evaluating Regional
Resilience

Gviliya N. A.

Consolidated model for measuring corporate
digital responsibility in supply chains

Lapushkin V. V.

Specific of import substitution in the Russian
aviation industry under conditions of sanctions
pressure

Management

Li Jiatong

Conceptual transformations of modern
marketing in conditions of digital business
environment and development of virtual
markets

Pedagogy

Saidov F. S.

Training of multi-specialists as a promising
area of activity of production and training
centers of enterprises

*Tsynzak M. P., Mironov N. I., Ivanov N. Yu.,
Stepanova S. S.*

Agrotechnological education in the Republic
of Sakha (Yakutia): problems and opportuni-
ties

Krinitskaia M. Yu., Sviridova A. Yu.

Formation of students civic identity in the
course "Foundations of Russian Statehood"

Pak L. E., Dolgaya E. P.

Specifics of assessment in electronic training
courses on teaching a foreign language
at a university

<i>Пискун А. А., Машовец С. П., Клещева Н. А., Калугина Н. А.</i>		<i>Piskun A. A., Mashovetc S. P., Klecheva N. A., Kalugina N. A.</i>	
Диагностический инструментарий оценки межкультурной компетенции в профессиональной подготовке будущих учителей иностранного языка	143	Diagnostic Tools for Assessing Intercultural Competence in the Professional Training of Intending Foreign Language Teachers	
<i>Шевляков А. С.</i>		<i>Shevlyakov A. S.</i>	
Модель подготовки участковых уполномоченных полиции к индивидуальной профилактической работе с поднадзорными лицами в системе профессиональной служебной подготовки	155	Model of training district police officers for individual preventive work with supervised persons in the system of professional official training	
Юридические науки		Law sciences	
<i>Марков С. М.</i>		<i>Markov S. M.</i>	
Кокутай в философско-правовой традиции Японии: история и современная интерпретация	169	Kokutai in the philosophical and legal tradition of Japan: history and modern interpretation	
<i>Балковая В. Г.</i>		<i>Balkovaya V. G.</i>	
Становление и развитие источников мусульманского права	185	Formation and Development of Sources of Muslim Law	
Правила оформления статей	194	Rules of formatting articles	

Научная статья

УДК 332.1 (571.6)

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/007-017>

EDN: <https://elibrary.ru/HXDPKH>

Программно-целевое управление развитием Дальнего Востока: итоги первой четверти нового столетия

Латкин Александр Павлович

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Малёванный Вячеслав Михайлович

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Представлены результаты комплексной оценки государственной политики ускоренного развития Дальнего Востока за прошедшие четверть века новейшей истории России. Исследование основано на официальных документах федерального и регионального уровней, научных публикациях ведущих российских и зарубежных ученых, а также недоступных в Интернете информационных источниках государственных структур, обработанных средствами искусственного интеллекта. Выявлены определенные достижения в создании комплексной системы управления, в улучшении инвестиционного климата и привлечении значительных инвестиций, развитии инфраструктуры в сырьевом и транспортно-логистическом секторах системы преференциальных режимов. Одновременно обоснованы устойчивые проблемные зоны: демографический кризис и дефицит квалифицированных кадров, сохранение ярко выраженной сырьевой направленности регионального производства, сравнительно высокая стоимость жизни, включая услуги здравоохранения и жилищно-бытового обслуживания. Сформулированы рекомендации по повышению эффективности реализации стратегий и программ развития Дальнего Востока в средне- и долгосрочной перспективе.*

***Ключевые слова:** Дальний Восток России, государственная политика, программно-целевое управление, стратегии и программы, институциональные механизмы, макроэкономические показатели, качество жизни, анализ, рекомендации*

***Для цитирования:** Латкин А.П., Малёванный В.М. Программно-целевое управление развитием Дальнего Востока: итоги первой четверти нового столетия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/007-017>. EDN: <https://elibrary.ru/HXDPKH>*

.....
Regional and sectoral economy
.....

Original article

**Program and target management of the development of the Far East:
results of the first quarter of the new century**

Alexander P. Latkin

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Vyacheslav M. Malevany

Far Eastern State Technical Fishery University
Vladivostok, Russia

***Abstract.** The article presents the results of a comprehensive assessment of the state policy of accelerated development of the Far East over the past quarter century of Russia's modern history. The research is based on official documents of the federal and regional levels, scientific publications of leading Russian and foreign scientists, as well as information sources of government agencies that are inaccessible on the Internet and processed using artificial intelligence. The authors have identified certain achievements in creating an integrated management system, improving the investment climate and attracting significant investments, and developing infrastructure in the raw materials and transport and logistics sectors of the preferential treatment system. At the same time, stable problem areas are substantiated: the demographic crisis and the shortage of qualified personnel, the preservation of a pronounced raw-material orientation of regional production, and the relatively high cost of living, including health care and housing services. Recommendations are formulated to improve the effectiveness of the implementation of strategies and programs for the development of the Far East in the medium and long term.*

***Keywords:** Russian Far East, government policy, program and target management, strategies and programs, institutional mechanisms, macroeconomic indicators, quality of life, analysis, recommendations*

***For citation:** Latkin A.P., Malevany V.M. Program and target management of the development of the Far East: results of the first quarter of the new century // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/007-017>. EDN: <https://elibrary.ru/HXDPKH>*

Введение

Развитие Дальнего Востока России на протяжении всей истории страны является задачей не только экономической, но и геополитической, демографической и стратегической важности. Обширный, богатый ресурсами, но слабозаселенный регион, характеризующийся экстремальными природно-климатическими условиями и значительной удаленностью от центральных частей страны, традиционно требует особого внимания и специальных механизмов государственного регулирования.

По мнению многих исследователей, именно по причине пренебрежения этими требованиями и допущенными стратегическими ошибками в проведении государственной региональной политики в переходный период на Дальнем Востоке сформировались тенденции существенного сокращения ранее достигнутого производственного, демографического и научно-технического потенциалов [1–5].

Объективное восприятие возможных последствий такой тенденции для сохранения геостратегической роли макрорегиона в обеспечении национальной безопасности в новом столетии наряду с экономической ситуацией при профиците федерального бюджета за счет высокой доли в его формировании экспорта сырьевых, прежде всего углеводородных ресурсов, обусловили значительную активизацию государственной политики ускорения социально-экономического развития Дальнего Востока. На этой основе российским правительством был реально обеспечен приоритет внимания к решению данной стратегической задачи уже в период до 2025 г., т.е. в течение первой четверти века, что инициировало разработку и принятие на президентском уровне целого ряда концепций, стратегий, программ и других стратегических документов с соответствующей нормативно-законодательной, институциональной и финансовой базой их успешной реализации.

Целью исследования является многоаспектная оценка государственной политики развития Дальнего Востока за прошедший период через призму методологии программно-целевого управления. Для ее достижения авторами настоящей статьи были поставлены следующие задачи:

- 1) систематизировать стратегические документы и институциональные механизмы управления развитием Дальнего Востока;
- 2) проанализировать объемы, структуру и эффективность финансирования стратегий программ развития;
- 3) оценить динамику экономических и социальных достижений программно-целевого управления с акцентом на улучшение качества жизни;
- 4) разработать рекомендации к новой стратегии развития Дальнего Востока с учетом современных геополитических условий и рецессии российской экономики.

Методология исследования базируется на комплексном применении следующих методов: статистического, сравнительного и системного анализа, экспертной оценки.

Информационная база исследования: официальная статистика Росстата; стратегические документы и государственные программы развития Дальнего Востока; годовые отчеты Счетной палаты РФ; материалы Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики; аналитические отчеты Восточного экономического форума; научные публикации в рецензируемых журналах; доступные в Интернете информационные источники государственных структур, обработанные средствами искусственного интеллекта.

Для соблюдения корректности комплексного анализа авторами не учитывалось включение в состав макрорегиона в 2021 г. Бурятии и Забайкальского края, показатели которых внесли изменения в динамику развития макрорегиона, особенно в численность населения.

Основная часть

Эволюция стратегического планирования и нормативно-правовой базы

Государственная политика развития Дальнего Востока в исследуемый период прошла путь от фрагментарных отраслевых подходов к комплексной системе

стратегического планирования. Начальным системообразующим документом стала Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утверждена в 2009 г.) [6]. Ее принятие ознаменовало переход к долгосрочному планированию, однако механизмы реализации и ресурсное обеспечение долгое время оставались недостаточно проработанными.

Переломным моментом явилось создание в 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока, что институционализировало политику развития на высшем уровне исполнительной власти. Вслед за этим в 2014 г. была утверждена Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» [7], ставшая основным инструментом программно-целевого управления, объединившим разрозненные мероприятия и финансовые потоки.

Новый импульс государственной региональной политике придал Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204, в рамках которого была разработана Национальная программа развития Дальнего Востока до 2024 г. и на перспективу [8]. Данная программа интегрировала цели развития макрорегиона в систему национальных целей, сделав акцент на ускоренном развитии, демографическом росте и улучшении качества жизни. Более поздние документы, такие как Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 г. (2022) и Трехлетняя программа развития Дальнего Востока (2023–2025) [9], демонстрируют отраслевую и среднесрочную конкретизацию первоначальных стратегических установок.

Ключевым элементом развития нормативной базы стало принятие Федеральных законов «О территориях опережающего социально-экономического развития (ТОР)» (2014) и «О свободном порте Владивосток (СПВ)» (2015), которые заложили основу для привлечения частных инвестиций путем предоставления значительных налоговых и административных льгот. Последующие законодательные изменения, например Федеральный закон № 267-ФЗ (2022), были направлены на совершенствование и расширение этих механизмов [10–12].

Таким образом, к середине 2010-х гг. сформировалась многоуровневая система стратегических документов (стратегия → госпрограмма/нацпрограмма → отраслевые стратегии → трехлетние планы), подкрепленная специализированным законодательством о преференциальных режимах.

Институциональная инфраструктура и инструменты реализации

Для реализации амбициозных планов была создана разветвленная сеть институтов развития, что является отличительной чертой применяемого по отношению к хозяйственному освоению Дальневосточного федерального округа подхода, в составе которой были созданы:

- Минвостокразвития – головной координирующий орган, ответственный за выработку политики и контроль;
- Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ) – оператор ТОР и СПВ, выполняющий функции «единого окна» для инвесторов и управляющий инфраструктурой;

- Фонд развития Дальнего Востока и Арктики (ФРДВ) – институт финансовой поддержки, предоставляющий льготное финансирование инфраструктурных проектов;

- Агентство по развитию человеческого капитала (АРЧК) – организация, отвечающая за реализацию демографических и кадровых программ, включая программу «Дальневосточный гектар»;

- Дальневосточный фонд прямых инвестиций (ДФПИ) – инструмент финансирования проектов на принципах государственно-частного партнерства.

Эта институциональная экосистема была призвана обеспечить сквозное управление инвестиционным циклом: от создания благоприятных условий и привлечения инвесторов до финансирования и кадрового сопровождения проектов.

Основными инструментами стимулирования стали преференциальные режимы. К 2024 г. на Дальнем Востоке созданы 22 ТОР и режим свободного порта Владивосток, действующий в 22 муниципалитетах. Резиденты этих режимов получают льготы по налогу на прибыль, налогу на имущество, земельному налогу, упрощенные процедуры подключения к инфраструктуре и административного регулирования. Дополнительными инструментами являются инвестиционные квоты в рыбопромышленном комплексе, связывающие право на добычу биоресурсов с обязательствами по строительству перерабатывающих судов и заводов на территории ДФО [13].

Финансирование и инвестиционная динамика

Анализ данных о финансировании утвержденных государственных программ показывает, что заявленные программные мероприятия, как правило, не выполнялись в полном объеме.

Как следует из данных табл. 1, за период 2014–2024 гг. фактическое финансирование госпрограмм составило 78 % от запланированного. Общая оценка финансирования стратегических мероприятий также указывает на выполнение его на уровне 71 % [5, 14]. Это свидетельствует о наличии проблем как в планировании бюджетных обязательств, так и в их исполнении.

Таблица 1

Объемы финансирования государственных программ по развитию ДФО (2009–2025), млрд руб.

Период	Плановое финансирование	Фактическое финансирование	Выполнение, %
2009–2025	1200 (оценка)	850 (оценка)	71
2014–2024	800	620	78
2023–2025	229	180 (прогноз)	79

Источник: сост. на основе данных Минфина РФ и Счетной палаты РФ [9, 14].

Структура финансирования остается преимущественно государственной: 85 % средств дотаций и 65 % финансирования программ поступают из федераль-

ного бюджета. Однако в отраслевых инвестициях ведущая роль принадлежит частному капиталу, особенно в добывающей промышленности (85%), сельском хозяйстве (80%) и рыболовстве (90%). Это указывает на эффективность преференциальных режимов для привлечения частных средств в рентабельные сырьевые и экспортно-ориентированные сектора. Общий объем инвестиций

в основной капитал вырос с 150 млрд руб. в 2005 г. до 1 трлн руб. в 2024 г., хотя в долларовом выражении рост был менее значительным из-за колебаний курса [15].

Социально-экономические результаты

Макроэкономическая динамика. Валовой региональный продукт (ВРП) в текущих ценах вырос более чем в 6,5 раза (с 1,2 трлн руб. в 2005 г. до 8 трлн руб. в 2024 г.). Однако его структура сохраняет ярко выраженную сырьевую направленность: на добывающую промышленность приходится 35%, что делает экономику региона высокочувствительной от конъюнктуры мировых рынков. Обрабатывающие производства составляют лишь 20% [15].

Демографическая ситуация остается наиболее острой проблемой. Как показывают данные табл. 2, несмотря на кратковременный рост численности населения в 2024 г. до 6,3 млн чел. (в основном за счет учета иностранной рабочей силы), долгосрочная тенденция с 2005 по 2020 г. – устойчивая убыль (–6,2%).

Таблица 2

Динамика численности населения Дальнего Востока, тыс. чел.

Год	Население	Изменение, %
2005	6500	–
2010	6300	–3,1
2015	6200	–1,6
2020	6100	–1,6
2024	6300	+3,3

Источник: сост. авторами по [15, 16].

Регион испытывает одновременное действие естественной убыли (0,5–0,7% в год) и миграционного оттока (0,8–1,2% в год) в центральные и южные регионы России, что подтверждается данными, представленными в табл. 3. Меры по привлечению населения (программа «Дальневосточный гектар», повышенные выплаты при переезде) не смогли кардинально изменить ситуацию [15, 16].

Таблица 3

Численность и прирост населения ДВФО, тыс. чел.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025
Общая численность	6545	6416	6348	6334	6380
Постоянное население	6420	6300	6220	6180	6200
Трудовые мигранты	125	116	128	154	180

Окончание табл. 3

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025
Естественный прирост	-18,5	-12,5	-7,8	-4,8	-3,5
Миграционный прирост	-25,3	-10,5	-1,5	+7,2	+24,0

Социальные показатели. Авторы сочли правомерным использовать в комплексном анализе не только абсолютные, но и относительные показатели, в частности, при оценке динамики качества жизни – стоимость социальных услуг в сравнении с центральными российскими регионами, включая города Москву и Санкт-Петербург. Наблюдается позитивная, но недостаточная динамика. В соответствии с данными, представленными в табл. 4, уровень бедности в большинстве регионов ДФО снизился за 20 лет на 10–13 процентных пунктов, однако по-прежнему в 1,5–2 раза превышает среднероссийский показатель.

Таблица 4

Динамика уровня бедности по регионам Дальнего Востока, %

Регион	2005	2010	2015	2020	2024
Приморский край	25	20	18	15	12
Хабаровский край	28	22	20	17	14
Амурская область	30	25	23	20	18
Камчатский край	32	27	25	22	20
Магаданская область	35	30	28	25	23
Сахалинская область	27	22	20	17	14
Еврейская АО	33	28	26	23	21
Чукотский АО	40	35	33	30	28

Источник: сост. авторами по [15, 17].

В 2024 г. около 15% населения региона имели доходы ниже прожиточного минимума. Продолжительность жизни выросла с 65,5 до 71,5 лет, но отставание от средних значений по стране сохраняется. В целях обеспечения наибольшей

объективности в оценке качества жизни дальневосточного населения авторами сделана его оценка не по росту средней заработной платы, а по ее отношению к стоимости потребительской корзины (ПК). Приведенные в табл. 5 данные показывают, что этот важнейший параметр стабильно держится на уровне 5,0, что ниже, чем в Москве (6,5–7,0) и Санкт-Петербурге (5,5–6,0), указывая на относительно низкую покупательную способность при высокой стоимости жизни и более высокой среднегодовой инфляции [15, 17].

Таблица 5

**Соотношение зарплаты и потребительской корзины
(средние показатели по Дальнему Востоку)**

Год	Средняя зарплата, руб.	Стоимость ПК, руб.	Соотношение	Зарплата, долл. США
2005	15 000	3000	5,0	530
2010	25 000	5000	5,0	833
2015	35 000	7000	5,0	583
2020	45 000	9000	5,0	611
2024	60 000	12 000	5,0	677

Источник: сост. авторами по [15, 17].

Подтверждением данного вывода служат приведенные в табл. 6 данные о сравнительно пассивной динамике медицинского обеспечения дальневосточников в прошедшие четверть века.

Таблица 6

Динамика показателей здравоохранения

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025	Изм.
Финансирование, млрд руб.	45	85	145	220	320	×7,1
Число больничных коек, тыс.	85	82	78	75	70	-17,6 %
Госпитализировано, тыс. чел.	1250	1180	1120	1050	980	-21,6 %
Расход на 1 больного, тыс. руб.	36	72	129	210	327	×9,1

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Сформирована комплексная система программно-целевого управления развитием Дальнего Востока, включающая иерархию стратегий, специализированные институты и уникальные для России инструменты преференциальных режимов (ТОР, СПВ).

2. Достигнут значительный прогресс в привлечении инвестиций и развитии инфраструктуры, особенно в сырьевом и транспортно-логистическом секторах. ВРП региона показывает устойчивый номинальный рост.

3. Ключевые социальные проблемы не преодолены. Демографический кризис (отток населения), высокая стоимость жизни, дефицит квалифицированных кадров и сырьевая зависимость экономики остаются системными ограничителями устойчивого развития.

Наблюдается разрыв между масштабными целями и фактическим выполнением финансовых планов, а также между ростом макроэкономических показателей и динамикой качества жизни населения.

Для повышения эффективности государственной политики представляются целесообразными следующие рекомендации:

1. Сместить фокус с экстенсивного привлечения инвестиций на качество жизни. Усилить меры по закреплению населения через целевое развитие социальной инфраструктуры (жилье, образование, здравоохранение), обеспечение реальной доступности жилья и существенное повышение покупательной способности доходов.

2. Повысить эффективность и адресность бюджетных расходов. Внедрить систему строгого мониторинга социально-экономической отдачи от проектов, реализуемых в рамках ТОР и госпрограмм. Рассмотреть возможность консолидации институтов развития для ликвидации дублирования функций.

3. Активнее стимулировать диверсификацию экономики. Разработать специальные инструменты поддержки несырьевого экспорта, глубокой переработки ресурсов, малого и среднего предпринимательства в сфере услуг и креативных индустрий.

Последовательная реализация предлагаемых мер позволит перейти от модели «освоение территории» к модели «развитие для людей», обеспечивающей долгосрочную устойчивость и геополитическую стабильность Дальнего Востока России.

Список источников

1. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А. Г. Гранберг. Москва: Экономика, 2006. 848 с.
2. Минакир П. А., Прокапало О. М. Дальний Восток: реальные стратегии и мнимые программы // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 13–21.
3. Латкин А. П. Анализ влияния реформ на социально-экономическое развитие Дальнего Востока // Вестник Дальневосточной гос. академии экономики и управления. 2000. № 2 (14). С. 28, 29.
4. Латкин А. П. Мнимые и реальные перспективы реализации долговременной программы развития российского Дальнего Востока // Тихоокеанская Россия. Проблемы

- и возможности модернизации: сб. науч. тр. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2012. С. 20–28.
5. Мотрич Е.Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 27–40.
  6. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р. URL: <http://government.ru/docs/33593/>
  7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 308. URL: <https://base.garant.ru/70644078/>
  8. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/>
  9. Данные о финансировании трехлетней программы развития Дальнего Востока (2023–2025 гг.) // Министерство финансов Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/>
  10. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/
  11. О свободном порте Владивосток: Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/
  12. Федеральный закон от 30.09.2013 № 267-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации».
  13. Меры поддержки бизнеса // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики России: [офиц. сайт]. URL: <https://erdc.ru/>
  14. Годовые отчеты // Счетная палата Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/reports/>
  15. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [офиц. сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
  16. Зайончковская Ж.А. Демографические и миграционные вызовы Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. № 3. С. 17–35.
  17. Латкин А.П., Ярусова С.Б., Шеломенцев А.Г. Продовольственная обеспеченность как ключевой фактор улучшения качества жизни на Дальнем Востоке // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2024. Т. 16, № 1 (69). С. 215, 216.

References

1. Minakir P. A. Regional economy. Far East / resp. ed. A. G. Granberg. Moscow: Economics; 2006. 848 p.
2. Minakir P. A., Prokapalo O. M. Far East: real strategies and imaginary programs. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2007; (5): 13–21.
3. Latkin A. P. Analysis of the impact of reforms on the socio-economic development of the Far East. *Bulletin of the Far Eastern State Academy of Economics and Management*. 2000; 2 (14): 28, 29.
4. Latkin A. P. Imaginary and real prospects for the implementation of a long-term program for the development of the Russian Far East. *Pacific Russia. Problems and opportunities*

- for modernization: Sat. scientific. tr.* Vladivostok: Publishing House of VSUES; 2012. P. 20–28.
5. Motrich E. L. Migration in the demographic development of the Russian Far East. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2022; 18 (1): 27–40.
  6. On approval of the Strategy for the socio-economic development of the Far East and the Baikal region for the period up to 2025: Order of the Government of the Russian Federation of 28.12.2009 No. 2094-r. URL: <http://government.ru/docs/33593/>
  7. On approval of the state program of the Russian Federation "Socio-economic development of the Far East and the Baikal region": Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 No. 308. URL: <https://base.garant.ru/70644078/>
  8. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/>
  9. Data on financing the three-year program for the development of the Far East (2023–2025). *Ministry of Finance of the Russian Federation: [official. site]*. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/>
  10. On the territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2014 No. 473-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/
  11. On the free port of Vladivostok: Federal Law of 13.07.2015 No. 212-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/
  12. Federal Law No. 267-FZ dated September 30, 2013 (as amended on April 16, 2022), "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation to Stimulate the Implementation of Regional Investment Projects in the Far Eastern Federal District and Certain Subjects of the Russian Federation".
  13. Business support measures. *Russian Far East and Arctic Development Corporation: [official. site]*. URL: <https://erdc.ru/>
  14. Annual reports. *Accounts Chamber of the Russian Federation: [official. site]*. URL: <https://ach.gov.ru/reports/>
  15. Official statistics. *Federal State Statistics Service (Rosstat): [official. site]*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
  16. Zayonchkovskaya Zh. A. Demographic and migration challenges of the Far East. *Spatial economy*. 2020; (3): 17–35.
  17. Latkin A. P., Yarusova S. B., Shelomentsev A. G. Food security as a key factor in improving the quality of life in the Far East. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024; 16 (1): 215, 216.

Информация об авторах:

Латкин Александр Павлович, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Aleksandr.LatkinP@vvsu.ru

Малёванный Вячеслав Михайлович, директор Департамента информации, Дальневосточный государственный рыбохозяйственный университет, г. Владивосток, mssotovyi@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/007-017>

EDN: <https://elibrary.ru/HXDPKH>

Дата поступления:
16.02.2026

Одобрена после рецензирования:
24.02.2026

Принята к публикации:
25.02.2026

Научная статья

УДК 332.1

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/018-028>

EDN: <https://elibrary.ru/MCLAYU>

Понятийный аппарат и классификация особых экономико-правовых режимов в Российской Федерации

Березникова Анна Геннадьевна

Владивостокский государственный университет

Дальневосточное таможенное управление

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Исследуется проблема терминологической и классификационной раздробленности в области особых экономико-правовых режимов в Российской Федерации. Выявлено и проанализировано 15 различных режимов (ОЭЗ, ТОР, свободный порт Владивосток, САР и др.), регулируемых отдельными федеральными законами. Отсутствие единого обобщающего понятия затрудняет их системный анализ и оценку эффективности. На основе сравнительно-правового метода сформулировано авторское интегральное определение особого экономико-правового режима (ОЭПР) как самостоятельной единой экономико-правовой категории, выделены его девять существенных признаков и функции. Научная новизна заключается в разработке оригинальной многоаспектной классификации ОЭПР по пространственному масштабу, преобладающему инструменту господдержки, инициатору создания и отраслевой специализации. Результаты работы формируют теоретическую основу для сравнительных исследований и могут быть использованы органами власти для аудита и оптимизации инструментов пространственного развития.*

***Ключевые слова:** особый экономико-правовой режим, особая экономическая зона, территория опережающего развития, свободный порт, классификация*

***Для цитирования:** Березникова А. Г. Понятийный аппарат и классификация особых экономико-правовых режимов в Российской Федерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/018-028>. EDN: <https://elibrary.ru/MCLAYU>*

Original article

The conceptual framework and classification of special economic and legal regimes in the Russian Federation

Anna G. Bereznikova

Vladivostok State University

Far Eastern Customs Administration

Vladivostok. Russia

***Abstract.** The article examines the problem of terminological and classificatory fragmentation in the field of special economic and legal regimes in the Russian Federation. The author has identified and analyzed 15 different regimes (SEZs, Territories of Advanced Development (TAD), the free port of Vladivostok, Special Administrative Regions (SARs), etc.), each regulated by separate federal laws. The lack of a single overarching concept complicates their systematic analysis and effectiveness evaluation. Based on the comparative legal method, the author formulates an integrated definition of the "special economic and legal regime" (SELR) as*

© Березникова А. Г., 2026

an independent, unified economic and legal category, identifying its nine essential features and functions. The scientific novelty lies in developing an original multi-faceted classification of SELRs according to spatial scale, the predominant instrument of state support, the initiator of establishment, and sectoral specialization. The results form a theoretical basis for comparative studies and can be used by authorities for auditing and optimizing spatial development tools.

Keywords: *Russia special economic and legal regime, special economic zone (SEZ), territory of advanced development (TAD), free port, classification*

For citation: *Bereznikova A. G. The conceptual framework and classification of special economic and legal regimes in the Russian Federation // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/018-028>. EDN: <https://elibrary.ru/MCLAYU>*

Введение

Современная практика государственного регулирования экономики в России и мире характеризуется активным использованием инструментов дифференцированного подхода к развитию территорий и отраслей. Создание зон со специальными условиями ведения бизнеса – от свободных экономических зон до регуляторных «песочниц» – стало распространенным ответом на вызовы глобальной конкуренции, регионального неравенства и необходимости стимулирования инноваций. По данным Всемирного банка, в 2023 г. в мире насчитывалось свыше 12 тыс. специальных зон различного типа [1].

В настоящее время на территории Российской Федерации функционирует 15 различных зон или режимов:

- 1) ОЭЗ в Калининградской области;
- 2) ОЭЗ в Магаданской области и на Курильских островах;
- 3) ОЭЗ;
- 4) инновационный центр «Сколково»;
- 5) СЭЗ Крым;
- 6) территории опережающего развития;
- 7) Международная территория опережающего развития;
- 8) свободный порт Владивосток;
- 9) Международный медицинский кластер;
- 10) инновационные научно-технические центры;
- 11) специальные административные районы на территориях о. Русский Приморского края и о. Октябрьский Калининградской области;
- 12) Арктическая зона;
- 13) СЭЗ в Луганской Народной Республике, Донецкой Народной Республике, Запорожской области, Херсонской области и на прилегающих территориях;
- 14) промышленные и экпромышленные парки;
- 15) креативные кластеры.

При этом отсутствует единое консолидированное понятие, которое в обобщенной форме описывало бы сущность этих разнородных инструментов пространственного развития. Существующие термины используются как взаимозаменяемые или противопоставляемые, зачастую без четких критериев, что создает терминологическую путаницу и затрудняет системный анализ их эффективности, сравнительное правовое исследование и выработку общей политики.

Эпизодически возникающий в научной литературе термин «экономико-правовой режим» отражает интуитивное стремление исследователей и практиков объединить существующие виды режимов в единую экономическую категорию [2–4]. Отсутствие его четкой дефиниции при очевидной востребованности свидетельствует о понятийном разрыве между развитой практикой и отстающей теорией. Таким образом, задача формулирования авторского определения является не произвольной, а методологически необходимой; она продиктована самой реальностью, требующей адекватного понятийного аппарата для ее системного анализа.

Цель исследования – преодоление указанного понятийного разрыва путем разработки авторского определения и многоаспектной классификации особых экономико-правовых режимов, действующих в Российской Федерации.

Для достижения цели решались следующие *задачи*:

- 1) проанализировать существующие в литературе подходы к определению смежных понятий и выявить их ограничения;
- 2) на основе сравнительно-правового анализа законодательной базы всех выявленных режимов сформулировать интегральное определение понятия «особый экономико-правовой режим»;
- 3) выделить сущностные признаки и функции данного явления;
- 4) разработать и обосновать систему классификаций режимов по ключевым параметрам.

В качестве *методологической основы* для формирования авторского определения понятия «особый экономико-правовой режим» был применен сравнительно-правовой и системный анализ. Для этого все выявленные на территории Российской Федерации специальные режимы (15 режимов) были систематизированы в сводную аналитическую таблицу, где по единой схеме сопоставлялись их ключевые параметры: основной регулирующий закон; год создания; срок функционирования; цель создания, обозначенная в основном регулирующем законе; разрешенные виды деятельности; инициатива создания; местоположение; финансирование создания объектов инфраструктуры; сумма потраченных либо запланированных к трате средств на создание инфраструктуры; управление / управляющий орган; налоговые и таможенные льготы режима; иные льготы и упрощения; эффективность режима; отчетность; прекращение функционирования.

Проведенное сравнение позволило выявить не только очевидные различия между режимами, но и их скрытую системную общность. Было установлено, что за разными правовыми формами скрываются повторяющиеся элементы: комбинации экономических, инфраструктурных и административных мер, которые и образуют ядро каждого режима. Именно этот набор повторяющихся элементов и стал эмпирической базой для синтеза общего определения.

Основная часть

В научной литературе в роли объединяющей дефиниции нередко выступают смежные понятия: «особая экономическая зона», «территория с особым экономическим статусом» или «преференциальный режим». Однако их использование для целей обобщения не вполне корректно по следующим причинам.

Анализ международных документов, в частности публикации ЭСКАТО ООН [5], подтверждает, что термин «свободная экономическая зона» не выполняет роли обобщающего понятия в академическом и практическом дискурсе. Напротив, в литературе закреплён плюрализм форм: экспортно-производственные зоны (EPZ), особые экономические зоны (SEZ), свободные торговые зоны (FTZ), логистические парки и другие, каждая из которых представляет собой отдельный институциональный режим с уникальными целями, функциями и правовым оформлением.

В российской практике понятие «особая экономическая зона» не является умозрительной абстракцией или научной метафорой. Оно представляет собой строго формализованную правовую категорию, четкое определение, которое дано в ст. 2 Федерального закона № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [6] и в Соглашении по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны [7]. Таким образом, этот термин переходит из области теоретических обобщений в сферу общеобязательных правовых установлений, обладая конкретными юридическими признаками, порядком создания и функционирования. Его использование в качестве обобщающего для всех экономико-правовых режимов некорректно, так как закон ограничивает его применение вполне определенной организационно-правовой формой.

В ряде работ применяется также термин «преференциальный режим». На наш взгляд, стоит разграничивать понятия экономико-правового режима и преференциального режима. Сущностное ядро преференциального режима уже, поскольку главный инструмент для данного режима – это налоговые льготы. Экономико-правовые режимы, в свою очередь, имеют более широкое ядро, что предполагает сочетание различных налоговых, административных, инфраструктурных мер поддержки. Именно поэтому в ряде работ, например Ю.В. Малковой [8], Н.Д. Комовой, А.С. Тяпкиной, А.В. Лихвойнен, В.И. Юхимец, В.С. Александровой [9], Л.И. Гончаренко [10], К.И. Брыкина [11], преференциальные режимы рассматриваются как «преференциальные налоговые режимы».

В работе А.П. Латкина и Е.В. Харченковой [12] приводится обобщающий термин «территория с особым экономическим статусом», под которым понимается сложно организованная система, включающая отличную от общепринятой систему налоговых и таможенных преференций, а также особый порядок создания и функционирования компаний-резидентов. Однако данное определение не может считаться исчерпывающим и универсальным по двум ключевым причинам. Во-первых, в нем не отражен фундаментальный аспект наличия специальной правовой основы, в то время как проведенный автором анализ наглядно демонстрирует, что каждый конкретный режим инициируется и функционирует исключительно в рамках определенного федерального закона, который выступает его первичным источником и легитимирующим документом. Во-вторых, определение упускает из виду комплекс административно-управленческих механизмов поддержки, таких как принцип «единого окна», льготный порядок предоставления земельных участков, возможность получения грантов или обеспе-

чение инженерной инфраструктурой за счет государства. Эти элементы являются неотъемлемыми практическими составляющими современных режимов, выходящими за рамки лишь фискальных преференций. Таким образом, предложенная дефиниция охватывает лишь часть признаков и требует существенного дополнения для адекватного описания всей совокупности существующих экономико-правовых инструментов.

К отсутствию статичной дефиниции также приводит то, что виды режимов постоянно эволюционируют и модифицируются в зависимости от нужд создателей. Эту тенденцию можно проследить на примере функционирования особых экономико-правовых режимов в России. В России постоянно изменяют подходы к созданию особых экономико-правовых режимов, адаптируя их под текущие экономические и политические условия.

На основе синтеза повторяющихся элементов, выявленных в ходе сравнительного анализа 15 режимов, автором предлагается следующее определение: особый экономико-правовой режим (далее – ОЭПР) – это установленный законодательством Российской Федерации устойчивый комплекс взаимосвязанных экономических мер, правовых норм и административных процедур, создающий дифференцированные (по сравнению с общефедеральными) условия хозяйственной деятельности в территориально-отраслевом разрезе, обусловленные специальными особенностями развития территорий и отраслей в целях достижения стратегических государственных приоритетов.

Данное определение позволяет выделить следующие существенные признаки ОЭПР, присущие всем исследованным видам:

- 1) адресность: меры поддержки распространяются на определенных лиц (резидентов), осуществляющих предпринимательскую деятельность;
- 2) целевая ориентация: создание режима обосновывается конкретными публично-правовыми целями (социально-экономическое развитие, инновации, освоение территории);
- 3) комплексность мер: сочетание фискальных льгот, таможенных преференций, административных упрощений, инфраструктурной и финансовой поддержки, специальных правовых норм;
- 4) особое юридическое положение: предоставление резидентам комплекса прав и преимуществ, недоступных за пределами территории действия режима;
- 5) ограниченность действия: привязка к определенной территории (субъект РФ, муниципалитет, земельный участок) или конкретным отраслям;
- 6) специальная правовая основа: регулирование на основе отдельного закона или подзаконных актов;
- 7) наличие уполномоченного субъекта управления: контролирующий орган или управляющая компания;
- 8) временная определенность: установленный срок действия (ограниченный или бессрочный);
- 9) наличие механизма оценки: для большинства режимов предусмотрены оценка эффективности и отчетность.

Функция ОЭПР заключается в решении определенных социально-экономических задач, к числу которых относятся: стимулирование устойчивого экономического роста на определенных территориях или в отраслях, создание благоприятного инвестиционного климата, развитие инновационного потенциала, решение проблем занятости и инфраструктурного развития.

Многоаспектный анализ российских режимов позволил разработать их комплексную классификацию по пяти ключевым основаниям (табл. 1).

Таблица 1

Классификация особых экономико-правовых режимов в РФ

Классификационный признак	Типы режимов	Примеры
1. Пространственный масштаб	Макрогеографические (региональные)	ОЭЗ в Калининградской обл., Арктическая зона
	Мезотерриториальные (локально-муниципальные)	Свободный порт Владивосток, ОЭЗ «Магадан»
	Микроочечные (объектные)	Инновационный центр «Сколково», индустриальные парки
2. Базовые условия территории	Компенсирующие	ОЭЗ Калининград, ТОР, СПВ, Арктическая зона
	Стимулирующие	ОЭЗ по 116-ФЗ, «Сколково», инновационные центры
3. Преобладающий инструмент господдержки (ядро режима)	Преференциально-стимулирующие	ОЭЗ по 116-ФЗ, «Сколково»
	Компенсационные	ОЭЗ Калининград, ТОР, СПВ, Арктическая зона
	Инфраструктурно-сервисные	Индустриальные и технопарки
	Административно-правовые	Специальные административные районы (САР)
4. Инициатор создания (субъект правотворческой инициативы)	Режимы «сверху»	ТОР, СПВ, Арктическая зона
	Режимы «снизу»	Некоторые промышленные парки
	Парламентские	Ряд режимов, созданных в ответ на текущие вызовы
5. Отраслевая специализация	Универсальные	ОЭЗ по 116-ФЗ (кроме запрещенных), ТОР, Арктическая зона
	Специализированные (отраслевые/функциональные)	
	Технологические / инновационные	«Сколково», ИНТЦ
	Промышленно-производственные	Промышленные парки
	Сервисно-отраслевые	Международный медицинский кластер
	Режимы сферы услуг и управления	Специальные административные районы (управление активами, финансы)

Источник: сост. автором.

Классификация особых экономико-правовых режимов возможна по нескольким ключевым критериям, что раскрывает их сущность, механизмы и место в системе государственного регулирования.

Представленная классификация имеет системное методологическое обоснование. Ее критерии обусловлены сущностными характеристиками ОЭПР, выделенными в авторском определении, и призваны раскрыть ключевые параметры его функционирования в системе государственного регулирования. Каждый классификационный признак отвечает на фундаментальный вопрос о природе, целях и механизме действия ОЭПР.

1. Пространственный масштаб в качестве первичного критерия обосновывается территориально-ограниченным характером режима. Данный признак обуславливает, во-первых, логику территориального выбора: привязку макро- и мезорежимов к стратегическим или проблемным территориям, в то время как микрорежимы локализуются исходя из наличия специфического ресурса; во-вторых, масштаб социально-экономического воздействия: от широкомасштабного влияния на экономику региона до точечного формирования интенсивных центров компетенций.

2. Классификация по целевому основанию (компенсирующие / стимулирующие) вытекает из целевой ориентации ОЭПР и отражает его фундаментальную миссию. Компенсирующие режимы представляют собой инструмент нивелирования объективных негативных факторов территории (экстремальность, удаленность, депрессивность), направленный на выравнивание конкурентных условий и коррекцию рыночных провалов. Стимулирующие режимы выступают целенаправленно-создаваемым инструментом формирования точек роста и активизации эндогенного потенциала на территориях без выраженных природных ограничений.

3. Критерий преобладающего инструмента господдержки (ядро режима) базируется на признаке комплексности мер, позволяя идентифицировать ключевой механизм воздействия. Он обеспечивает понимание:

- доминирующего типа предоставляемых преимуществ (фискальные, инфраструктурные, административные);
- логики законодательного выбора инструментария, соответствующего решаемой задаче (например, налоговые льготы для привлечения инвестиций или инфраструктурные инвестиции для преодоления логистических ограничений);
- возможности корректной сравнительной оценки режимов со схожим инструментальным наполнением.

4. Признак инициатора создания раскрывает политико-управленческий генезис режима и связан с субъектом управления. Его выделение позволяет анализировать степень централизации политики пространственного развития, адаптивность системы через возможность апробации моделей по инициативе регионов.

5. Отраслевая специализация конкретизирует признаки адресности и целевой ориентации. Данный критерий дает возможность дифференцировать ОЭПР как инструмент территориальной или отраслевой (структурной) политики, выявлять госу-

дарственные приоритеты в развитии конкретных секторов экономики, прогнозировать отраслевые кластерные эффекты и синергию между резидентами.

Таким образом, предложенная система критериев является взаимодополняющей и формирует целостную аналитическую матрицу. Она обеспечивает переход от простого описания к выявлению системной логики, лежащей в основе многообразия ОЭПР в Российской Федерации, что составляет необходимую методологическую базу для их последующего сравнительно-правового анализа и оценки результативности.

Проведенная концептуализация и классификация ОЭПР выявляет их системную роль как ключевого инструментария государственной политики, направленной на реализацию принципов устойчивого развития территорий. Каждый тип ОЭПР, будучи специализированным институциональным форматом, призван на практике обеспечить сбалансированное достижение стратегической триады: экономической эффективности, социальной инклюзии и экологической устойчивости.

Во-первых, ОЭПР выступают катализатором экономической эффективности, непосредственно формируя «полюса роста» и стимулируя эндогенные факторы развития. Режимы с преобладанием преференциально-стимулирующих (например, ОЭЗ по 116-ФЗ, «Сколково») или инфраструктурно-сервисных (промышленные парки) инструментов концентрируют инвестиции и передовые технологии, создавая кумулятивный эффект и повышая общую производительность факторов на территории. Это формирует материальную основу для решения социальных и экологических задач, обеспечивая финансовые ресурсы для их реализации [13].

Во-вторых, социальная инклюзия обеспечивается через целевое воздействие ОЭПР на региональную социальную систему. Создание новых высокопроизводительных рабочих мест, обязательное развитие человеческого капитала (например, через требования к резидентству или сопутствующие программы) и стимулирование роста доходов прямо способствуют снижению бедности – фундаментальному условию устойчивости. Более того, успешная реализация режима, особенно в депрессивных или отдаленных регионах (компенсационные режимы типа ТОР, Арктической зоны, СПВ), ведет к развитию социальной инфраструктуры, повышению качества жизни и укреплению социального капитала местных сообществ, усиливая их устойчивость.

В-третьих, экологическая устойчивость закладывается в архитектуру современных ОЭПР на нормативном уровне. Условия резидентства, особенно в промышленно-производственных и универсальных режимах, все чаще включают обязательства по соблюдению строгих экологических стандартов, внедрению наилучших доступных технологий и проведению оценки воздействия на окружающую среду.

Таким образом, ОЭПР трансформируется из инструмента точечного стимулирования в системный координационный механизм, где экономические стимулы, социальные обязательства и экологические ограничения не противостоят, а взаимно усиливают друг друга в рамках единой стратегии регионального развития. Следовательно, разработанный понятийный аппарат и классификация

создают необходимую основу для последующей оценки вклада конкретных ОЭПР в достижение целей устойчивого развития через призму сбалансированности их экономических, социальных и экологических результатов.

Заключение

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели и преодолеть существующий понятийный разрыв в области особых экономико-правовых режимов на территории Российской Федерации. Разработанное авторское определение и выявленная система существенных признаков дают возможность рассматривать разнообразные правовые конструкции (ОЭЗ, ТОР, СПВ, САР и др.) как единую экономико-правовую категорию – «особый экономико-правовой режим». Это создает основу для корректных сравнительных, сопоставительных и оценочных исследований в области региональной экономики и права.

Основным результатом, определяющим научную новизну работы, является разработка первой многоаспектной классификации российских особых экономико-правовых режимов. Обоснованная типология по пространственному масштабу, базовым условиям территории, целевому ядру мер поддержки, субъекту правотворческой инициативы и отраслевой специализации не просто систематизирует многообразие режимов, но и вскрывает логику их создания.

Практическая ценность работы состоит в том, что предложенные определения и классификация могут быть использованы органами государственной власти для аудита существующих инструментов пространственного развития, поиска правовых пробелов и «белых пятен» в системе мер государственной поддержки, а также для более обоснованного проектирования новых режимов с четким пониманием их места в общей системе и оптимального выбора комбинации мер поддержки.

Перспективы дальнейших исследований видятся в применении разработанного понятийного аппарата и классификации как методологической основы для создания унифицированной методики оценки эффективности ОЭПР. Это позволит перейти от анализа их правовой формы к измерению реального социально-экономического содержания и вклада в развитие регионов, обеспечивая тем самым доказательный базис для принятия управленческих решений.

Список источников

1. World Bank Open Zone Map. URL: <https://www.openzonemap.com/map>
2. Схведиани А.Е., Марута В.Г. Особые экономико-правовые режимы как механизм выравнивания социально-экономического положения регионов // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 5. С. 109–113. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42152>
3. Волков А.Д. Мировой опыт применения экономико-правовых режимов и его использование в пространственной организации экономики Арктического региона // *Экономика, предпринимательство и право*. 2021. Т. 11, № 6. С. 1389–1404. DOI: 10.18334/epp.11.6.112298
4. Агеева Э.А. Особые экономико-правовые зоны в России: эпоха становления и развития // *Journal of monetary economics and management*. 2025. № 3. С. 259–263. DOI: <https://doi.org/10.26118/2782-4586.2025.40.19.040>

5. Free Trade Zone and Port Hinterland Development / авт.: Экон. и соц. комис. ООН для Азии и Тихого океана; соавт.: Haeun Sanᄁr Yᄁn'guwᄁn (Korea) // United Nations ESCAP. 2005. 109 p. https://books.google.ru/books/about/Free_Trade_Zone_and_Port_Hinterland_Deve.html?id=RySFAAAAIAAJ&redir_esc=y
6. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ.
7. Соглашение от 18.06.2010 «По вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны».
8. Малкова Ю. В. К вопросу о необходимости создания зон с преференциальными налоговыми режимами с целью развития промышленных кластеров // *Налоги и налогообложение*. 2019. № 7. С. 1–18. DOI: 10.7256/2454-065X.2019.7.30481. EDN CSIKY
9. Территории с преференциальным налоговым режимом: преимущества и недостатки, анализ тенденций развития в России / Н. Д. Комова, А. С. Тяпкина, А. В. Лихвойнен [и др.] // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 8-2. С. 140–145. DOI: 10.17513/vaael.1822. EDN GBYQRC
10. Гончаренко Л. И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России // *Экономика. Налоги. Право*. 2024. Т. 17, № 3. С. 156–166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166. EDN QQYEJM
11. Брыкин К. И. Преференциальные налоговые режимы в ОЭЗ и ТОР как мера господдержки экономики развития // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 7 (235). С. 50–52. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_7_50. EDN HZWOTB
12. Латкин А. П., Харченкова Е. В. Инновационный подход к оценке эффективности функционирования территорий особого экономического статуса на Дальнем Востоке // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. Т. 8, № 1(26). С. 381–384. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0091. EDN THGLUO
13. Старикова Е. А. Современные подходы к трактовке концепции развития // *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-traktovke-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya>

References

1. World Bank Open Zone Map. URL: <https://www.openzonemap.com/map>
2. Shvediani A. E., Maruta V. G. Special Economic and Legal Regimes as a Mechanism for Leveling the Socio-Economic Situation of Regions. *Fundamental Research*. 2018; (5): 109–113. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42152>
3. Volkov A. D. World Experience in the Application of Economic and Legal Regimes and Its Use in the Spatial Organization of the Arctic Region's Economy. *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2021; 11 (6): 1389–1404. DOI: 10.18334/epp.11.6.112298
4. Ageeva E. A. Special Economic and Legal Zones in Russia: The Era of Formation and Development. *Journal of Monetary Economics and Management*. 2025; (3): 259–263. DOI: <https://doi.org/10.26118/2782-4586.2025.40.19.040>
5. Free Trade Zone and Port Hinterland Development. *United Nations ESCAP* 2005: 109. URL: https://books.google.ru/books/about/Free_Trade_Zone_and_Port_Hinterland_Deve.html?id=RySFAAAAIAAJ&redir_esc=y
6. Federal Law No. 116-FZ "On Special Economic Zones in the Russian Federation" dated July 22, 2005.

7. Agreement "On Free (Special, Specific) Economic Zones on the Customs Territory of the Customs Union and the Customs Procedure of the Free Customs Zone" dated June 18, 2010.
8. Malkova Yu. V. On the Need to Create Zones with Preferential Tax Regimes for the Development of Industrial Clusters. *Taxes and Taxation*. 2019; (7): 1–18. DOI: 10.7256/2454-065X.2019.7.30481. EDN CSIKEY
9. Territories with a Preferential Tax Regime: Advantages and Disadvantages, Analysis of Development Trends in Russia / N.D. Komova, A.S. Tyapkina, A.V. Likhvoinen [et al.]. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021; (8-2): 140–145. DOI: 10.17513/vaael.1822. EDN GBYQRC
10. Goncharenko L.I. The Construct of Preferential Tax Regimes as a Determinant for Attracting Investment in Russia's Innovative Development. *Economics. Taxes. Law*. 2024; 17 (3): 156–166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166. EDN QQYEJM
11. Brykin K.I. Preferential Tax Regimes in SEZs and TADs as a Measure of State Support for Development Economics. *Agrarian and Land Law*. 2024; 7 (235): 50–52. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_7_50. EDN HZWOTB
12. Latkin A.P., Kharchenkova E.V. An Innovative Approach to Assessing the Effectiveness of Territories with Special Economic Status in the Far East. *Azimut of Scientific Research: Economics and Management*. 2019; 8 (1 (26)): 381–384. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0091. EDN THGLUO
13. Starikova E.A. Modern Approaches to the Interpretation of the Concept of Sustainable Development. *RUDN Journal of Economics*. 2017; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-traktovke-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya>

Информация об авторе:

Березникова Анна Геннадьевна, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», главный государственный таможенный инспектор Дальневосточного таможенного управления, г. Владивосток, bereznikova_ag@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/018-028>

EDN: <https://elibrary.ru/MCLAYU>

Дата поступления:
29.01.2026

Одобрена после рецензирования:
06.02.2026

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья

УДК 332.1

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/029-044>

EDN: <https://elibrary.ru/MIUJKB>

Аналитический инструментарий для оценки региональной резильентности

Титова Наталья Юрьевна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена нарастанием турбулентности глобальной среды, которая проявляется в санкционном давлении и иных структурных шоках, существенно воздействующих на региональную резильентность. Несмотря на наличие значительного научного задела в области теоретических подходов к понятию резильентности и ее оценке на региональном уровне, исследования по систематизации ее факторов носят фрагментарный характер. Предложен авторский подход к классификации факторов региональной резильентности. Научная новизна заключается в авторских критериях классификации (принадлежность к сфере региона: производственно-экономическая, институционально-управленческая, инновационно-технологическая, инфраструктурно-пространственная, природно-экологическая, социально-демографическая, финансово-инвестиционная; уровень воздействия: макро-, мезо-, микроуровень; уровень происхождения: эндогенный, экзогенный; уровень влияния: прямой, косвенный), в соответствии с которыми предложен набор факторов и примеры показателей для их оценки. Разработанная классификация представляет собой аналитический инструментарий, который может быть использован для разработки методических подходов к оценке уровня региональной резильентности.

Ключевые слова: резильентность, региональная резильентность, резильентность факторов, классификация факторов

Для цитирования: Титова Н. Ю. Аналитический инструментарий для оценки региональной резильентности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 29–44. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/029-044>. EDN: <https://elibrary.ru/MIUJKB>

Original article

The Analytical Tool for Evaluating Regional Resilience

Natalia Yu. Titova

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

Abstract. The relevance of the study is driven by the increasing turbulence of the global environment, which manifests itself in sanctions pressure and other structural shocks that significantly impact regional resilience. Despite a scientific groundwork of research on theoretical approaches to the concept of resilience and its assessment at the regional level, studies aimed at systematizing its factors remain fragmented. The paper proposes an author's approach to the classification of regional resilience factors. The scientific novelty is in the development of an original classification based on four key criteria and groups of the factors: the factor's belonging to a regional sphere (production-economic, institutional-managerial, innovative-technological, infrastructure-spatial, natural-ecological, socio-demographic, financial-investment), its level of impact (macro-,

meso-, micro-), its origin (endogenous, exogenous), and the nature of its influence (direct/indirect). The proposed classification is supplemented by examples of specific indicators, which allows it to be used as an analytical tool and a basis for developing methodological approaches to assessing the level of regional resilience.

Keywords: *resilience, regional resilience, resilience factors, classification of factors*

For citation: *Titova N. Yu. The Analytical Tool for Evaluating Regional Resilience // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 29–44. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/029-044>. EDN: <https://elibrary.ru/MIUJKB>*

Введение

Устойчивое развитие регионов в условиях нарастающей турбулентности становится критически важным [1]. В научной литературе для обозначения способности к устойчивому развитию, несмотря на потрясения различной силы и характера, закрепилось понятие региональной резильентности, которое трактуется как способность региона противостоять различным шокам, адаптироваться к ним и трансформироваться под их влиянием [2]. Хотя в публикациях российских ученых это понятие часто связывают с финансовыми кризисами [3], экономической неопределенностью [4, 5], последствиями пандемии [6], санкционного давления [7], за рубежом его сфера применения гораздо шире: резильентность проявляется в ответ на природные катастрофы [8], техногенные угрозы [9] и долгосрочные вызовы (например, изменение климата) [10]. Таким образом, резильентность является ключевой способностью региона противодействовать разнообразным внешним и внутренним вызовам глобального масштаба.

Предмет исследования, источниковая база, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция

Принимая во внимание тот факт, что исследование резильентности, особенно в региональном контексте, является относительно новой областью научных исследований, следует признать в ней наличие существенных пробелов. В процессе контент-анализа публикаций по данной теме наблюдается противоречие между существенным заделом в области теоретических подходов к изучению резильентности как комплексной, системной способности региональной экономики и практическими аспектами ее анализа на основе методических подходов, базирующихся на наборах разрозненных показателей, часто лишенных четкой логической структуры. Существующие методики, как правило, оперируют статистическими показателями, которые разделяются по принципу «тройного критерия» на экономические, социальные и экологические факторы и затем агрегируются в интегральные индексы [11]. Однако за этими показателями стоят более фундаментальные категории-факторы, которые формируют способность к резильентности.

Таким образом, в научном дискурсе наблюдается недостаток работ, посвященных систематизации факторов, формирующих эту способность в регионе. В настоящее время существует научный пробел, который заключается в том, что отсутствует аналитический инструментарий, который позволял бы системно выявлять и структурировать ключевые факторы региональной резильентности. Это позволило бы анализировать взаимосвязи между этими факторами, что является ключом к пониманию эмерджентного характера резильентности, а также обеспечивать переход от теоретической категории фактора к выбору релевантных показателей для его оценки. При этом следует учитывать, что к одному и тому же фактору могут быть отнесены несколько разных показателей. Преодоление этого пробела составляет основную научную проблему, решаемую в данном исследовании. Авторская гипотеза заключается в том, что региональная резильентность формируется под влиянием комплекса факторов, которые могут быть системно структурированы по определенным критериям.

Научная новизна, цель исследования, постановка задачи

Цель исследования – разработать классификацию факторов региональной резильентности. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) провести систематизацию существующих подходов к оценке региональной резильентности; 2) разработать критерии для классификации факторов резильентности; 3) предложить конкретные группы факторов в рамках разработанных критериев; 4) дополнить предложенные группы набором конкретных факторов и показателей для их оценки.

Научная новизна заключается в том, что в основе предложенной классификации лежат взаимодополняющие критерии, применяемые к каждому фактору, что позволяет системно переходить от теоретического анализа к подбору показателей для оценки уровня региональной резильентности.

Методы исследования

Основным методом исследования выступает метод научной классификации, направленный на упорядочивание множества факторов резильентности по заданным критериям. Для разработки классификации проанализированы методические подходы к оценке региональной резильентности, в результате чего составлен аналитический инструментарий из факторов и показателей. С целью группировки факторов резильентности применен метод системного анализа, позволивший рассмотреть регион как целостный объект, состоящий из взаимосвязанных подсистем (сфер) и соответствующих уровней, что явилось основой для разработки соответствующих критериев классификации.

Основная часть

Для преодоления обозначенного выше научного пробела в данной работе предлагается классификация факторов региональной резильентности, представленная на рис. 1.

Рис. 1. Классификация факторов региональной резильентности

Источник: сост. автором.

Данная классификация базируется на критериях, которые определяют соответствующие группы факторов. Так, первый критерий характеризует принадлежность фактора к сфере региона. Применение данного критерия дает основания для выделения следующих групп факторов: производственно-экономические, институционально-управленческие, инновационно-технологические, инфраструктурно-пространственные, природно-экологические, социально-демографические и финансово-инвестиционные. Второй критерий – уровень воздействия – характеризует масштаб, на котором фактор преимущественно формируется и проявляет себя: на макроуровне (глобальном или национальном), мезоуровне (региональном) или микроуровне (уровне предприятий и домохозяйств). Третий критерий – уровень происхождения – устанавливает генезис фактора, различая группу эндогенных факторов, формирующихся внутри региона, и экзогенных факторов, возникающих во внешней среде. Четвертый критерий – уровень влияния – раскрывает характер его воздействия, определяя группу факторов прямого (непосредственного) влияния, поддающихся администрированию, а также группу факторов косвенного (опосредованного) влияния, на которые можно воздействовать лишь путем формирования институциональных и экономических условий.

При этом ключевой принцип разработанной классификации заключается в том, что каждый конкретный фактор может быть охарактеризован одновременно

по всем обозначенным критериям. Например, фактор «диверсификация региональной экономики» может быть отнесен к производственно-экономической сфере региона, способен воздействовать на мезоуровне, иметь эндогенное происхождение и оказывать косвенное влияние на региональную резильентность. Применение классификации для анализа факторов обеспечивает целостное и структурированное понимание роли каждого фактора в обеспечении резильентности и является основой для дальнейшей оценки.

Каждый рассмотренный фактор может быть представлен конкретными показателями, позволяющими отразить его состояние, структуру или динамику. При этом следует отметить, что для одного фактора в силу его комплексной природы может существовать набор взаимодополняющих показателей. Например, фактор «диверсификация экономики» может быть оценен не только через отраслевую структуру ВРП, но и через индексы промышленного производства и т. д.

В рамках данной статьи для каждого фактора приведен один показатель в качестве репрезентативного примера (рис. 2, 3). Выбор показателя обусловлен следующими принципами: использованием в существующих публикациях по оценке региональной резильентности и устойчивости, а также доступностью в официальной статистике. Полная разработка исчерпывающего перечня показателей для каждого фактора, определение их весов и интеграция в единый методический аппарат оценки региональной резильентности составляют предмет последующих исследований.

Таким образом, классификация представляет собой аналитический инструментарий, позволяющий дать комплексную характеристику факторам региональной резильентности. Такой подход позволяет не только систематизировать факторы, но и анализировать их происхождение, уровни воздействия, происхождения и влияния. Практическая реализация первого критерия классификации (распределение факторов по ключевым сферам региона) с примерами соответствующих показателей представлена на рис. 2.

Как показано на рис. 2, одним из ключевых элементов региональной резильентности является производственно-экономическая сфера, которая определяется, прежде всего, степенью диверсификации региональной экономики. Диверсифицированная экономика, в отличие от монопрофильной структуры ВРП, менее уязвима к отраслевым шокам, так как спад в одном секторе может быть компенсирован стабильностью или ростом в других секторах. В этом контексте критически важны инвестиции в основной капитал, особенно их направленность в реконструкцию и модернизацию основных производственных фондов. Это позволяет региону не только поддерживать текущую конкурентоспособность, но и адаптироваться к меняющимся технологическим укладам и внешним вызовам. Одновременно с этим синергетический эффект для резильентности создает вертикальная интеграция бизнес-структур в кластерах. Такая кооперация снижает транзакционные издержки, повышая скорость внедрения инноваций и формируя цепочки создания стоимости, которые являются менее зависимыми от внешних поставок, что способствует региональной резильентности.

Факторы	Примеры показателей
Производственно-экономическая сфера региона	
Диверсификация экономики	Отраслевая структура ВРП
Потенциал модернизации производства	Инвестиции в основной капитал
Кластерный потенциал	Коэффициент локализации
Институционально-управленческая сфера региона	
Эффективность публичного управления	Уровень удовлетворенности граждан работой государственных и муниципальных организаций
Развитие социального канала	Численность профессиональных объединений
Инновационно-технологическая сфера региона	
Инновационная активность	Доля отраслей высокотехнологичных услуг в ВРП
Технологическая оснащенность	Электровооруженность труда
Инфраструктурно-пространственная сфера региона	
Развитие социальной инфраструктуры	Количество больничных коек на 10 тыс. жителей
Транспортно-логистическая доступность	Протяженность автомобильных дорог
Природно-экологическая сфера региона	
Природно-ресурсный потенциал	Объем запасов углеводородов
Транспортно-логистическая доступность	Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды
Социально-демографическая сфера региона	
Демографический потенциал	Уровень естественной убыли населения
Воспроизводство трудовых ресурсов	Уровень безработицы
Финансово-инвестиционная сфера региона	
Автономность регионального бюджета	Доходность регионального бюджета
Денежно-кредитная политика	Уровень процентных ставок по кредитам

Рис. 2. Классификация факторов региональной резильентности по сферам региона

Источник: сост. автором на основе контент-анализа публикаций выборки [2–30].

В качестве определяющих резильентность региона ученые относят институционально-управленческие факторы, такие как эффективность публичного управления и уровень развития социального капитала. Качественное управление, характеризуемое в том числе «уровнем квалификации представителей государственных органов власти как на муниципальном, так и на федеральном уровне» [7], позволяет предоставлять соответствующие меры государственной поддержки в форме государственного заказа, субсидий [26] и прочих видов финансирования, не снижая скорости реакции региона на шоки. При этом соизмеримый данному обстоятельству эффект наблюдается и за счет развития социального капитала, так как совместные действия и поддержка внутри предпринимательской среды облегчают коллективные действия в условиях шока. Парадокс,

отмеченный для удаленных северных регионов (например, Арктической зоны РФ, АЗРФ), заключается в необходимости одновременного оперативного вмешательства властей и создания условий для автономии бизнеса [25], что подчеркивает сложность управления данным фактором.

В исследованиях ученых-экономистов особая роль отводится факторам, определяющим уровень развития инновационно-технологической сферы региона. Среди показателей, оценивающих данные факторы в контексте резильентности региона, упоминаются «доля отраслей высокотехнологичных услуг», «объем инновационных товаров, работ, услуг» [14, 29]. Ключевым фактором инновационно-технологической сферы является технологическая оснащенность, которая находит свое отражение в двух взаимосвязанных показателях – производительности и электровооруженности труда. Электровооруженность труда служит показателем, который отражает состояние технической базы и энергетической емкости производства, в то время как производительность труда демонстрирует, насколько эффективно эта база используется для создания конечной стоимости. Хотя инновационно-технологические факторы способствуют росту ВРП и, как следствие, резильентности, исследования на примере АЗРФ выявляют здесь системную проблему. Отсутствие положительных структурных сдвигов в инновационных секторах [15] приводит к тому, что развитие северных экономик носит инерционный характер. В результате локальная резильентность обеспечивается не за счет модернизации, а лишь за счет решения задач «выживания» [27].

Необходимым условием, определяющим региональную резильентность, является развитие инфраструктурно-пространственной сферы. Для шоков, вызванных Всемирной пандемией COVID-19 и усилением международных экономических санкций, особое значение приобретает развитие социальной инфраструктуры [2], которая обеспечивает устойчивость человеческого капитала в период воздействия обозначенных шоков. Уровень развития социальной инфраструктуры возможно оценить через обеспеченность населения объектами здравоохранения (количество больничных коек на 10 тыс. жителей) и доступность качественных цифровых коммуникаций (доля домохозяйств с широкополосным Интернетом), что стало критическим условием для удаленной работы и обучения. Исследователями также отмечаются факторы, характеризующие географическое положение и определяющие близость региона к рынкам сбыта, что обуславливается показателем протяженности автомобильных дорог [21]. При этом можно отметить, что данные факторы являются, как упоминается в исследовании В. В. Акбердиной, «врожденными» [2].

Анализ публикаций, посвященных роли факторов резильентности природно-экологической сферы, позволяет заключить, что в условиях нарастания глобальных экологических вызовов, таких как изменение климата, истощение ресурсов и учащение природных катаклизмов, указанные факторы переходят из разряда второстепенных в категорию системообразующих. Одним из ключевых факторов региональной резильентности выступает развитие экологически чистых и низкоуглеродных технологий, для оценки которого используется показатель «инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и развитие природоохранных технологий». Эти инвестиции являются

не статьей расходов, а вкладом в резильентность, так как они напрямую связаны со снижением уровня выбросов парниковых газов, загрязняющих веществ и минимизацией антропогенного воздействия на окружающую среду. Эффективность использования ресурсов находит свое выражение в показателе энергоемкости ВРП: его снижение свидетельствует о переходе к более продуктивной и устойчивой экономической модели, менее зависимой от колебаний цен на энергоносители. Природно-ресурсный потенциал (например, запасы углеводородов) является стратегическим активом региона, определяющим его энергетическую безопасность и экспортные возможности. В условиях внешней турбулентности доступ к собственным ресурсным базам может снижать зависимость от импортных поставок, что выступает одним из элементов экономического суверенитета и резильентности.

Однако развитие природно-экологической сферы региона имеет большое значение для развития человеческого капитала, что закономерно переводит фокус анализа на социально-демографические факторы. Не вызывает сомнения тот факт, что эти факторы имеют первостепенное значение в определении последствий шоков и перспектив регионального развития. К показателям для их оценки относятся численность, миграционная активность и уровень естественной убыли населения [6]. Следует также отметить выделение факторов, характеризующих воспроизводство трудовых ресурсов, так как именно этот вид факторов является, во-первых, одним из наиболее чувствительных сфер региона в период шоков, во-вторых, данная группа факторов позволяет определить потенциал регионального человеческого капитала [18]. При этом изменения в отраслевой структуре занятости могут рассматриваться в качестве реакции на шоки в отраслях, подверженных максимально отрицательному уровню влияния. К показателям для их оценки относятся численность занятых по отраслям региональной экономики [15], уровень безработицы [6] и оплаты труда.

Социально-демографические факторы резильентности региона напрямую взаимосвязаны с финансово-инвестиционными факторами, поскольку большая доля налоговых поступлений формирует региональные и местные бюджеты субъектов РФ. Одними из источников формирования доходной части региональных бюджетов, согласно Бюджетному кодексу РФ, являются поступления от налога на имущество организаций, транспортного налога, налога на прибыль, от игорного бизнеса. Развитие данной группы факторов определяет наличие у регионов финансовых средств для принятия мер по минимизации воздействия шока и стабилизации, структурной трансформации, таких как антикризисная политика [15], повышение инвестиций в основной капитал [6].

Финансовая и инвестиционная сфера выступает не только ресурсной базой, но и системным регулятором резильентности региона, определяя его способность к маневрированию и долгосрочному развитию. Ключевые факторы этой группы – инвестиционный климат, дотационность региона и проводимая денежно-кредитная политика – образуют тесную взаимосвязь, которая либо положительно, либо отрицательно влияет на резильентность. При этом важно отметить, что данные факторы действуют на разных уровнях экономической системы и имеют различную природу. Например, инвестиционный климат формируется

преимущественно на мезоуровне (регион) и является эндогенным фактором косвенного регулирования. Денежно-кредитная политика, напротив, задается на макроуровне (государство) и выступает как экзогенный фактор, к которому регион вынужден адаптироваться. Дотационность бюджета также отражает сложное взаимодействие уровней: являясь показателем мезоуровня, ее значение определяется макроэкономическими решениями и межбюджетными отношениями.

Этот пример наглядно демонстрирует, что для анализа и оценки региональной резильентности недостаточно предметного деления факторов по сферам. Необходимо дополнительное структурирование, учитывающее иерархию социально-экономической системы. В этой связи в исследовании применяется классификация факторов по критерию «уровень воздействия», позволяющая выделить группы макро-, мезо- и микрофакторов (см. рис. 1 и 3). Данный подход обеспечивает понимание того, на каком масштабе системы формируется и реализуется влияние того или иного фактора, что является критически важным для определения адекватных управленческих стратегий.

Группа факторов	Факторы	Примеры показателей
Уровень воздействия		
Макрофакторы	Глобальная экономическая конъюнктура	Индекс цен на экспортные товары региона (нефть, газ и т.д.)
	Федеральная денежно-кредитная политика	Значение ключевой ставки ЦБ РФ
	Федеральная налоговая и бюджетная политика	Ставка налога на прибыль
	Глобальные экологические тренды	Среднегодовая температура
	Научно-технологический прогресс	Индекс цифровизации
Мезофакторы	В соответствии с группировкой по сферам региона	В соответствии с рис. 2
Микрофакторы	Финансовая устойчивость и конкурентоспособность	Удельный вес убыточных организаций в регионе
	Уровень жизни домохозяйств	Уровень реальных денежных доходов населения
Уровень происхождения		
Эндогенные	Эффективность регионального бюджета	Доля нецелевого использования бюджетных средств
Экзогенные	Объем и условия федеральных межбюджетных трансфертов	Доля безвозмездных поступлений из федерального бюджета
Уровень влияния		
Прямые	Бюджетная политика региона	Доля расходов на здравоохранение и образование
	Качество оказания государственных услуг	Средний срок получения разрешительной документации для бизнеса
Косвенные	Инвестиционный и предпринимательский климат	Индекс инвестиционного климата в регионе
	Экологическая ответственность	Объем выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников

Рис. 3. Классификация факторов региональной резильентности по уровням

Источник: сост. автором на основе контент-анализа публикаций выборки [2–30].

Как показано на рис. 3, к макрофакторам относятся факторы, возникающие на глобальном или национальном уровне, включая внешние шоки, при которых и проявляется резильентность, например введение санкций, что приводит к изменению конъюнктуры рынка энергетических ресурсов [23]. Согласно представленной классификации, к этой группе относятся также и национальные факторы, такие как федеральная денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политика, измеряемые, соответственно, показателями ключевой ставки ЦБ РФ и объемом федеральных трансфертов по региону и др.

Мезофакторы связаны с соответствующими сферами для конкретного региона и определяют его внутреннюю среду [13]. Для комплексной оценки воздействия данных факторов на региональную резильентность детализированная классификация представлена на рис. 1. На микроуровне решающее значение имеет конкурентоспособность корпоративного сектора и потенциал домохозяйств, что оказывает системное влияние на резильентность региона [4]. Однако выделение микроуровня в отдельный критерий классификации обусловлено не тем, что состояние отдельной фирмы или домохозяйства само по себе определяет резильентность региона. Значение микрофакторов проявляется в их совокупном, агрегированном воздействии.

Например, фактор «финансовая устойчивость и конкурентоспособность» на микроуровне диагностируется через показатели отдельных компаний. Однако для резильентности региона критически важным становится не этот показатель в единичном случае, а доля финансово-неустойчивых (убыточных) предприятий в общей совокупности компаний. Когда эта доля превышает определенный пороговый уровень, запускаются негативные макроэффекты: сокращаются налоговые поступления, растет безработица, разрушаются кооперационные цепочки. Финансовое состояние компаний определяет не только наполняемость бюджета, но и уровень экологической, промышленной и социальной безопасности [29]. На рисунке 3 представлены примеры конкретных показателей, позволяющие оценить воздействие перечисленных факторов

Классификация по уровню воздействия позволяет определить масштаб влияния фактора, однако не дает ответа на ключевой для управления резильентностью вопрос о природе этого влияния и возможностях на него воздействовать. В этой связи следующим логичным шагом является введение критерия «уровень происхождения», разделяющего факторы на экзогенные и эндогенные (см. рис. 3). Эндогенные факторы формируются и действуют внутри региона. К ним, согласно классификации, могут относиться все описанные выше мезо- и микрофакторы, такие, например, как уровень технологического развития [17], сплоченность местного сообщества [22], инновационный потенциал и конкурентоспособность предприятий. Однако, несмотря на взаимодополняющий характер критериев классификации, необходимо обозначить их различия. Наглядным примером, демонстрирующим необходимость отдельного учета критериев «уровень воздействия» и «уровень происхождения», может служить пара показателей, связанных с бюджетной системой региона. Показатели «доля нецелевого использования бюджетных средств» и «доля безвозмездных поступлений

из федерального бюджета в доходах региона» относятся к мезоуровню, но первый показатель является производным от качества внутренних институтов и регионального управления, в то время как второй показатель определяется решениями на федеральном уровне, т. е. источник его является экзогенным. Эндogenous факторы формируют зону прямой ответственности и регулирования на региональном уровне, а экзогенные факторы с точки зрения региональной резильентности представляют собой зону адаптации.

Классификация факторов по данному критерию позволяет в том числе разрабатывать региональные стратегии по управлению уровнем резильентности, что помогает адаптироваться к экзогенным факторам и напрямую воздействовать на эндогенные факторы. Однако для практического применения этого различия необходим дальнейший анализ, направленный на изучение уровня воздействия данного фактора. В развитие данной группировки целесообразно ввести дополнительный классификационный признак – уровень воздействия на регион, что позволяет выделить факторы прямого и косвенного влияния. Прямые факторы поддаются непосредственному административному или финансовому регулированию в рамках установленных полномочий. Воздействие на них имеет высокую предсказуемость результата. К ним относятся меры, напрямую формирующие региональную среду: бюджетная политика региона (доля расходов на здравоохранение и образование), развитие инфраструктуры (количество введенных объектов), качество государственных услуг (сроки получения разрешений) и объемы прямой поддержки бизнеса (субсидии и льготы для представителей малого и среднего предпринимательства).

Косвенные факторы не поддаются прямому администрированию, но на них можно влиять опосредованно, формируя стимулирующие институциональные и экономические условия. Результат такого воздействия носит отсроченный и вероятностный характер. Примерами служат инвестиционный и предпринимательский климат (оцениваемый через соответствующие индексы) и общая экологическая ответственность (объем местных выбросов), которые опосредованно определяют региональную резильентность.

Таким образом, проведенная систематизация факторов резильентности в рамках единой классификации, основанной на четырех взаимодополняющих критериях, позволяет преодолеть фрагментарность существующих научных подходов. Ценность предложенного инструментария заключается в том, что каждый критерий выполняет строго определенную аналитическую функцию, а их комбинация формирует целостное многомерное пространство для анализа.

Критерий принадлежности фактора к сфере региона обеспечивает его предметно-содержательное определение. При разработке методических подходов это создает основу для диагностики структурных диспропорций и идентификации ключевых направлений по обеспечению резильентности. Критерий уровня воздействия (макро-, мезо-, микро-) позволяет анализировать иерархию факторов, дифференцируя по масштабу их генезиса и проявления. Данная группировка факторов критически важна для определения уровня управления, ответственного за реагирование понимания механизмов адаптации к шокам. Критерий

уровня происхождения (эндогенный / экзогенный) выполняет управленческую функцию, проводя принципиальную границу между факторами, находящимися в сфере прямой ответственности региона, и факторами внешней среды, требующими адаптационных стратегий. Это разграничение задает общий вектор управленческого реагирования. Критерий уровня влияния (прямое / косвенное) позволяет конкретизировать набор доступных инструментов для работы с фактором и различать методы непосредственного административно-финансового регулирования и методы формирования институциональных и экономических условий.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что региональная резильентность обладает свойствами эмерджентности, формируясь под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. Существующий научный пробел между теоретическим признанием этой сложности и практикой ее анализа, зачастую сводящейся к работе с наборами статистических показателей, требует новых инструментов систематизации. Основной научный результат работы заключается в разработке классификации факторов резильентности. Предложенная классификация факторов одновременно представляет собой аналитический инструментарий, применимый для разработки методических подходов к оценке региональной резильентности и выработки рекомендаций по ее обеспечению, что определяет перспективные направления будущих исследований. Непосредственной областью применения разработанного аналитического инструментария является исследование адаптационного потенциала регионов в условиях различных экономических шоков. Например, давление международных санкций или условия глобального энергетического перехода, которые выступают репрезентативными примерами комплексных шоков, затрагивающих все без исключения рассмотренные группы факторов.

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 237, № 5. С. 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362
2. Акбердина В.В. Системная устойчивость промышленности индустриальных регионов к условиям санкционного давления: оценка и перспективы // Journal of New Economy. 2022. Т. 23, № 4. С. 26–45. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-2
3. Walker J., Cooper M. Genealogies of resilience: From systems ecology to the political economy of crisis adaptation // Security Dialogue. 2011. Vol. 42, No. 2. P. 143–160. DOI: 10.1177/0967010611399616
4. Смородинская Н.В., Катукон Д.Д. Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 93–115. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_93_115
5. Ионова И.Г., Федосеева С.С., Баландин Д.А. Резильентность монопрофильных территорий в условиях современной экономической неопределенности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6-1. С. 73–81.
6. Малкина М.Ю. Стресс реальных доходов в российских регионах в условиях пандемии и санкций // Пространственная экономика. 2023. Т. 19, № 4. С. 58–83. DOI: 10.14530/se.2023.4.058-083

7. Земцов С. П., Волошинская А. А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 54–83. DOI: 10.31737/2221-2264_2024_3_54-83
8. Morkūnas M., Volkov A., Paziēza P. How resistant is the agricultural sector? Economic resilience exploited // Economics and Sociology. 2018. Vol. 11, No. 3. P. 321–332. DOI: 10.14254/2071-789X.2018/11-3/19
9. Resilience of socio-ecological and energy systems: Intelligent information technologies for risk assessment of natural and technogenic threats / L. Massel, N. Komendantova, A. Massel [et al.] // Journal of Infrastructure, Policy and Development. 2024. Vol. 8, No. 7. P. e4700. DOI: 10.24294/jipd.v8i7.4700
10. Building community resilience in a context of climate change: The role of social capital / E. Carmen, I. Fazey, H. Ross [et al.] // Ambio. 2022. Vol. 51. P. 1371–1387. DOI: 10.1007/s13280-021-01678-9
11. Кисленок А. А., Бурик М. В. Методика комплексной оценки шокоустойчивости территориальных образований // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 112–127. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-112-127
12. Волошинская А. А., Максимов А. Н. Проблемы прогнозирования устойчивости российских городов в современных условиях // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2 (203). С. 125–137. DOI: 10.47711/0868-6351-203-125-137
13. Гайнанов Д. А., Гатауллин Р. Ф., Сафиуллин Р. Г. Типологизация региональных систем России в связи с процессами декарбонизации экономики // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 1. С. 29–44. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-3
14. Экономика и климатические изменения: стратегии адаптации и смягчения воздействия на экономическое развитие / Т. Г. Гарбузова, Э. Ф. Фаизова, А. И. Коровкина [и др.] // Modern Economy Success. 2024. № 4. С. 225–230. DOI: 10.58224/2500-3747-2024-4-225-230
15. Данилова И. В., Правдина Н. В., Резепин А. В. Динамика промышленного производства регионов: оценка резильентности реакции на внешние ограничения // Экономика региона. 2024. Т. 20, № 3. С. 608–624. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-3-1
16. Дементьев В. Е. О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 3. С. 36–49. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2
17. Ефремов С. В. Управление энергетическим переходом и обеспечение устойчивого состояния экономики России в данный период // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 6. С. 17–22. DOI: 10.37882/2223-2974.2023.06.30
18. Жиронкин С. А., Таран Е. А., Алешина О. Г. Устойчивость экономики к шокам на макро- и мезоуровнях: типология и условия // Вестник Томского гос. университета. Экономика. 2023. № 61. С. 225–249. DOI: 10.17223/19988648/61/15
19. Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3 (69). С. 4–15.
20. Гамидуллаева Л. А. Фактор диверсификации в обеспечении региональной экономической устойчивости // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22, № 8 (527). С. 1422–1436. DOI: 10.24891/re.22.8.1422
21. Красильникова Н. А., Луковцева А. С., Саввин Э. Э. Экономическая динамика и эколого-экономическая устойчивость арктических регионов России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. Т. 27, № 3 (85). С. 90–106. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2024.85.006

22. Ненашева М. В., Максимов А. М. Оценка жизнестойкости сельских сообществ Севера России (на примере поселений Архангельской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26, № 2 (80). С. 175–188. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.012
23. Резильентность арктических поселений: опыт моделирования / И. В. Никулкина, О. В. Гордячкова, Е. В. Романова [и др.] // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11 (187). С. 176–184. DOI: 10.24158/тирпг.2023.11.22
24. Влияние санкций на экономику регионов: общее и особенное / Ю. И. Трещевский, А. Ю. Кособуцкая, Л. К. Гарин [и др.] // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 3 (58). С. 36–46. DOI: 10.22394/1997-4469-2022-58-3-36-46
25. Чернова О. А., Митрофанова И. В., Плешакова М. В. Структурные изменения как фактор повышения экономической резильентности регионов Крайнего Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. Т. 27, № 1 (83). С. 24–38. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2024.83.002
26. Якимова В. А., Хмура С. В. Исследование резильентности экосистем приграничных регионов России // Grand Altai Research & Education. 2024. № 2 (22). С. 86–103.
27. Яковина М. Ю., Кораблева А. А. Рецессионные шоки и региональная экономическая устойчивость // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 3 (35). С. 117–123. DOI: 10.24411/2225-8264-2020-10056
28. Хмелева Г. А., Гришанин М. В., Рахмаков Д. А. Стрессоустойчивость экономики российских регионов в условиях санкций // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 8. С. 2067–2084. DOI: 10.18334/ecsec.7.8.121589
29. Бабич Л. В. Устойчивость экономики регионов Северо-Западного федерального округа к внешним шокам 2020–2022 гг. // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28, № 4. С. 65–82. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.5
30. Терентьева Т. В., Арнаут М. Н. Человеческий капитал как фактор стратегического развития регионов Российской Федерации: анализ нормативной базы // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 11. С. 3997–4014. DOI: 10.18334/ce.17.11.119328

References

1. Aganbegyan A. G. Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2022; 237 (5): 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362
2. Akberdina V. V. Systemic sustainability of the industry of industrial regions to the conditions of sanctions pressure: assessment and prospects. *Journal of New Economy*. 2022; 23 (4): 26–45. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-2
3. Walker J., Cooper M. Genealogies of resilience: From systems ecology to the political economy of crisis adaptation. *Security Dialogue*. 2011; 42 (2): 143–160. DOI: 10.1177/0967010611399616
4. Smorodinskaya N. V., Katukov D. D. Resilience of economic systems in the era of globalization and sudden shocks. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021; (5): 93–115. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_93_115
5. Ionova I. G., Fedoseeva S. S., Balandin D. A. Resilience of single-industry territories in the context of modern economic uncertainty. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022; (6-1): 73–81.
6. Malkina M. Yu. Stress of real incomes in Russian regions during the pandemic and sanctions. *Spatial economics*. 2023; 19(4): 58–83. DOI: 10.14530/se.2023.4.058-083

7. Zemtsov S. P., Voloshinskaya A. A. Resilience to shocks of the economies of Russian regions under sanctions. *Journal of the New Economic Association*. 2024; 3 (64): 54–83. DOI: 10.31737/2221-2264_2024_3_54-83
8. Morkūnas M., Volkov A., Paziēza P. How resistant is the agricultural sector? Economic resilience exploited. *Economics and Sociology*. 2018; 11 (3): 321–332. DOI: 10.14254/2071-789X.2018/11-3/19
9. Resilience of socio-ecological and energy systems: Intelligent information technologies for risk assessment of natural and technogenic threats / L. Massel, N. Komendantova, A. Massel [et al.]. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2024; 8 (7): e4700. DOI: 10.24294/jipd.v8i7.4700
10. Building community resilience in a context of climate change: The role of social capital / E. Carmen, I. Fazey, H. Ross [et al.]. *Ambio*. 2022; (51): 1371–1387. DOI: 10.1007/s13280-021-01678-9
11. Kislēnok A. A., Burik M. V. Methodology for a comprehensive assessment of the shock resilience of territorial entities. *Power and governance in Eastern Russia*. 2024; 3 (108): 112–127. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-112-127
12. Voloshinskaya A. A., Maksimov A. N. Problems of forecasting the sustainability of Russian cities in modern conditions. *Forecasting problems*. 2024; 2 (203): 125–137. DOI: 10.47711/0868-6351-203-125-137
13. Gainanov D. A., Gataullin R. F., Safiullin R. G. Typologization of Russian regional systems in connection with the processes of economic decarbonization. *Economy of the region*. 2023; 19 (1): 29–44. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-3
14. Economy and climate change: Adaptation strategies and mitigation impact on economic development / T. G. Garbuzova, E. F. Faizova, A. I. Korovkina [et al.]. *Modern Economy Success*. 2024; (4): 225–230. DOI: 10.58224/2500-3747-2024-4-225-230
15. Danilova I. V., Pravdina N. V., Rezepin A. V. Dynamics of industrial production in the regions: assessment of the resilience of the response to external constraints. *Economy Success*. 2024; 20 (3): 608–624. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-3-1
16. Dement'ev V. E. On the ability of regions to adapt to different external shocks. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2024; 17 (3): 36–49. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2
17. Efremov S. V. Managing the energy transition and ensuring the sustainable state of the Russian economy during this period. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law*. 2023; (6): 17–22. DOI: 10.37882/2223-2974.2023.06.30
18. Zhironkin S. A., Taran E. A., Aleshina O. G. Resilience of the economy to shocks at the macro and meso levels: typology and conditions. *Bulletin of Tomsk State University. Economics*. 2023; (61): 225–249. DOI: 10.17223/19988648/61/15
19. Zhikharevich B. S., Klimanov V. V., Maracha V. G. Shock resilience of a territory: concept, measurement, management. *Regional studies*. 2020; 3 (69): 4–15.
20. Gamidullaeva L. A. The diversification factor in ensuring regional economic sustainability. *Regional economics: theory and practice*. 2024; 22 (8 (527)): 1422–1436. DOI: 10.24891/re.22.8.1422
21. Krasil'nikova N. A., Lukovtseva A. S., Savvin E. E. Economic dynamics and ecological-economic sustainability of the Russian Arctic regions. *North and the market: shaping economic order*. 2024; 27 (3 (85)): 90–106. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2024.85.006.
22. Nenasheva M. V., Maksimov A. M. Assessment of the viability of rural communities in the North of Russia (on the example of settlements in the Arkhangelsk region). *North and the market: shaping economic order*. 2023; 26 (2 (80)): 175–188. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.012

23. Resilience of Arctic settlements: modeling experience / I. V. Nikulkina, O. V. Gordyachkova, E. V. Romanova [et al.]. *Social development theory and practice*. 2023; 11 (187): 176–184. DOI: 10.24158/tipor.2023.11.22
24. The impact of sanctions on the economy of the regions: general and specific / Yu. I. Treshchevskij, A. Yu. Ksobuckaya, L. K. Garin [et al.]. *Region: systems, economy, governance*. 2022; 3 (58): 36–46. DOI: 10.22394/1997-4469-2022-58-3-36-46
25. Chernova O. A., Mitrofanova I. V., Pleshakova M. V. Structural changes as a factor in increasing the economic resilience of the regions of the Far North. *North and the market: shaping economic order*. 2024; 27 (1 (83)): 24–38. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2024.83.002
26. Yakimova V. A., Khmura S. V. Study of the resilience of ecosystems in the border regions of Russia. *Grand Altai Research & Education*. 2024; 2 (22): 86–103.
27. Yakovina M. Yu., Korableva A. A. Recession shocks and regional economic resilience. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. 2020; 3 (35): 117–123. DOI: 10.24411/2225-8264-2020-10056
28. Khmeleva G. A., Grishanin M. V., Rakhmanov D. A. Stress resistance of the economy of Russian regions under sanctions. *Economic security*. 2024; 7 (8): 2067–2084. DOI: 10.18334/ecsec.7.8.121589
29. Babich L. V. Resilience of the economy of the regions of the Northwestern Federal District to external shocks of 2020–2022. *Territory development issues*. 2024; 28 (4): 65–82. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.5
30. Terent'eva T. V., Arnaut M. N. Human capital as a factor in the strategic development of the regions of the Russian Federation: analysis of the regulatory framework. *Creative economics*. 2023; 17 (11): 3997–4014. DOI: 10.18334/ce.17.11.119328

Информация об авторе:

Титова Наталья Юрьевна, канд. экон. наук, доцент каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Natalya.Titova@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/029-044>

EDN: <https://elibrary.ru/MIUJKB>

Дата поступления:
29.01.2026

Одобрена после рецензирования:
15.02.2026

Принята к публикации:
17.02.2026

Научная статья

УДК 658.7

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/045-061>

EDN: <https://elibrary.ru/XEWASO>

Консолидированная модель измерения корпоративной цифровой ответственности в цепях поставок

Гвилия Наталья Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Санкт-Петербург. Россия

Аннотация. *Цифровая трансформация радикально изменила функционирование цепей поставок, повысив значение данных, алгоритмов и цифровых платформ до ключевых механизмов координации, управления рисками и обеспечения устойчивости. В этих условиях корпоративная цифровая ответственность (КЦО) перестает быть исключительно нормативной или декларативной категорией и приобретает операционное значение, напрямую влияя на надежность и устойчивость логистических систем. Несмотря на рост научного интереса к КЦО, существующие подходы к ее измерению остаются фрагментарными и слабо адаптированными к специфике цепей поставок как распределенных межорганизационных систем. Целью исследования является разработка консолидированной модели измерения корпоративной цифровой ответственности, релевантной для цепей поставок и логистических провайдеров. Методически работа опирается на системный анализ литературы и сравнительную оценку существующих подходов к измерению КЦО, включая клиентоориентированные модели, процессно-ориентированные подходы, модели цифровой зрелости и ESG-ориентированные рамки. На основе выявленных ограничений предлагается консолидированная пятиуровневая модель измерения КЦО, отражающая причинно-следственную логику формирования цифровой ответственности в цепях поставок. Предложенная методика объединяет управляемость цифровых решений, надежность данных и алгоритмов, межорганизационную ответственность за данные, цифровые риски и устойчивость цепей поставок, а также восприятие цифровых решений внешними стейкхолдерами. Для каждого уровня предложены измеримые индикаторы и интегральные индексы, сочетающие количественные метрики и качественные диагностические шкалы. Научная новизна исследования заключается в систематическом переносе логики корпоративной цифровой ответственности в контекст цепей поставок и разработке многоуровневого измерительного подхода, позволяющего рассматривать КЦО как измеримый управленческий феномен, связанный с устойчивостью и управлением цифровыми рисками в логистических системах.*

Ключевые слова: корпоративная логистика, корпоративная социальная ответственность, управление цифровыми рисками, устойчивое развитие, устойчивость цепей поставок, цепи поставок, корпоративная цифровая ответственность, цифровая трансформация, цифровизация, цифровое управление, цифровые технологии, ESG

Для цитирования: Гвилия Н. А. Консолидированная модель измерения корпоративной цифровой ответственности в цепях поставок // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 45–61. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/045-061>. EDN: <https://elibrary.ru/XEWASO>

Original article

Consolidated model for measuring corporate digital responsibility in supply chains

Natalia A. Gviliya

Saint Petersburg State University of Economics

Saint Petersburg, Russia

Abstract. Digital transformation has fundamentally reshaped supply chains, making data, algorithms, and digital platforms core mechanisms of coordination, risk management, and resilience. In this context, Corporate Digital Responsibility (CDR) is no longer merely a normative or declarative concept but an operational factor that directly affects the reliability and sustainability of logistics systems. Despite the growing academic interest in CDR, existing measurement approaches remain fragmented and poorly adapted to supply chains as distributed and inter-organizational systems. The purpose of this study is to develop a measurement framework for Corporate Digital Responsibility that is applicable to supply chains and logistics providers. Methodologically, the research is based on a systematic literature review and a comparative analysis of existing CDR measurement approaches, including consumer-centric models, process-oriented frameworks, digital maturity models, and ESG-aligned approaches. Based on the identified limitations, the study proposes a consolidated five-level CDR measurement model reflecting the causal logic of how digital responsibility is formed, implemented, and manifested in supply chains. The proposed framework integrates digital governance and accountability, data and algorithm reliability, inter-organizational data responsibility, digital risk and supply chain resilience, and stakeholder perception of digital solutions. For each level, the study introduces measurable indicators and composite indices combining quantitative metrics with qualitative diagnostic scales. The scientific contribution of this research lies in the systematic transfer of Corporate Digital Responsibility logic to the supply chain context and in the development of a multi-level measurement framework that conceptualizes CDR as a measurable managerial phenomenon directly linked to resilience and digital risk management in logistics systems.

Keywords: corporate logistics, corporate social responsibility, digital risk management, sustainability, supply chain sustainability, supply chains, corporate digital responsibility, digital transformation, digitalization, digital governance, digital technology, ESG

For citation: Gviliya N. A. Consolidated model for measuring corporate digital responsibility in supply chains // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2026. Vol. 18, № 1. P. 45–61. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/045-061>. EDN: <https://elibrary.ru/XEWASO>

Введение

Современные цепи поставок все больше приобретают характеристики сложных систем, в которых технологические решения тесно переплетены с организационными, институциональными и социальными аспектами. Нарушения в цифровых системах управления, сбои информационных платформ, ошибки алгоритмических решений, искажения данных или недостаточная прозрачность цифровых процессов способны вызывать каскадные эффекты, затрагивающие устойчивость всей логистической сети [1]. В результате цифровые риски перестают быть локальной проблемой отдельных подразделений и становятся фактором системной устойчивости цепей поставок.

На этом фоне возрастает значение корпоративной цифровой ответственности (КЦО) как элемента устойчивого развития и корпоративного управления. Существенный вклад в формирование исследовательской повестки в области корпоративной цифровой ответственности внесли работы, в которых КЦО рассматривается в контексте устойчивого развития и корпоративного управления.

В данных исследованиях цифровая ответственность концептуализируется как многомерный управленческий конструкт, включающий защиту данных, информационную безопасность, нормативное соответствие, управление цифровыми рисками и цифровую этику. Этот подход позволил систематизировать цифровые аспекты корпоративной ответственности и встроить их в более широкую рамку ESG-логики.

Ускоряющееся развитие цифровых технологий принципиально трансформирует характер корпоративной цифровой ответственности. Масштабирование цифровых решений на уровне распределенных логистических сетей, межорганизационных цепей поставок и платформенных экосистем переводит КЦО из преимущественно нормативной категории в операциональный фактор устойчивости. В этих условиях исследовательский фокус смещается от концептуализации цифровой ответственности к ее операционализации и измерению. Для логистических и инфраструктурных организаций становится критически важным наличие инструментов, позволяющих оценивать фактическую реализацию КЦО и ее влияние на устойчивость цепей поставок, управление рисками и стратегическое планирование [2]. Вместе с тем существующие подходы к измерению цифровой корпоративной ответственности, ориентированные на перцептивные оценки, внутрифирменные практики или агрегированные ESG-индикаторы, не позволяют адекватно отразить ее распределенный, межорганизационный и инфраструктурный характер в цепях поставок, а также зафиксировать связь цифровой ответственности с операционными рисками и устойчивостью логистических систем [3].

Указанное противоречие между практической потребностью в измеримых инструментах КЦО и ограниченной применимостью существующих академических подходов формирует выраженный практико-ориентированный исследовательский разрыв. Практическая повестка, отраженная в отчетах международных организаций и отраслевых аналитических материалах, все более явно указывает на необходимость количественной оценки цифровой ответственности как фактора киберустойчивости, управления данными и алгоритмами, а также интеграции цифровых рисков в ESG-стратегии цепей поставок [4–6]. В то же время академические исследования преимущественно сохраняют концептуальный и ESG-ориентированный фокус, не предлагая сопоставимых и операционально применимых метрик [7].

Настоящее исследование направлено на развитие измерительного подхода к корпоративной цифровой ответственности в условиях цифровой трансформации цепей поставок и логистических систем. *Объектом исследования* выступают цепи поставок и логистические системы как сложные социально-экономические системы. *Предметом исследования* является корпоративная цифровая ответственность как совокупность управленческих практик, процессов и механизмов, связанных с использованием цифровых технологий и данных и влияющих на устойчивость, управляемость рисков и надежность цепей поставок.

Источниковую базу исследования составляют академические публикации по корпоративной цифровой ответственности, устойчивому развитию и управлению цепями поставок, а также отчеты и аналитические материалы международных организаций и профессиональных сообществ, отражающие практическую

повестку цифровой трансформации, управления рисками и устойчивости логистических систем.

Авторская позиция исследования основывается на признании преемственности с существующими концептуальными моделями корпоративной цифровой ответственности, включая подходы, рассматривающие КЦО как элемент устойчивого развития и корпоративного управления. Вместе с тем утверждается, что в условиях зрелой цифровизации данных моделей недостаточно уделяется внимания анализу цепей поставок, где цифровая ответственность носит распределенный, межорганизационный и инфраструктурный характер.

Именно в этом контексте наиболее явно проявляется разрыв между декларативными формами цифровой ответственности и ее фактической реализацией в операционных и межорганизационных процессах. Данный разрыв требует перехода от концептуального осмысления КЦО к разработке многоуровневых измерительных моделей, способных связать управляемость цифровых решений, целостность цифровых процессов, распределение ответственности между участниками цепи и наблюдаемые эффекты для устойчивости логистических систем. Это и является *целью исследования* – разработка и обоснование измерительного подхода к корпоративной цифровой ответственности в цепях поставок, который позволяет рассматривать КЦО не как нормативную или декларативную категорию, а как измеримый управленческий феномен, непосредственно связанный с устойчивостью и надежностью логистических и инфраструктурных систем.

Настоящее исследование носит *методический характер* и направлено на развитие измерительного подхода к корпоративной цифровой ответственности в контексте цепей поставок; основано на проектно-ориентированной исследовательской логике и практико-ориентированной концептуализации, направленной на разработку применимой консолидированной модели измерения КЦО в цепях поставок. Отправной точкой служит выявленный в литературе и практике разрыв между растущей значимостью корпоративной цифровой ответственности для устойчивости цепей поставок и ограниченной применимостью существующих академических подходов к ее измерению. Закрытие данного разрыва требует разработки модели КЦО, способной связать цифровую ответственность с управлением данными, алгоритмической координацией, межорганизационными взаимодействиями и результатами логистической деятельности.

Методически исследование основано на сравнительном анализе четырех существующих подходов к измерению корпоративной цифровой ответственности, их оценке с точки зрения применимости к управлению цепями поставок и последующей интеграции их сильных сторон в консолидированную многоуровневую модель.

Клиентоориентированный подход рассматривает корпоративную цифровую ответственность через призму восприятия внешних стейкхолдеров, прежде всего конечных потребителей. В рамках данного направления КЦО операционализируется как латентный конструкт, измеряемый с помощью опросных шкал, отражающих воспринимаемую прозрачность, конфиденциальность, качество цифровых сервисов, механизмы реагирования на инциденты, доступность и инклю-

зивность цифровых решений [8–10]. Методически указанный подход реализуется на основе опросных методов с использованием шкал Лайкерта и стандартных процедур психометрической валидации. Его основное достоинство заключается в высокой измерительной строгости и возможности количественной фиксации социального восприятия цифровой ответственности. В контексте цепей поставок клиентоориентированный подход обладает ограниченной применимостью. Большинство ключевых проявлений цифровой ответственности в логистических системах – управление данными, алгоритмическая координация, распределение цифровых рисков – находятся вне поля прямого потребительского восприятия. В результате метрики клиентоориентированного подхода отражают лишь косвенные эффекты цифровой ответственности и не позволяют анализировать ее как операционный и межорганизационный феномен. В рамках исследования данный подход рассматривается как вспомогательный инструмент валидации внешних эффектов цифровых управленческих решений.

Процессно-ориентированный подход трактует корпоративную цифровую ответственность как совокупность управляемых практик на различных этапах жизненного цикла данных и цифровых технологий. В рамках этого направления КЦО связывается с ответственностью на этапе оцифровки данных (сбор, защита, поддержание качества) и на этапе их использования в аналитических и управленческих решениях [11]. Методически процессно-ориентированный подход опирается на анкетирование лиц, участвующих в управлении процессами, и агрегирование процессных индикаторов, отражающих практики работы с данными и алгоритмами. Его ключевым преимуществом является более высокая операционализация цифровой ответственности по сравнению с перцептивными моделями и возможность увязки КЦО с управленческими процессами. Ограничением указанного подхода в контексте цепей поставок является его преимущественно внутрифирменная направленность. Предлагаемые индикаторы фиксируют управленческие практики отдельных организаций и слабо отражают межорганизационную распределенность цифровой ответственности, платформенную координацию и системные цифровые риски, характерные для логистических сетей.

Методы оценки цифровой зрелости рассматривают корпоративную цифровую ответственность как развивающуюся управленческую способность, формирующуюся поэтапно в процессе цифровой трансформации. В рамках данного подхода акцент делается не на количественных результатах, а на степени формализации и интеграции практик ответственной цифровизации в систему корпоративного управления [12, 13]. Методически оценка цифровой зрелости реализуется через структурированную самооценку и присвоение уровней зрелости, что позволяет диагностировать текущее состояние цифрового управления и формировать дорожные карты развития. Для цепей поставок данный подход ценен своей ориентацией на управляемость сложных цифровых инфраструктур и постепенное развитие практик КЦО. Вместе с тем модели зрелости остаются ориентированными на уровень отдельной организации и не обеспечивают количественной фиксации распределенной цифровой ответственности в межорганизационных цепях поставок. Кроме того, опора на процедуры самооценки огра-

ничивает возможности объективного анализа фактических цифровых взаимодействий между участниками цепи.

ESG-ориентированный подход к оценке КЦО интегрирует корпоративную цифровую ответственность в более широкую систему устойчивого развития, используя прокси-метрики и анализ нефинансовой отчетности. В рамках данного направления цифровизация рассматривается как фактор, влияющий на экологические, социальные и управленческие показатели компаний [14–17]. Методически указанный подход опирается на контент-анализ нефинансовой отчетности и агрегированные показатели устойчивого развития, что обеспечивает институциональную легитимность и регуляторную сопоставимость результатов. Для цепей поставок это особенно важно в контексте требований к прозрачности, должной осмотрительности и управлению рисками. Ограничением ESG-подходов является их неспособность фиксировать корпоративную цифровую ответственность как операционный феномен. Высокий уровень раскрытия информации не обязательно отражает реальное качество цифровых процессов и межорганизационной координации, особенно в сложных логистических системах.

Основная часть

Проведенный анализ подходов к измерению корпоративной цифровой ответственности показывает, что в современной литературе сформировалось несколько методических линий, каждая из которых вносит значимый, но частичный вклад в оценку КЦО. Их сопоставление с задачами управления устойчивыми цепями поставок позволяет выделить три направления, обладающих наибольшей аналитической и практической релевантностью для данного контекста, тогда как четвертое направление выполняет вспомогательную, верификационную функцию.

Процессно-ориентированные подходы формируют операциональную логику КЦО, позволяя разложить цифровую ответственность на управляемые элементы, связанные с жизненным циклом данных и использованием алгоритмических инструментов. Их значимость для цепей поставок обусловлена тем, что координация материальных и информационных потоков все в большей степени осуществляется на основе данных, в то же время их преимущественно внутрифирменный фокус ограничивает анализ распределенной ответственности между участниками цепи.

Модели цифровой зрелости и инструменты внутренней оценки предлагают управленческую рамку диагностики и развития КЦО, трактуя ее как динамическую способность организации. Для цепей поставок они важны ориентацией на управляемость и поэтапное развитие цифровых практик, однако в основном ограничиваются уровнем отдельной организации и недостаточно учитывают сетевой характер цепей поставок.

ESG-ориентированные рамки обеспечивают институциональную легитимность и регуляторную сопоставимость измерения корпоративной цифровой ответственности, позволяя интегрировать КЦО в системы устойчивого развития и нефинансовой отчетности. Вместе с тем они не предназначены для операционного анализа цифровых процессов и механизмов координации в цепях поставок.

Клиентоориентированные методы, основанные на оценке восприятия цифровой ответственности внешними стейкхолдерами, не обладают достаточной операциональной глубиной для анализа цепей поставок и могут рассматриваться лишь как производный уровень, отражающий последствия цифровых управленческих решений. Необходимость перехода к консолидированному подходу обусловлена системными особенностями цепей поставок как распределенных межорганизационных систем. Усиливающаяся платформенность, асимметрия доступа к данным и алгоритмическая координация перераспределяют контроль и ответственность между участниками цепи, тогда как существующие подходы практически не предлагают прямых количественных метрик, применимых к операционным процессам, и не устраняют разрыв между уровнями управления, цифровыми процессами и фактическими результатами.

В ответ на эти ограничения в исследовании предлагается пятиуровневая модель корпоративной цифровой ответственности в цепях поставок, отражающая причинно-следственную логику формирования, реализации и проявления КЦО в условиях распределенной цифровизации. Модель исходит из предпосылки, что корпоративная цифровая ответственность не является однородным свойством организации, а формируется на пересечении управленческих механизмов, операционных цифровых процессов, межорганизационной архитектуры данных и наблюдаемых эффектов цифровизации. Выделение пяти уровней обусловлено необходимостью аналитически разделить различные формы проявления цифровой ответственности, не сводя их к единому измерению и одновременно сохраняя их логическую связанность.

Первый уровень (управление цифровыми решениями) отражает институциональные условия корпоративной цифровой ответственности и фиксирует степень управляемости и подотчетности цифровых решений в системе управления цепями поставок. Второй уровень (надежность данных и алгоритмов) описывает операциональное ядро корпоративной цифровой ответственности, связанное с качеством данных, устойчивостью алгоритмических процессов и контролируемостью автоматизированных управленческих решений. Третий уровень (ответственность за данные в цепи поставок) расширяет анализ за пределы отдельной организации и позволяет рассматривать цифровую ответственность как распределенное сетевое свойство цепи поставок, формирующееся в процессе межорганизационного обмена данными и координации цифровых решений. Четвертый уровень (цифровые риски и устойчивость цепей) связывает корпоративную цифровую ответственность с измеримыми результатами функционирования цепей поставок, включая цифрово-обусловленные риски, сбои и способность системы к восстановлению. Пятый уровень (доверие и принятие цифровых решений) выполняет верификационную функцию, отражая социальную легитимность цифровых практик и восприятие цифровых решений внешними стейкхолдерами (табл. 1).

Таким образом, пять уровней модели соответствуют ключевым аналитическим переходам: от управления к процессам, от процессов к межорганизационной архитектуре, от архитектуры к результатам и далее – к социальным эффектам цифровизации. Данное количество уровней является минимально достаточным

для одновременного учета институциональных, операционных, сетевых и результативных аспектов корпоративной цифровой ответственности; позволяет избежать как избыточной детализации, так и чрезмерной агрегации. В совокупности уровни формируют целостную аналитическую рамку, в которой корпоративная цифровая ответственность в цепях поставок может быть как концептуально описана, так и операционализована через сочетание количественных индексов и качественных диагностических шкал.

Таблица 1

Многоуровневая консолидированная модель измерения корпоративной цифровой ответственности в цепях поставок

Название уровня	Методическая основа	Тип показателей	Что оценивается	Примеры индикаторов / метрик	Показатели в оценке КЦО в цепях поставок
Управление цифровыми решениями	Модели цифровой зрелости и ESG-ориентированные подходы	Качественные + дискретные индексы	Формализация и управляемость цифровой ответственности	Наличие data / AI политик; распределение ответственности за цифровые решения; механизмы контроля алгоритмов; процедуры инцидент-менеджмента	DGML; DGD; DACI; AOI; DIGS
Надежность данных и алгоритмов	Процессно-ориентированный подход оценки КЦО	Количественные + процессные	Качество и надежность данных и алгоритмических процессов	Качество данных (полнота, точность, своевременность); частота инцидентов, связанных с данными; наличие процедур выявления и контроля искажений; стабильность прогнозных моделей	Доля записей с ошибками; среднее время восстановления после инцидентов, связанных с данными; волатильность ошибки прогнозирования; доля решений, принимаемых с участием человека
Ответственность за данные в цепи поставок	Гарп существующих методов + логика УЦП	Количественные + структурные	Распределенная ответственность и архитектура обмена данными	Прозрачность обмена данными; симметрия доступа к данным; общие стандарты данных; платформенная зависимость	Индекс прозрачности данных цепи поставок; показатель асимметрии доступа к данным; доля стандартизированных цифровых интерфейсов

Окончание табл. 1

Название уровня	Методическая основа	Тип показателей	Что оценивается	Примеры индикаторов / метрик	Показатели в оценке КЦО в цепях поставок
Цифровые риски и устойчивость цепей поставок	ESG + управление рисками цепей поставок	Количественные	Эффекты цифровых решений для устойчивости цепей поставок	Сбои, вызванные цифровыми факторами; влияние цифровизации на устойчивость; экологические и социальные эффекты	Доля нарушений в цепи поставок, обусловленных цифровыми причинами; время восстановления после цифровых сбоев; энергоёмкость цифровой инфраструктуры; показатели влияния цифровизации на занятость и условия труда
Доверие стейкхолдеров и принятие цифровых решений	Клиентоориентированный подход оценки	Перцептивные (вспомогательные)	Восприятие цифровой ответственности внешними стейкхолдерами	Уровень доверия к цифровым каналам взаимодействия; воспринимаемая прозрачность использования данных; принятие автоматизированных и алгоритмических решений как справедливых и обоснованных; готовность продолжать использование цифровых сервисов и цифровых каналов взаимодействия	Интегральный индекс доверия и принятия цифровых решений

1-й уровень. Управление цифровыми решениями

1-й уровень модели отражает институциональные условия корпоративной цифровой ответственности и характеризует степень управляемости и подотчетности цифровых решений в цепях поставок. На данном уровне цифровая ответственность трактуется как формализованная система управления, обеспечивающая распределение ответственности за цифровые решения и контроль их последствий.

Оценка осуществляется на основе совокупности ключевых механизмов цифрового управления, включая политику управления данными и AI, распределение ролей и ответственности, процедуры контроля алгоритмов и управления

цифровыми инцидентами. Для агрегирования указанных характеристик используется интегральный индекс управления цифровыми решениями, позволяющий формализовать институциональную готовность цепей поставок к реализации корпоративной цифровой ответственности и обеспечить сопоставимость результатов во времени и между организациями.

Для агрегирования показателей уровня «Управление цифровыми решениями» в рамках предлагаемой модели используется интегральный индекс цифрового управления и подотчетности, рассчитываемый как взвешенная сумма нормализованных компонент:

$$DGAI = w_1 \cdot DGML + w_2 \cdot DGDI + w_3 \cdot DACI + w_4 \cdot AOI + w_5 \cdot DIGS,$$

где DGML (Digital Governance Maturity Level) – уровень зрелости системы цифрового управления; DGDI (Digital Governance Disclosure Index) – индекс формализации и раскрытия информации о цифровом управлении; DACI (Digital Accountability Clarity Index) – показатель четкости распределения ответственности за цифровые решения; AOI (Algorithm Oversight Index) – индекс наличия и регулярности механизмов контроля алгоритмических решений; DIGS (Digital Incident Governance Score) – показатель зрелости процедур управления цифровыми инцидентами; w_i – веса соответствующих компонент.

Компоненты индекса могут иметь различную измерительную природу. Часть показателей (в частности, уровни зрелости и наличие формализованных процедур) носит порядковый характер и предварительно нормализуется, например в интервале $[0; 1]$, что обеспечивает сопоставимость с количественными компонентами и возможность агрегирования в единый индекс.

Выбор весов w_i может осуществляться двумя методически допустимыми способами. В базовой конфигурации допускается использование равных весов, что обеспечивает нейтральность агрегирования и делает индекс пригодным для сравнительного анализа между организациями и во времени при отсутствии приоритетов. В более продвинутых сценариях веса могут определяться экспертным методом, отражающим контекстные особенности цепей поставок, степень цифровой зрелости и профиль рисков. Экспертная калибровка весов может осуществляться, например, с использованием процедур экспертного опроса, парных сравнений или Delphi-метода.

2-й уровень. Надежность данных и алгоритмов

2-й уровень модели направлен на оценку операционной надежности процессов работы с данными и алгоритмическими системами в цепях поставок. В отличие от уровня управления цифровыми решениями, фиксирующего институциональные условия ответственности, данный уровень отражает фактическое качество и устойчивость цифровых процессов, обеспечивающих координацию цепей поставок. Корпоративная цифровая ответственность на 2-м уровне трактуется как способность организации обеспечивать корректность, устойчивость и управляемость процессов сбора, обработки и использования данных, а также алгоритмических механизмов принятия решений. Поскольку именно данные и алгоритмы лежат в основе планирования, диспетчеризации и синхронизации

потоков в цепях поставок, их надежность является ключевым условием ответственного цифрового управления.

Оценка осуществляется на основе количественных и процессных показателей. Базовым измерением выступает качество данных, которое характеризуется показателями полноты, корректности и своевременности. Оно может оцениваться через долю записей с ошибками, уровень пропусков в данных и среднюю задержку обновления информации относительно операционных процессов.

Вторым измерением является частота и управляемость цифровых инцидентов, включая ошибки данных и сбои алгоритмов. Для их оценки используется показатель среднего времени восстановления после инцидентов, позволяющий количественно зафиксировать устойчивость цифровых процессов и способность минимизировать их операционные последствия.

Отдельное измерение связано с контролем алгоритмических решений. Оно включает показатели наличия и регулярности проверок алгоритмических искажений, а также долю управленческих решений, принимаемых с участием человека. Эти показатели отражают степень сохранения управленческой ответственности в условиях автоматизации.

Дополнительным параметром надежности алгоритмических процессов является стабильность прогнозных моделей, оцениваемая через вариативность ошибок прогнозирования. Высокая изменчивость ошибок интерпретируется как признак повышенных цифровых рисков и ограниченной предсказуемости алгоритмических решений.

Для агрегирования указанных характеристик используется интегральный индекс надежности данных и алгоритмов, объединяющий нормализованные показатели качества данных, управляемости инцидентов, контроля алгоритмов и стабильности моделей. Значения данного индекса позволяют сопоставлять уровень операционной цифровой ответственности во времени и между различными участниками цепей поставок и служат эмпирической основой для анализа связи цифровых процессов с устойчивостью цепей поставок.

3-й уровень. Ответственность за данные в цепи поставок

3-й уровень направлен на оценку распределенной ответственности за данные и цифровые решения в межорганизационном пространстве цепи поставок. В отличие от предыдущих уровней, ориентированных на внутрифирменное управление и операционные процессы, данный уровень рассматривает корпоративную цифровую ответственность как сетевое свойство, формирующееся в результате взаимодействия нескольких участников, связанных общими цифровыми инфраструктурами и потоками данных.

Цифровая ответственность на 3-м уровне трактуется как характеристика архитектуры обмена данными между участниками цепи поставок, определяющая распределение цифрового контроля, рисков и подотчетности. Объектом оценки становятся не внутренние процедуры отдельных организаций, а параметры межфирменных цифровых взаимодействий, через которые осуществляется координация материальных и информационных потоков.

Ключевым измерением является прозрачность межорганизационного обмена данными, отражающая степень доступности информации о происхождении, качестве и использовании данных для различных участников цепи поставок. В операциональном выражении прозрачность может оцениваться через долю процессов, по которым данные доступны более чем одному участнику цепи, а также через степень формализации правил доступа и использования данных. На основе этих параметров может рассчитываться индекс прозрачности данных цепи поставок, позволяющий выявлять скрытые информационные асимметрии и зоны концентрации цифровых рисков.

Вторым измерением выступает симметрия доступа к данным, отражающая баланс возможностей использования цифровой информации между ключевыми участниками цепи поставок. Для ее оценки используется показатель асимметрии доступа, соотносящий объем и глубину доступа к данным у различных акторов. Высокие значения асимметрии интерпретируются как признак концентрации цифрового контроля и ответственности, характерной для платформенных конфигураций цепей поставок.

Третье измерение связано со стандартизованностью цифровых интерфейсов и данных, отражающей степень согласованности форматов, протоколов и правил обмена информацией между участниками цепи. В качестве количественного показателя используется доля стандартизованных цифровых интерфейсов в общем объеме межорганизационных цифровых взаимодействий. Низкий уровень стандартизации усиливает зависимость участников от отдельных узлов и снижает распределенность цифровой ответственности.

Отдельным параметром оценки является платформенная зависимость, характеризующая степень концентрации цифрового управления и координации в цепи поставок. Она отражает, в какой мере обмен данными и алгоритмическая координация опосредованы доминирующими цифровыми платформами, и позволяет оценить уязвимость цепи поставок к односторонним изменениям правил доступа и цифровых условий взаимодействия.

Совокупность указанных параметров формирует основу для расчета интегральных показателей межорганизационной цифровой ответственности, включая индекс прозрачности данных цепи поставок, показатель асимметрии доступа и долю стандартизованных цифровых интерфейсов. Использование данных индексов позволяет перейти от описания межфирменных цифровых связей к количественной оценке распределенной цифровой ответственности и выявить структурные источники цифровых рисков в цепях поставок.

Роль данного уровня в общей архитектуре заключается в обеспечении связи между внутрифирменной цифровой ответственностью и устойчивостью цепи поставок как целостной системы. Учет межорганизационной архитектуры данных позволяет анализировать корпоративную цифровую ответственность не как сумму индивидуальных практик, а как свойство всей цепи поставок, без чего ее измерение остается методически неполным.

4-й уровень. Цифровые риски и устойчивость цепей

4-й уровень направлен на оценку фактических последствий цифровых решений для устойчивости и надежности цепей поставок. В отличие от предыдущих уровней, фиксирующих управляемость, операционную целостность и межорганизационную архитектуру цифровой ответственности, данный уровень фокусируется на результатах: на том, как цифровизация влияет на риски, сбои и восстановительные способности цепей поставок.

Корпоративная цифровая ответственность на 4-м уровне трактуется как способность цепи поставок ограничивать негативные последствия цифровых решений и контролировать системные цифровые риски. Объектом оценки становится влияние цифровых технологий – алгоритмического планирования, автоматизации, платформенных решений и цифровой инфраструктуры – на устойчивость цепи поставок в целом.

Ключевым измерением выступает доля сбоев, вызванных цифровыми факторами. Данный показатель позволяет выделить нарушения, связанные с ошибками данных, сбоями алгоритмов, отказами цифровых платформ или некорректными автоматизированными решениями; рассчитывается как доля цифровообусловленных сбоев в общем числе зарегистрированных нарушений за анализируемый период.

Вторым важным измерением является способность цепи поставок к восстановлению после цифровых сбоев, оцениваемая через показатели времени восстановления. Эти показатели отражают совокупный эффект технической устойчивости цифровых систем и эффективности управленческих и межорганизационных механизмов реагирования. Сокращение времени восстановления интерпретируется как индикатор более высокой цифровой ответственности.

Дополнительные измерения связаны с экологическими и социальными эффектами цифровизации. Экологическое измерение включает показатели энергоёмкости цифровой инфраструктуры, отражающие влияние вычислительных и телекоммуникационных ресурсов на устойчивое развитие. Социальное измерение охватывает эффекты автоматизации, включая изменение структуры занятости, перераспределение функций между человеком и цифровыми системами и трансформацию требований к квалификации персонала.

Для агрегирования указанных характеристик используется интегральный индекс цифровых рисков и устойчивости цепей, объединяющий нормализованные показатели цифровообусловленных сбоев, времени восстановления, экологической интенсивности цифровой инфраструктуры и социальных эффектов автоматизации. Применение данного индекса позволяет установить количественную связь между корпоративной цифровой ответственностью и устойчивостью цепей поставок и завершает причинно-следственную логику, связывая цифровое управление и процессы с наблюдаемыми результатами функционирования цепей поставок.

5-й уровень. Доверие и принятие цифровых решений

5-й уровень направлен на оценку восприятия и принятия цифровых решений внешними стейкхолдерами, прежде всего клиентами и пользователями логистических и инфраструктурных сервисов. В отличие от предыдущих уровней,

ориентированных на управляемость, операционные процессы, сетевую архитектуру и результативные эффекты цифровизации, данный уровень фиксирует производные социальные эффекты корпоративной цифровой ответственности, проявляющиеся на стороне внешних участников цепей поставок.

Цифровая ответственность на 5-м уровне трактуется как степень доверия к цифровым решениям и их социальной легитимности, отражающая согласованность между внутренними цифровыми практиками и внешним восприятием. Объектом анализа становятся не сами цифровые процессы, а их отражение в опыте взаимодействия клиентов и партнеров с цепью поставок в целом.

Оценка осуществляется на основе перцептивных показателей, включающих уровень доверия к цифровым сервисам, воспринимаемую прозрачность обработки данных и принятие автоматизированных и алгоритмических решений как справедливых и обоснованных. Для формализации данных характеристик используется интегральный индекс доверия и принятия цифровых решений (Digital Trust & Acceptance Index), агрегирующий нормализованные результаты опросных шкал восприятия.

В состав индекса могут входить следующие компоненты: уровень доверия к цифровым каналам взаимодействия, восприятие прозрачности использования данных, принятие автоматизированных решений в операционных процессах, готовность продолжать использование цифровых сервисов.

Агрегирование показателей осуществляется по взвешенной или равновзвешенной схеме в зависимости от исследовательских целей и доступности данных. Полученное значение индекса интерпретируется не как самостоятельная мера операционной цифровой ответственности, а как индикатор социальной валидности цифровых решений.

Роль 5-го уровня в общей архитектуре рамки носит вспомогательный и проверочный характер. Он используется для сопоставления значений индексов предыдущих уровней с их внешними проявлениями. Расхождение между высокими значениями показателей управляемости, надежности данных и межорганизационной ответственности и низкими значениями индекса доверия может свидетельствовать о коммуникационных разрывах, недостаточной прозрачности или социально значимых эффектах цифровизации, не учтенных в управленческих решениях.

Таким образом, уровень доверия и принятия цифровых решений замыкает консолидированная модель измерения КЦО, обеспечивая обратную связь между операциональной цифровой ответственностью и ее социальной легитимностью, при этом операциональный анализ не подменяется перцептивными оценками.

В совокупности представленные пять уровней образуют целостную многоуровневую модель корпоративной цифровой ответственности в цепях поставок, позволяющую перейти от нормативных и декларативных представлений о цифровой ответственности к ее операциональному, измеримому и сопоставимому анализу.

Заключение

Проведенное исследование вносит вклад в развитие теории корпоративной цифровой ответственности за счет перехода от преимущественно нормативного и концептуального понимания КЦО к ее операционализации как измеримого

управленческого феномена в цепях поставок. В работе обосновано рассмотрение цепей поставок как сложных социально-экономических систем, в которых корпоративная цифровая ответственность формируется не на уровне отдельной организации, а как распределенное сетевое свойство, возникающее в результате взаимодействия цифровых решений, данных и алгоритмов нескольких участников. Показано, что существующие подходы к измерению КЦО – потребительские, внутрифирменные и ESG-ориентированные – не позволяют адекватно зафиксировать данную распределенность и эффекты цифровой ответственности в логистических системах.

Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании многоуровневой модели измерения корпоративной цифровой ответственности в цепях поставок, интегрирующей управляемость цифровых решений, процессную целостность, межорганизационную архитектуру данных и результативные эффекты цифровизации. Предложенный автором подход позволяет связать корпоративную цифровую ответственность с устойчивостью, управлением цифровыми рисками и надежностью цепей поставок на основе сопоставимых индикаторов и интегральных показателей. Тем самым корпоративная цифровая ответственность впервые системно представлена как объект количественного анализа и управленческого воздействия в масштабных и высокоцифровизированных логистических и инфраструктурных системах.

Список источников

1. Гвилия Н. А. Развитие цифровых экосистем корпораций на основе интернета логики (IoL) // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. № 1 (73). С. 74–81.
2. Щербаков В. В., Гвилия Н. А. Драйверы клиентоориентированности корпоративной транспортной логистики // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 145–149. DOI: 10.51692/1994-3776_2021_1_145
3. Силкина Г. Ю., Пэн Юэ, Ливинцова М. Г. Управление цифровой корпоративной ответственностью в контексте устойчивого развития // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2025. № 1. С. 60–70. DOI: 10.17586/2310-1172-2025-18-1-60-70
4. OECD. Global Forum on Digital Security for Prosperity. OECD; 10–11 July 2024. Swiss Grand Hotel, Seoul, Korea. Hybrid event. URL: <https://www.oecd-events.org/e/global-forum-digital-security-for-prosperity> (дата обращения: 20.12.2025).
5. OECD. Recommendation of the Council on Digital Security Risk Management. OECD/LEGAL/0479. Adopted 26 Sep. 2022. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0479> (дата обращения: 21.01.2026).
6. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2025. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-cybersecurity-outlook-2025/> (дата обращения: 20.01.2026).
7. Гвилия Н. А. Концепция корпоративной цифровой ответственности в управлении мезологистическими системами // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 88–101.
8. Asa Romeo Asa, Johanna Pangeiko Nautwima. Corporate digital responsibility and consumer trust: a signaling theory perspective // Cogent Business & Management. 2025. Т. 13, № 1. URL: 10.1080/23311975.2025.2607753

9. Fazli M. Measuring the scale development and validation of corporate digital responsibility from a consumer perspective // *Digital Economy and Sustainable Development*. 2025. URL: <https://doi.org/10.1007/s44265-025-00067-4>
10. Scale development and validation of corporate digital responsibility: A consumer perspective / P. Yang, C. Ji, C. Prentice [et al.] // *International Journal of Consumer Studies*. 2025. DOI: 10.1111/ijcs.70023
11. Cheng C., Zhang M. Conceptualizing Corporate Digital Responsibility: A Digital Technology Development Perspective // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, No. 3, Art. 2319. DOI: 10.3390/su15032319
12. Carl K., Hauer M., Arnold T. Are We Still on Track with Our Responsibility Strategy? // *Introducing an Internal Assessment of Corporate Digital Responsibility Engagement*. 2024. P. 1573–1585. URL: https://doi.org/10.18420/inf2024_137
13. Rugeviciute A., Courboulay V. Empowering Organizations for Sustainable Digitalization: a Corporate Digital Responsibility Maturity Model Approach // *10th International Conference on ICT for Sustainability (ICT4S)*. 2024. P. 87–98. URL: <https://doi.org/10.1109/ict4s64576.2024.00018>
14. Jawad Abbas. When and how corporate digital responsibility contributes to a firm's reputation in society: Scale development and structural analysis // *Technology in Society*. 2026. No. 84. URL: 10.1016/j.techsoc.2025.103067
15. Corporate digital responsibility / L. Lobschat, B. Mueller, F. Eggers [et al.] // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 122. P. 875–888. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.10.006
16. Merbecks U. Corporate digital responsibility (CDR) in Germany: background and first empirical evidence from DAX 30 companies in 2020 // *J Bus Econ*. 2024. № 94. P. 1025–1049. URL: <https://doi.org/10.1007/s11573-023-01148-6>
17. Mueller B. Corporate Digital Responsibility // *Bus Inf Syst Eng*. 2022. № 64. P. 689–700. URL: <https://doi.org/10.1007/s12599-022-00760-0>

References

1. Gviliya N. A. Development of Digital Ecosystems of Corporations Based on the Internet of Logistics (IoL). *Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. 2021; 1 (73): 74–81.
2. Shcherbakov V. V., Gviliya N. A. Drivers of corporate transport logistics customer orientation. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2021; (1): 145–149. DOI: 10.51692/1994-3776_2021_1_145
3. Silkina G. Yu., Pen Yue, Livintsova M. G. Managing digital corporate responsibility in the context of sustainable development. *Scientific Journal of NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management*. 2025; (1): 60–70. DOI: 10.17586/2310-1172-2025-18-1-60-70
4. OECD. Global Forum on Digital Security for Prosperity. OECD, 2024. July 10–11, Swiss Grand Hotel, Seoul, Republic of Korea. Hybrid event. URL: <https://www.oecd-events.org/e/global-forum-digital-security-for-prosperity> (accessed date: 2012.2025).
5. OECD. Recommendation of the Council on Digital Security Risk Management. OECD/LEGAL/0479. Adopted 26 September 2022. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0479> (accessed date: 21.01.2026).
6. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2025. World Economic Forum, 2025. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-cybersecurity-outlook-2025/> (accessed date: 20.01.2026).

7. Gviliya N. A. The concept of corporate digital responsibility in the management of meso-logical systems. *Bulletin of the Astrakhan Gos. tech. University. Series: Economics*. 2021; (3): 88–101. DOI: 10.24143/2073-5537-2021-3-88-101
8. Asa Romeo Asa, Johanna Pangeiko Nautwima. Corporate digital responsibility and consumer trust: a signaling theory perspective. *Cogent Business & Management*. 2025; 13 (1). URL: 10.1080/23311975.2025.2607753
9. Fazli M. (2025). Measuring the scale development and validation of corporate digital responsibility from a consumer perspective. *Digital Economy and Sustainable Development*. 2025. URL: <https://doi.org/10.1007/s44265-025-00067-4>
10. Scale development and validation of corporate digital responsibility: A consumer perspective / P. Yang, C. Ji, C. Prentice [et al.]. *International Journal of Consumer Studies*. 2025. DOI: 10.1111/ijcs.70023
11. Cheng C., Zhang M. Conceptualizing Corporate Digital Responsibility: A Digital Technology Development Perspective. *Sustainability*. 2023; 15 (3 (2319)). DOI: 10.3390/su15032319
12. Carl K., Hauer M., Arnold T. Are We Still on Track with Our Responsibility Strategy? *Introducing an Internal Assessment of Corporate Digital Responsibility Engagement*. 2024: 1573–1585. URL: https://doi.org/10.18420/inf2024_137
13. Rugeviciute A., Courboulay V. (2024). Empowering Organizations for Sustainable Digitalization: a Corporate Digital Responsibility Maturity Model Approach. *10th International Conference on ICT for Sustainability (ICT4S)*. 2024: 87–98. URL: <https://doi.org/10.1109/ict4s64576.2024.00018>
14. Jawad Abbas. When and how corporate digital responsibility contributes to a firm's reputation in society: Scale development and structural analysis. *Technology in Society*. 2026; (84). URL: 10.1016/j.techsoc.2025.103067
15. Corporate digital responsibility / L. Lobschat, B. Mueller, F. Eggers [et al.]. *Journal of Business Research*. 2021; (122): 875–888. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.10.006
16. Merbecks U. Corporate digital responsibility (CDR) in Germany: background and first empirical evidence from DAX 30 companies in 2020. *J Bus Econ*. 2024; (94): 1025–1049. URL: <https://doi.org/10.1007/s11573-023-01148-6>
17. Mueller B. Corporate Digital Responsibility. *Bus Inf Syst Eng*. 2022; (64): 689–700. URL: <https://doi.org/10.1007/s12599-022-00760-0>

Информация об авторе:

Гвилия Наталья Алексеевна, д-р экон. наук, профессор каф. логистики и управления цепями поставок, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Санкт-Петербург, natagvi@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/045-061>

EDN: <https://elibrary.ru/XEWASO>

Дата поступления:
04.02.2026

Одобрена после рецензирования:
12.02.2026

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья

УДК 338.45

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/062-073>

EDN: <https://elibrary.ru/XJSVSS>

Специфика импортозамещения в российской авиационной промышленности в условиях санкционного давления

Лапушкин Виктор Валерьевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена особенностям и проблемам импортозамещения в российской авиастроительной отрасли в условиях санкционного давления со стороны стран Запада. Рассмотрен характер влияния санкций на сферу авиаперевозок и авиационную промышленность РФ. Сформулированы основные задачи авиапрома в области импортозамещения в сложившихся условиях. Проанализированы основные тенденции и проблемы импортозамещения. Сделаны выводы и предложены базовые рекомендации по развитию отрасли, среди которых: определение приоритетов отрасли в условиях секторальных санкций и внесение соответствующих изменений в программные документы; корректировка производственных планов исходя из сложившихся реалий; оптимизация цепочек поставок оборудования и комплектующих с ориентацией на выстраивание долгосрочных партнерских отношений с дружественными и нейтральными странами; замена западного аппаратного и программного обеспечения в системах автоматизации управления на российские аналоги или аналоги из дружественных стран; масштабные инвестиции в систему подготовки управленческих и технических кадров; построение комплексной системы сервисного обслуживания воздушных судов; тотальная цифровизация производственных, логистических, маркетинговых и финансовых бизнес-процессов; активное внедрение проектного подхода к управлению авиационными предприятиями. В условиях санкций государство должно максимально быстро мобилизовать ресурсный потенциал отрасли для импортозамещения и выхода на плановые показатели развития.*

***Ключевые слова:** авиационная промышленность, авиастроительная отрасль, импортозамещение, санкции, Россия*

***Для цитирования:** Лапушкин В. В. Специфика импортозамещения в российской авиационной промышленности в условиях санкционного давления // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/062-073>. EDN: <https://elibrary.ru/XJSVSS>*

Original article

Specifics of import substitution in the Russian aviation industry under conditions of sanctions pressure

Victor V. Lapushkin

Kazan federal university
Kazan, Russia

***Abstract.** The article is devoted to the peculiarities and problems of import substitution in the Russian aircraft industry in the context of sanctions pressure from Western countries. The nature of the impact of sanctions on the sphere of air transportation and on the aviation industry of the Russian Federation is considered. The*

© Лапушкин В. В., 2026

main tasks of the aviation industry in the field of import substitution in the current conditions are formulated. The main trends and problems of import substitution are analyzed. Conclusions are drawn and basic recommendations for the development of the industry are proposed, including: setting industry priorities in the face of sectoral sanctions and making appropriate changes to program documents; adjusting production plans based on current realities; optimizing supply chains of equipment and components with a focus on building long-term partnerships with friendly and neutral countries; replacing Western hardware and software in control automation systems for Russian analogues or analogues from friendly countries; large-scale investments in the system of training managerial and technical personnel; building an integrated aircraft maintenance system; total digitalization of production, logistics, marketing and financial business processes; active implementation of a project approach to the management of aviation enterprises. Under the conditions of sanctions, the state must mobilize the industry's resource potential as quickly as possible for import substitution and reaching planned development targets.

Keywords: aviation industry, aircraft industry, import substitution, sanctions, Russia

For citation: Lapushkin V. V. Specifics of import substitution in the Russian aviation industry under conditions of sanctions pressure // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2026. Vol. 18, № 1. P. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/062-073>. EDN: <https://elibrary.ru/>

Введение

После начала специальной военной операции на Украине страны Запада ввели масштабные санкции против России. Санкционное давление направлено на отдельных политиков, физических и юридических лиц, а также на целые отрасли народного хозяйства РФ [1]. Не стала исключением и авиационная отрасль: ограничения касаются как сектора авиаперевозок, так и сектора авиационной промышленности. Наиболее существенным ударом по экономике отрасли стало прекращение сотрудничества с российскими авиакомпаниями со стороны крупнейших мировых производителей самолетов Boeing (США) и Airbus (Евросоюз). Власти Соединенных Штатов Америки и ЕС запретили поставки, техобслуживание и страхование воздушных судов производства этих компаний [2]. Нашей стране было предписано возвратить лизингодателям взятые в лизинг самолеты. Кроме того, были запрещены полеты воздушных судов российских авиакомпаний над территориями многих западных стран (Россия ввела симметричные меры по запрету полетов над своей территорией).

Санкции оказали существенное влияние на отечественную авиационную отрасль [3]. Это связано, прежде всего, с тем, что основу парков российских авиакомпаний составляют зарубежные самолеты: преимущественно Boeing и Airbus, а также Bombardier (Канада), Embraer (Бразилия), ATR (Италия, Франция). Российские власти оперативно среагировали на сложившуюся ситуацию. В частности, был принят ряд нормативных актов, обеспечивающих возможность регистрации в нашей стране зарубежных воздушных судов, находящихся в лизинге у отечественных авиакомпаний. Кроме того, перевозчики стали получать российские сертификаты летной годности [4].

В связи с закрытием для полетов территорий западных стран количество маршрутов российских авиаперевозчиков значительно сократилось [5]. Многие высвободившиеся самолеты авиакомпании поставили на долгосрочную стоянку в ангары и стали использовать их в качестве источников запасных частей. В связи с проблемами в области технического обслуживания самолетов и снабжения

запасными частями увеличилось число аварий на воздушном транспорте, участились задержки рейсов из-за нештатных ситуаций.

После введения санкций российские авиакомпании стали оперативно переоборудовать цепочки поставок запасных частей. В целом дефицита запчастей удалось избежать, однако затраты на техническое обслуживание и ремонт самолетов существенно выросли ввиду необходимости обращения к услугам посредников и удлинения логистических цепочек. Стоимость некоторых деталей выросла в несколько раз [6].

Наиболее серьезные проблемы возникли в области дальнемагистральных авиaperевозок, в которой задействованы исключительно зарубежные воздушные суда. В среднемагистральном сегменте (расстояние от 2500 до 6000 км) для перевозки пассажиров и грузов во многих случаях могут быть задействованы альтернативные виды транспорта: железнодорожный и автомобильный. При транспортировке же на дальние расстояния использование этих альтернатив далеко не всегда приемлемо [7].

Описанная динамика издержек позволяет выдвинуть гипотезу о двойственном характере влияния санкций на авиационную отрасль России. С одной стороны, вынужденное удлинение логистических цепочек и обращение к посредникам в условиях санкционных ограничений привели к резкому краткосрочному росту затрат на техническое обслуживание и ремонт воздушных судов, но, с другой стороны, предполагается, что именно этот шок предложения и невозможность дальнейшего использования западных сервисных центров создали долгосрочный стимул для ускоренного развития отечественного авиастроения. Однако реализация этого стимула сталкивается с комплексом системных проблем, накопившихся в отрасли: высокий уровень износа основных средств, дефицит квалифицированных кадров, слабая промышленная кооперация и недостаточный уровень цифровизации бизнес-процессов. В данном исследовании проверяется предположение о том, что успех импортозамещения в авиастроении будет определяться не только объемами финансовых вливаний, но и скоростью преодоления указанных структурных ограничений, а также эффективностью перестройки производственных и управленческих процессов. Рассмотренные выше проблемы стали существенным стимулом для ускорения развития отечественного авиастроения с ориентацией на импортозамещение.

Цель исследования – провести анализ особенностей и проблем импортозамещения в российской авиастроительной отрасли в условиях санкционного давления и предложить базовые рекомендации по развитию отрасли.

Методологическую основу исследования составляет системный подход. В работе применялись общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, восхождение от абстрактного к конкретному.

Информационной базой исследования послужили законодательные и нормативные акты России, официальные статистические данные. Используются научные статьи и информационно-аналитические сборники по исследуемой проблематике, данные специализированных интернет-изданий.

Основная часть

Россия входит в число немногих стран мира, имеющих опыт массового производства самолетов. Тем не менее после разрушения СССР авиастроительная отрасль пришла в упадок, особенно в гражданском сегменте. В последние десятилетия гражданские лайнеры выпускались небольшими партиями, и при этом производство в значительной степени зависело от зарубежных технологий и комплектующих. Множество сложностей возникает в связи с утерей кадровой базы.

В условиях геополитического противостояния с Западом основная задача российской авиационной отрасли – обеспечить потребности перевозчиков в воздушных судах за счет отечественного производства качественных, экономичных и надежных самолетов. Основу парка российских перевозчиков должны составить суда: SJ-100, MC-21, Ту-214, Ил-114 и Ил-96 [8].

Планы по срокам и объемам производства гражданских самолетов в России постоянно корректируются. На текущий момент прогнозируется производство от 500 до 1000 отечественных авиалайнеров до 2030 г. [9]. В частности, в сентябре 2024 г. объединенная авиастроительная корпорация (ОАК) и Государственная транспортная лизинговая компания (ГТЛК) подписали протокол о намерениях на поставку с 2027 г. 238 отечественных воздушных судов различных типов, в том числе 132 SJ-100, 41 Ту-214 и 65 Ил-114 [10].

Возрождение отечественного гражданского авиапрома в условиях санкционного давления является весьма сложной, но реализуемой задачей. Санкции введены не только в отношении авиаперевозчиков, но и в отношении промышленных предприятий, имеющих непосредственное отношение к авиационной промышленности. Кроме того, рестрикции введены на поставки в Россию станков и прочего оборудования, а также различных материалов и комплектующих, используемых для производства самолетов. В таких условиях для выхода на крупносерийное производство воздушных судов необходимо в кратчайшие сроки восстановить кадровую базу авиационных промышленных предприятий и осуществить импортозамещение всех критических узлов и компонентов.

В программах развития российского гражданского авиапрома акцент делается на выпуске импортозамещенных лайнеров SJ-100 и MC-21. Кроме того, значительный потенциал имеет среднемагистральный самолет Ту-214, который разработан еще в советское время и прошел ряд стадий модернизации.

Для SJ-100 требуется осуществить импортозамещение 27 систем [11]. Для этого необходимо наладить на отечественных предприятиях производство сотен наименований комплектующих. Этот авиалайнер планируется выпускать в ближайшем будущем на полностью российской компонентной базе.

В 2024 г. начаты сертификационные испытания новой версии самолета SJ-100 (бортовой номер 97021), укомплектованной множеством российских узлов. Фактически это совершенно новый самолет по сравнению с предыдущей версией (SSJ-100). Он имеет очень высокий уровень локализации: в общей сложности на самолет установлены более 97% отечественных комплектующих [10]. Хотя импортозамещение этой машины произведено еще не полностью, испытания проводятся уже сейчас, чтобы ускорить сертификацию.

На испытываемой версии SJ-100 пока установлены двигатели SaM146 совместного производства России и Франции, однако параллельно проводятся испытания полностью отечественного двигателя ПД-8, серийное производство которого будет осуществляться на Рыбинском «ОДК-Сатурн». Конструкция данного двигателя предусматривает использование преимущественно традиционных, проверенных временем решений. Поэтому уровень технологических рисков в данном случае минимален, и производство ПД-8 может быть освоено в кратчайшие сроки. При этом используется и ряд уже отработанных инновационных технологий, позволяющих повысить надежность и топливную эффективность двигателя. В феврале 2025 г. ПД-8 был представлен на выставке инфраструктуры гражданской авиации NAIS в Москве [12].

В настоящее время процесс испытаний ПД-8 находится на завершающей стадии. Параллельно на «ОДК-Сатурн» осуществляется монтаж и наладка линий для организации серийного производства этих двигателей [12]. В ноябре 2025 г. ПД-8 прошел инженерные испытания, в ходе которых подтвердил надежную работу при воздействии ливня: при взлете, наборе высоты и заходе на посадку в составе импортозамещенного лайнера SJ-100 в воздухе [13].

Российская компания КРЭТ начала серийное производство блока лазерных гироскопов для SJ-100. Этот блок является одним из наиболее важных компонентов для управления самолетом и применяется практически на всех современных машинах. С его помощью измеряется изменение углов ориентации. Чувствительность лазерного гироскопа значительно выше, чем у механического [14].

Одной из наиболее значимых вех в импортозамещении комплектующих для SJ-100 является организация производства дверей для этого самолета в Техно-комплексе ПЦ КНА. В кратчайшие сроки на предприятии были регламентированы все технологические процессы, смонтирована производственная линия и осуществлены пусконаладочные работы. Данное производство по многим параметрам является уникальным для современной России.

В комплексную систему управления (КСУ) самолетом SJ-100 при импортозамещении не вносятся существенные изменения. Тем не менее при испытаниях периодически выявляются различные технические проблемы. В настоящее время ведется активная работа по решению этих проблем совместными усилиями летчиков-испытателей, инженеров и технологов. В частности, при проведении заводских испытаний в Комсомольске-на-Амуре была выявлена серьезная проблема, связанная с воздействием радиовысотомера на КСУ. Летчикам-испытателям удалось благополучно посадить авиалайнер, после чего командой инженеров были выявлены причины проблемы и сделаны соответствующие рекомендации для производителя по внесению изменений в программное обеспечение радиовысотомера [10].

Активно ведется работа по производству перспективного авиалайнера МС-21. По состоянию на начало февраля 2025 г. на предприятиях Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК) на различных стадиях готовности находились 20 воздушных судов этой модели. Проводится подготовка МС-21 к сертификационным испытаниям на Иркутском авиазаводе (ПАО «Иркут»). Опытные

образцы характеризуются высоким уровнем импортозамещения. В частности, на них установлено множество отечественных систем бортовой электроники. Для того чтобы запустить серийное производство самолетов МС-21 в сжатые сроки, множество процессов по испытаниям, сертификации, подготовке производства и производству отдельных компонентов ведутся параллельно [15]. В 2024 г. сделаны капиталовложения в расширение мощностей для выпуска МС-21 в размере 85 млрд руб. [16].

В настоящее время уже налажено серийное производство новых отечественных двигателей ПД-14 для лайнеров МС-21. В феврале 2025 г. партия этих силовых установок была поставлена Объединенной двигателестроительной корпорацией на Иркутский авиационный завод. Следует отметить, что при производстве ПД-14 используются 16 критических инновационных технологий, которые касаются новых материалов, покрытий и компоновки узлов. В частности, в двигателе используются изготавливаемые по новым технологиям полые титановые лопатки вентилятора, имеющие очень низкий вес.

ПД-14, по сути, является прорывным комплексным решением в отечественном двигателестроении. Налаживание его серийного производства говорит о восстановлении производственного и технологического потенциала отрасли и выходе ее на принципиально новый этап развития. В производство ПД-14 вовлечены десятки промышленных предприятий страны. Созданы разветвленные кооперационные цепочки [15].

При реализации проекта производства лайнера МС-21 пришлось решать множество проблем, связанных с тем, что основная специализация Иркутского авиационного завода – выпуск военных самолетов. Государству пришлось осуществить масштабные капиталовложения в реструктуризацию предприятия, наращивание его производственных мощностей и перестройку бизнес-процессов. Выпуск гражданской авиатехники требует специфических подходов к организации производства и послепродажного обслуживания. На заводе в стадии реализации находятся 20 крупных проектов с общим объемом инвестиций более 80 млрд руб. Проекты предусматривают приобретение более 400 единиц оборудования [16].

Следует отметить, что ввиду тесной связи между военным и гражданским сектором авиационной промышленности западные санкции, введенные против российского военно-промышленного комплекса, оказали существенное влияние и на производство гражданских самолетов. В частности, в 2018 г. США ввели рестрикции против компании «Аэрокомпозит» в связи с тем, что она выполняет оборонные заказы. При этом «Аэрокомпозит» также выпускает композитное крыло для МС-21. Введение санкций привело к сдвигу сроков сертификации крыла на два года.

Значительным потенциалом для российской отрасли авиаперевозок имеет среднемагистральный авиалайнер Ту-214. По некоторым параметрам он уступает МС-21, однако при этом является проверенной машиной, для производства которой используются отработанные десятилетиями технологии. Особенно специалисты отмечают качество планера и крыльев этого самолета [15]. Пока не удалось наладить серийное производство импортозамещенной версии Ту-214, но работа в данном направлении ведется очень активно.

В декабре 2024 г. Казанским авиационным заводом имени С.П. Горбунова проведены летные испытания очередного Ту-214, который является 89-м самолетом по счету в семействе Ту-204/214 [17]. А чуть ранее, в ноябре, совершила первый полет летающая лаборатория Ту-214 – версия этого самолета с полным импортозамещением [18].

В настоящее время на Казанском авиазаводе проводятся масштабное расширение и модернизация производства. Планируемые сроки завершения работ – декабрь 2026 г. Осуществляется строительство и комплектация оборудованием новых производственных зданий, возводится новая летно-испытательная база и различные вспомогательные объекты. На новых мощностях планируется разместить более 20 единиц оборудования. Расширение сделает возможным производство в плановом объеме 20 лайнеров Ту-214 в год. В настоящее время на Казанском авиационном заводе ведутся работы по 10 объектам капитального строительства с общим объемом инвестиций более 30 млрд руб. [19].

В октябре 2024 г. состоялось открытие Инновационного центра АО «Туполев», который специализируется на модернизации самолетов Ту-214. Для работы в центре отобраны наиболее квалифицированные инженерные кадры. Основные направления модернизации: цифровизация бизнес-процессов, снижение веса лайнера (в том числе за счет использования композитных материалов), разработка новой бортовой электроники, обновление интерьера [17].

Важную роль в развитии российского гражданского авиастроения играет проект производства регионального турбовинтового самолета Ил-114-300. В настоящее время на Луховицком авиазаводе имени им. Воронина уже начат серийный выпуск этих машин. Они должны заменить на линиях устаревшие Ан-24 и англо-французские АТР.

Планировалось, что в конце 2025 г. будет завершена сертификация полностью импортозамещенной версии Ил-114-300 и это воздушное судно получит сертификат типа. В 2026 г. должны начаться первые поставки серийных машин [20].

Параллельно ведутся летные испытания опытных образцов Ил-114-300. В частности, в октябре – ноябре 2024 г. этим самолетом были выполнены 12 испытательных полетов продолжительностью до 4 ч на высотах более 7000 м. В ходе полетов тестировались различные бортовые системы отечественного производства.

В рамках инвестиционной программы проектирования, сертификации и подготовки серийного производства Ил-114-300 (в том числе создания запасов материалов и комплектующих) планируется вложить 9,4 млрд руб. в 2025 г., 706 млн руб. в 2026 г. и 2,5 млрд руб. в 2027 г. Общая сумма инвестиций за три года составит 12,563 млрд руб. [21].

Достаточно успешно ведется импортозамещение в вертолетостроительной отрасли. Так, в январе 2025 г. Объединенной двигателестроительной корпорации выдан сертификат типа на двигатель ВК-650 В, предназначенный для использования на легких вертолетах (до 4 т). Двигатели такого типа ранее в нашей стране не выпускались. Проведены все необходимые работы по подготовке производства, и вскоре данная силовая установка пойдет в серию [22].

На текущий момент можно выделить следующие основные факторы, мешающие динамичному развитию российской авиационной промышленности в условиях санкционного давления и необходимости импортозамещения:

- высокий уровень физического износа основных средств;
- высокая доля морально устаревшего производственного оборудования;
- дефицит квалифицированных управленческих кадров, проблемы в области их подготовки и повышения квалификации;
- недостаток молодых технических специалистов, их нежелание идти в отрасль в связи с низким уровнем мотивации;
- низкая эффективность промышленной кооперации;
- недостаточный уровень цифровизации бизнес-процессов.

Снижению негативного влияния перечисленных факторов на авиастроительную отрасль будет способствовать принятие следующих мер:

- определение приоритетов отрасли в условиях секторальных санкций и внесение соответствующих изменений в программные документы;
- корректировка производственных планов исходя из сложившихся реалий;
- оптимизация цепочек поставок оборудования и комплектующих с ориентацией на выстраивание долгосрочных партнерских отношений с дружественными и нейтральными странами;
- замена западного аппаратного и программного обеспечения в системах автоматизации управления на российские аналоги или аналоги из дружественных стран;
- масштабные инвестиции в систему подготовки управленческих и технических кадров;
- построение комплексной системы сервисного обслуживания воздушных судов;
- тотальная цифровизация производственных, логистических, маркетинговых и финансовых бизнес-процессов;
- активное внедрение проектного подхода к управлению авиационными предприятиями.

В сложившихся условиях государство должно максимально быстро мобилизовать ресурсный потенциал отрасли для импортозамещения и выхода на плановые показатели развития.

Заключение

Таким образом, несмотря на беспрецедентное санкционное давление со стороны стран Запада, российская авиационная промышленность, как и множество других отраслей, находится в стабильном состоянии и достаточно динамично развивается, о чем свидетельствуют приведенные в статье статистические данные. Тем не менее введенные ограничения на поставки технологий, оборудования, материалов и комплектующих создали множество проблем для отечественного авиапрома, что привело к сдвигу сроков по реализации многих инициатив.

В России реализуется ряд проектов по производству авиалайнеров различных типов, среди которых: МС-21, SJ-100, Ту-214, Ил-114-300, Ил-96 и др. При этом делается ставка на импортозамещение всех критически важных технологий

и узлов самолетов. Стратегии импортозамещения реализуются как на уровне федеральных и региональных органов власти, так и на уровне предприятий. Выстраиваются новые производственные и логистические цепочки, ориентированные на внутренних производителей. В областях, где заместить импортные поставки в кратчайшие сроки не представляется возможным, наши авиастроители развивают партнерство с производственными компаниями из дружественных и нейтральных стран.

Работа в данном направлении является весьма сложной, так как отечественное авиастроение приходится восстанавливать после почти полного разрушения в первые постсоветские годы. Особенно это относится к гражданскому сектору авиационной промышленности. Однако динамика этой работы представляется вполне удовлетворительной. Государству удалось сконцентрировать необходимые ресурсы для формирования единого авиастроительного комплекса страны с участием тысяч предприятий из различных регионов.

В ходе исследования выявлен ряд проблем развития отечественного авиастроения, среди которых: высокий уровень физического износа основных средств, высокая доля морально устаревшего производственного оборудования, дефицит квалифицированных управленческих кадров, проблемы в области их подготовки и повышения квалификации и др. Для решения этих проблем необходимо определить приоритеты отрасли в условиях секторальных санкций и внести соответствующие изменения в программные документы. Производственные планы следует скорректировать исходя из сложившихся реалий.

В целом на основе имеющейся информации можно прогнозировать динамичное развитие отечественного авиастроения в ближайшие годы. Санкции нанесли ощутимый урон отечественной экономике, в том числе и авиастроительной отрасли. Однако они стали стимулом для мобилизации финансовых, кадровых и материальных ресурсов для скорейшего импортозамещения в авиационной промышленности, для расширения и модернизации производства и, как результат, для обеспечения отечественных авиакомпаний современными и надежными воздушными судами и для достижения нашей страной самодостаточности в области авиационных перевозок.

Список источников

1. Tyazhelnikov V., Romalis O. Russian counter-sanctions and smuggling: Forensics with structural gravity estimation // *Journal of International Economics*. 2024. Vol. 152. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104014>
2. Hosoe N. The cost of war: Impact of sanctions on Russia following the invasion of Ukraine // *Journal of Policy Modeling*. 2023. Vol. 45, Iss. 2. P. 305–319. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2023.04.001>
3. Assessing impacts of the Russia-Ukraine conflict on global air transportation: From the view of mass flight trajectories / Ch. Chu, H. Zhang, J. Zhang [et al.] // *Journal of Air Transport Management*. 2024. Vol. 115. P. 123–131. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jairtraman.2023.102522>
4. Злобин А. Евросоюз смягчил санкции против российской авиации // *Forbes.ru*: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/472251-evrosouz-smagcil-sankcii-protiv-rossijskoj-aviacii> (дата обращения: 01.02.2026).

5. Grimme W., Maertens S., Bingemer S. An analysis of Russian international air traffic in times of war: What structural changes have emerged and who benefits from Western sanctions? // *Transportation Research Procedia*. 2024. Vol. 81. P. 128–137. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2024.11.014>
6. Бацазова Ф. В России начали часто ломаться самолеты: Насколько опасно теперь летать? // *Lenta.ru*: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/01/26/airplanes/> (дата обращения: 01.02.2026).
7. Кокорева М. Самолеты в пике: что значат для авиаотрасли введенные за операцию на Украине санкции // *Forbes.ru*: [сайт]. <https://www.forbes.ru/biznes/457247-samolety-v-pike-cto-znachat-dla-aviaotrasli-vvedennye-za-operaciu-na-ukraine-sankcii> (дата обращения: 01.02.2026).
8. Санкции крылья не подрезали: как развивается российская авиация – РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20240209/aviatsiya-1926243167.html> (дата обращения: 01.02.2026).
9. Impact analysis of Russian-Ukrainian war on airspace / I. Ostroumov, V. Ivannikova, N. Kuzmenko, V. Zaliskyi // *Journal of Air Transport Management*. 2025. Vol. 124. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jairtraman.2025.102742>
10. SJ-100 – итоги 2024 года // *Авиация России*: [сайт]. URL: <https://aviation21.ru/sj-100-itogi-2024-goda/> (дата обращения: 01.02.2026).
11. Левинский А. В каком состоянии российский авиапарк // *Forbes.ru*: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/468749-s-nerabotausim-sortirom-nikto-ne-poletit-v-kakom-sostoanii-rossijskij-aviapark> (дата обращения: 01.02.2026).
12. Ростех представил новейший двигатель ПД-8 на выставке NAIS-2025 // *Ростех*: [сайт]. URL: <https://rostec.ru/media/news/rostekh-predstavil-noveyshiy-dvigatel-pd-8-na-vystavke-nais-2025/#start> (дата обращения: 01.02.2026).
13. Российский двигатель ПД-8 для «Суперджета» подтвердил успешную работу в ливень: при взлете, наборе высоты и заходе на посадку // *IXBT.com*: [сайт]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/11/26/rossijskij-dvigatel-pd8-dlja-superdzheta-podtverdil-uspeshnuju-rabotu-v-liven-pri-vzlete-nabore-vysoty-i-zahode-na.html> (дата обращения: 01.02.2026).
14. Ростех показал один из ключевых элементов управления для импортозамещенного SJ-100 // *Сделано у нас*: [сайт]. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/166794/#cut> (дата обращения: 01.02.2026).
15. Полностью российские МС-21 на подходе. Ростех передал партию серийных авиадвигателей ПД-14 для импортозамещённых самолётов // *IXBT*: [сайт]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/02/21/rosteh-peredal-partiju-serijnyh-aviadvigatlej-pd14-dlja-importozameshennyh-samljotov-ms21.html> (дата обращения: 01.02.2026).
16. МС-21 – новости за декабрь-2024. Итоги года // *Объединённая авиастроительная корпорация*: [сайт]. URL: <https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news/ms-21-novosti-za-dekabr-2024-itogi-goda> (дата обращения: 01.02.2026).
17. «Туполев» запустил Инновационный конструкторский центр по модернизации Ту-214 // *MASHNEWS*: [сайт]. URL: <https://mashnews.ru/tupolev-zapustil-innovaczionnyj-konstruktorskij-czentr-po-modernizaczii-tu-214.html> (дата обращения: 01.02.2026).
18. «Туполев» показал первый полет Ту-214 после замены всех импортных комплектующих // *Бизнес-газета*: [сайт]. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/654882> (дата обращения: 01.02.2026).
19. АО «Туполев» в Казани завершил техническое перевооружение трех цехов // *Объединённая авиастроительная корпорация*: [сайт]. URL:

- <https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news/ao-tupolev-v-kazani-zavershil-tekhnicheskoe-perevooruzhenie-trekh-tsekhov> (дата обращения: 01.02.2026).
20. В Луховицах продолжаются сертификационные испытания самолёта Ил-114-300 // Авиация России: [сайт]. URL: <https://aviation21.ru/v-luhovicach-prodolzhayutsya-sertifikacionnye-ispytaniya-samolyota-il-114-300/> (дата обращения: 01.02.2026).
21. Самолет Ил-114-300 продолжает программу летных испытаний в новой ливрее ОАК // Объединенная авиастроительная корпорация: [сайт]. URL: <https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news/samolet-il-114-300-prodolzhaet-programmu-letnykh-ispytaniy-v-novoyu-livree-oak> (дата обращения: 01.02.2026).
22. Ростех получил сертификат типа на первый отечественный двигатель для легких вертолетов // Сделано у нас: [сайт]. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/166675/#cut> (дата обращения: 01.02.2026).

References

1. Tyazhelnikov V., Romalis O. Russian counter-sanctions and smuggling: Forensics with structural gravity estimation. *Journal of International Economics*. 2024; (152). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104014>
2. Hosoe N. The cost of war: Impact of sanctions on Russia following the invasion of Ukraine. *Journal of Policy Modeling*. 2023; 45 (2): 305–319. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2023.04.001>
3. Assessing impacts of the Russia-Ukraine conflict on global air transportation: From the view of mass flight trajectories / Ch. Chu, H. Zhang, J. Zhang [et al.]. *Journal of Air Transport Management*. 2024; (115): 123–131. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jairtraman.2023.102522>
4. Zlobin A. The European Union has eased sanctions against Russian aviation. *Forbes.ru: [site]*. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/472251-evrosouz-smagcil-sankcii-protiv-rossijskoj-aviacii> (accessed date: 01.02.2026).
5. Grimme W., Maertens S., Bingemer S. An analysis of Russian international air traffic in times of war: What structural changes have emerged and who benefits from Western sanctions? *Transportation Research Procedia*. 2024; (81): 128–137. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2024.11.014>
6. Batsazova F. V Planes have started breaking down frequently in Russia: How dangerous is it to fly now? *Lenta.ru: [site]*. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/01/26/airplanes/> (accessed date: 01.02.2026).
7. Kokoreva M. Planes in a nosedive: What the sanctions imposed for the operation in Ukraine mean for the aviation industry. *Forbes.ru: [site]*. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/457247-samolety-v-pike-cto-znachat-dla-aviaotrasli-vvedennye-za-operaciu-na-ukraine-sankcii> (accessed date: 01.02.2026).
8. Sanctions have not clipped the wings: How Russian aviation is developing. *RIA Novosti: [site]*. URL: <https://ria.ru/20240209/aviatsiya-1926243167.html> (accessed date: 01.02.2026).
9. Impact analysis of Russian-Ukrainian war on airspace / I. Ostroumov, V. Ivannikova, N. Kuzmenko, V. Zaliskyi. *Journal of Air Transport Management*. 2025; (124). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jairtraman.2025.102742>
10. SJ-100 – results of 2024. *Aviation of Russia [site]*. URL: <https://aviation21.ru/sj-100-itogi-2024-goda/> (accessed date: 01.02.2026).
11. Levinskiy A. What is the condition of the Russian aircraft fleet? *Forbes.ru: [site]*. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/468749-s-nerabotausim-sortirom-nikto-ne-poletit-v-kakom-sostoonii-rossijskij-aviapark> (accessed date: 01.02.2026).

12. Rostec presented the latest PD-8 engine at the NAIS-2025 exhibition. *Rostec*: [site]. URL: <https://rostec.ru/media/news/rostekh-predstavil-noveyshiy-dvigatel-pd-8-na-vystavke-nais-2025/#start> (accessed date: 01.02.2026).
13. Russian PD-8 engine for Superjet confirmed successful operation in heavy rain: during takeoff, climb, and landing approach. *XBT.com*: [site]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/11/26/rossijskij-dvigatel-pd8-dlja-superdzheta-podtverdil-uspeshnuju-rabotu-v-liven-pri-vzlete-nabore-vysoty-i-zahode-na.html> (accessed date: 01.02.2026).
14. Rostec showed one of the key control elements for the import-substituted SJ-100. *Sdelano u nas*: [site]. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/166794/#cut> (accessed date: 01.02.2026).
15. Fully Russian MS-21s are on the way. Rostec delivered a batch of serial PD-14 aircraft engines for import-substituted aircraft. *IXBT*: [site]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/02/21/rosteh-peredal-partiju-serijnyh-aviadvigatel-j-pd14-dlja-importozameshennyh-samljotov-ms21.html> (accessed date: 01.02.2026).
16. MS-21 – news for December 2024. Year-end results. *United Aircraft Corporation*: [site]. URL: <https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news/ms-21-novosti-za-dekabr-2024-itogi-goda> (accessed date: 01.02.2026).
17. Tupolev launched an Innovative Design Center for the modernization of the Tu-214. *MASHNEWS*: [site]. URL: <https://mashnews.ru/tupolev-zapustil-innovacionnyj-konstruktorskij-czentr-po-modernizacii-tu-214.html> (accessed date: 01.02.2026).
18. Tupolev showed the first flight of the Tu-214 after replacing all imported components. *Business-gazeta*: [site]. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/654882> (accessed date: 01.02.2026).
19. JSC Tupolev in Kazan has completed the technical re-equipment of three workshops. *United Aircraft Corporation*: [site]. URL: <https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news/ao-tupolev-v-kazani-zavershil-tehnikeskoe-perevooruzhenie-trekh-tsekhov> (accessed date: 01.02.2026).
20. Certification tests of the Il-114-300 aircraft continue in Lkhovitsy. *Aviation of Russia*: [site]. URL: <https://aviation21.ru/v-luxovicax-prodolzhayutsya-sertifikacionnye-ispytaniya-samolyota-il-114-300/> (accessed date: 01.02.2026).
21. The Il-114-300 aircraft continues its flight test program in the new UAC livery. *United Aircraft Corporation*: [site]. URL: <https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news/samolet-il-114-300-prodolzhaet-programmu-letnykh-ispytaniy-v-novoy-livree-oak> (accessed date: 01.02.2026).
22. Rostec received a type certificate for the first domestic engine for light helicopters. *Sdelano u nas*: [site]. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/166675/#cut> (accessed date: 01.02.2026).

Информация об авторе:

Лапушкин Виктор Валерьевич, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, lapushkin.viktor99@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/062-073>

EDN: <https://elibrary.ru/XJSVSS>

Дата поступления:
04.02.2026

Одобрена после рецензирования:
12.02.2026

Принята к публикации:
16.02.2026

.....

Менеджмент

.....

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 74–84
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 74–84

Научная статья

УДК 339.138

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/074-084>

EDN: <https://elibrary.ru/XNUFBV>

Концептуальные трансформации современного маркетинга в условиях цифровой бизнес-среды и развития виртуальных рынков

Ли Цзятун

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург. Россия

***Аннотация.** Исследуются концептуальные трансформации современного маркетинга под влиянием цифровой бизнес-среды и развития виртуальных рынков. Анализируется переход от традиционных парадигм к новым моделям взаимодействия, включая сдвиги от товароцентричности к экосистемному подходу, от управления спросом к сотворчеству смыслов, от транзакционной логики к реляционной экосистеме. Особое внимание уделяется изучению изменений маркетинговых коммуникаций, а также трансформации методологии от эмпирического планирования к прогностическим стратегиям на основе big data. Рассматривается процесс деконструкции классического маркетинг-микс и образование гибкой сетевой архитектуры. На примере кейсов ведущих брендов в виртуальных пространствах демонстрируется практическая реализация новых маркетинговых парадигм.*

***Ключевые слова:** цифровой маркетинг, виртуальные рынки, маркетинг-микс, трансформация маркетинга, потребительское поведение, метавселенная, цифровая бизнес-среда*

***Для цитирования:** Ли Цзятун. Концептуальные трансформации современного маркетинга в условиях цифровой бизнес-среды и развития виртуальных рынков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 74–84. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/074-084>. EDN: <https://elibrary.ru/XNUFBV>*

.....

Management

.....

Original article

Conceptual transformations of modern marketing in conditions of digital business environment and development of virtual markets

Li Jiatong

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg. Russia

***Abstract.** The article explores the conceptual transformations of modern marketing under the influence of the digital business environment and the development of virtual markets. It analyzes the shift from tradi-*

© Ли Цзятун, 2026

tional paradigms to new interaction models, including the transition from product-centricity to an ecosystem approach, from demand management to co-creation of meanings, and from transactional logic to a relational ecosystem. Particular attention is paid to studying changes in marketing communications, as well as the transformation of methodology from empirical planning to predictive strategies based on big data. The process of deconstructing the classic marketing mix and the emergence of a flexible network architecture is examined. Using case studies of leading brands in virtual spaces, the practical implementation of new marketing paradigms is demonstrated.

Keywords: digital marketing, virtual markets, marketing mix, marketing transformation, consumer behavior, metaverse, digital business environment

For citation: Li Jiatong. Conceptual transformations of modern marketing in conditions of digital business environment and development of virtual markets // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2026. Vol. 18, № 1. P. 74–84. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/074-084>. EDN: <https://elibrary.ru/XNUFBV>

Введение

Современный маркетинг переживает период фундаментальных трансформаций, обусловленных формированием принципиально новой цифровой бизнес-среды и стремительным развитием виртуальных рынков. Эти изменения носят не инструментальный, а концептуальный характер, затрагивая основы маркетинговой теории и практики. Цифровая среда с ее ключевыми атрибутами – датацентричностью, платформенностью, гиперконкуренцией и скоростью изменений создает технологический фундамент для этой трансформации, в то время как виртуальные рынки представляют собой качественно новое социально-экономическое явление, требующее переосмысления традиционных подходов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что классические маркетинговые модели, разработанные в эпоху доминирования физических продуктов и линейных коммуникаций, демонстрируют свою ограниченность в условиях, когда ценность создается в цифровых экосистемах, а товаром становится нематериальный опыт или уникальный цифровой актив. Виртуальные рынки, основанные на принципах цифрового дефицита, иммерсивного взаимодействия и социально-символической ценности, формируют альтернативную экономическую реальность с собственными законами и механизмами обмена.

Степень научной разработанности проблемы показывает, что вопросы цифровизации маркетинга достаточно широко освещены в научной литературе, но концептуальные трансформации маркетинга в контексте именно виртуальных рынков остаются недостаточно изученными.

Вопросы цифровой трансформации маркетинга получили широкое освещение в трудах зарубежных (Ф. Котлер, Д. Роджерс, К. Лемон) и отечественных исследователей (О.В. Сагинова, Т.П. Данько). Однако стремительное развитие виртуальных рынков как качественно нового этапа требует отдельного концептуального осмысления.

На международном уровне сформировалось несколько ключевых исследовательских направлений, среди которых можно выделить маркетинг в метавселенных и виртуальных мирах, описанный в работах М. Болла [1], который заложил экономическую и технологическую основу для понимания метавселенной как преемника Интернета; токенизация и экономика Web 3.0, представленные

в исследованиях Ф. Регнера [2], который анализирует, как технология блокчейн создает новые модели монетизации, основанные на подлинности, правообладании и коллекционной ценности цифровых активов; экономика внимания и гиперперсонализация, основанные на теории, развиваемой такими авторами, как Т. Дэвенпорт [3].

Несмотря на активное развитие вышеперечисленных направлений, в научном дискурсе остается неопределенность, связанная с системным анализом глубинных, концептуальных трансформаций маркетинга как целостной дисциплины под влиянием указанных факторов. Большинство существующих исследований сосредоточены на практических аспектах использования цифровых инструментов, в то время как глубинные изменения структурных элементов и парадигм маркетинга требуют более системного анализа.

Целью исследования является выявление и систематизация ключевых направлений концептуальной трансформации современного маркетинга под влиянием цифровой бизнес-среды и развития виртуальных рынков.

Основная часть

Современная цифровая бизнес-среда характеризуется такими атрибутами, как датацентричность, платформенность, скорость изменений и гиперконкуренция. В рамках этой среды данные становятся ключевым активом, а технологии (искусственный интеллект и большие данные) инфраструктурной основой для принятия маркетинговых решений.

Эволюционным развитием стала кристаллизация виртуальных рынков – экономических систем, где товарами выступают цифровые активы, не имеющие физического аналога [4]. Развитие виртуальных рынков обусловлено комплексом технологических, социальных и экономических факторов. Технологической основой выступает созревание иммерсивных технологий – виртуальной и дополненной реальности, обеспечивающих необходимое погружение. Социальные предпосылки включают формирование поколения цифровых аборигенов, для которых онлайн-идентичность имеет не меньшую ценность, чем офлайн-существование, а также пандемийный опыт массовой миграции в цифровое пространство.

Особенностью современных виртуальных рынков является их экономическая самодостаточность. В отличие от традиционной цифровой экономики они формируют замкнутые экономические экосистемы с собственными валютами и системами обмена [5]. При этом стирается грань между игровой и реальной экономикой – виртуальные активы приобретают реальную стоимость. Коммуникационная модель трансформируется в сторону гиперсоциальности, где потребление становится коллективным действием, а ценность актива определяется его социальной значимостью в сообществе.

Сущностная природа виртуальных рынков коренится в их способности создавать альтернативную экономическую реальность, где традиционные физические ограничения утрачивают свою силу. Эти рынки существуют как устойчивые экосистемы, основанные на цифровом дефиците – искусственно созданной редкости виртуальных активов, которая наделяет их свойствами ценности и уникальности. В отличие от обычных цифровых платформ виртуальные рынки

оперируют не просто цифровыми копиями реальных товаров, а принципиально новыми формами собственности, когда право владения подтверждается криптографически через технологию блокчейн.

Фундаментальной особенностью данных рынков становится их иммерсивная природа: они создают пространство, в котором экономические транзакции неотделимы от социального взаимодействия и процессов формирования идентичности. Потребление здесь трансформируется в акт самовыражения и позиционирования внутри сообщества. Экономическая ценность активов на этих рынках определяется не утилитарной полезностью, а их символическим капиталом и социальной значимостью.

Эмпирические данные подтверждают масштаб явления. Так, например, рынок метавселенных, по оценкам McKinsey & Company, к 2030 г. может достичь стоимости 5 трлн долл. [6], а игровая платформа Roblox в 2023 г. сообщила о 4,8 млрд долл. выручки от продажи виртуальных предметов (V-bucks, аватары, аксессуары), что на 26 % больше, чем в 2022 г. [7].

Представленные данные иллюстрируют формирование полноценной экономики, где пользователи готовы платить за цифровую идентичность.

Таким образом, виртуальные рынки – это устойчивые социально-экономические экосистемы, существующие в цифровой среде и основанные на системе уникальных виртуальных активов, ценность которых формируется через искусственный дефицит, социальное признание и подтверждение права владения с помощью распределенных реестров. Они характеризуются иммерсивностью взаимодействия, интеграцией экономических транзакций с процессами формирования идентичности и созданием альтернативных систем обмена, функционирующих по собственным экономическим законам, отличным от традиционной рыночной экономики. Природа виртуальных рынков во многом определяет пользовательское поведение и, соответственно, стратегии построения взаимоотношений между компаниями и потребителями.

Так, например, компания «Nike» создала виртуальную площадку Nikeland, где пользователи могут не только играть, но и получать эксклюзивные цифровые кроссовки – NFT-активы, подтвержденные с помощью блокчейн.

Особенности виртуальных рынков меняют саму логику отношений: потребитель не просто покупает продукт, а инвестирует в цифровую идентичность. Они же определяют изменения маркетинговых стратегий, поскольку компании вынуждены приспосабливаться к новым требованиям и условиям, чтобы оставаться конкурентоспособными в долгосрочной перспективе.

Таким образом, технологические и социальные особенности взаимодействия на виртуальных рынках являются, по сути, предпосылками трансформации ключевых парадигм традиционного маркетинга, затрагивающими его концептуальные основы.

Выделим основные изменения и рассмотрим их более подробно.

1. Переход от товароцентричной к экосистемной парадигме

Традиционная модель, где продукт был центральным элементом системы, уступает место парадигме экосистем ценности. Ценность создается не в линейной цепочке, а в сетевом взаимодействии бренда, пользователей и технологиче-

ских платформ. Например, ценность виртуального предмета в метавселенной определяется не свойствами цифрового объекта, а его социальным статусом в сообществе и возможностями для самовыражения [8].

Таким образом, трансформация от товароцентричной к экосистемной парадигме в маркетинге представляет собой фундаментальный сдвиг, при котором продукт перестает быть конечной целью маркетинга, становясь лишь элементом сложной сети создания ценности.

В экосистемной парадигме продукт растворяется в более широком контексте цифровой среды, где ценность возникает на стыке технологических платформ, пользовательских взаимодействий и социального капитала. Это проявляется в изменившихся критериях ценности продукта. Так, ценность виртуального актива (например, NFT-аватара или цифровой одежды) определяется не его функциональными характеристиками, а социальной значимостью внутри сообщества, сетевой ликвидностью (способностью быть легко проданным / обменным), интегрированностью в более широкую цифровую экосистему.

В конечном счете конкурентное преимущество смещается от качества продукта к способности выстраивать и поддерживать устойчивые экосистемы, где каждый участник (включая потребителей) становится создателем ценности. Маркетинг превращается в управление сложной сетью взаимоотношений, когда продукт – лишь точка входа в экосистему, а не ее конечная цель.

2. Трансформация от управления спросом к сотворчеству смыслов

Классическая задача маркетинга – формирование и удовлетворение спроса трансформируется в парадигму сотворчества (co-creation). Потребитель становится просьюмером, активно участвуя в создании продукта, контента и маркетинговых коммуникаций. Бренды-лидеры в виртуальных пространствах (например, *Balenciaga* в *Fortnite*) действуют не как создатели готовых смыслов, а как кураторы пользовательского творчества.

Фундаментальный сдвиг заключается в переходе от патерналистской модели, где бренд единолично формировал и удовлетворял спрос, к партисипаторной парадигме сотворчества. В традиционном маркетинге потребителю отводилась пассивная роль цели для воздействия – компания изучала потребности и предлагала готовые решения через тщательно выверенные сообщения. В цифровой среде, особенно в виртуальных рынках, этот подход теряет эффективность из-за радикальной прозрачности и горизонтального характера коммуникаций.

Суть новой парадигмы проявляется в том, что бренд перестает быть монопольным создателем смыслов, превращаясь в куратора, модератора и вдохновителя пользовательского творчества. Ценность бренда теперь определяется не столько тем, что он говорит о себе, сколько тем, какие смыслы генерируют вокруг него потребители. Например, в метавселенных ценность виртуального предмета роскоши возникает не из его цифровых характеристик, а из историй, которые пользователи создают с его помощью, и социальных практик, которые вокруг него формируются. Это порождает новую экономику участия, где потребитель становится активным соавтором не только контента, но и самого продукта. Краудсорсинг идей, пользовательский контент, коллаборативные проекты –

все это становится ядром маркетинговой деятельности. Успешные бренды в виртуальных пространствах создают не готовые нарративы, а смысловые поля и инструменты для самовыражения, позволяя потребителям становиться полноправными сотворцами бренда. В результате маркетинг превращается из монолога в непрерывный диалог, где границы между создателем и потребителем стираются, а ценность рождается в процессе коллективного творчества.

3. *От транзакционной логики к реляционной экосистеме*

Фокус смещается с индивидуальных транзакций на построение пожизненной экосистемы взаимоотношений. В виртуальных рынках ценность клиента (LTV) измеряется не объемом разовых покупок, а глубиной интеграции в экосистему бренда – участием в сообществе, созданием пользовательского контента, социальным влиянием.

Фундаментальный переход заключается в преодолении ограниченной логики единичных сделок и выходе в пространство пожизненного управления ценностью клиента. Традиционная транзакционная модель, ориентированная на разовые продажи и немедленную прибыль, уступает место экосистемному подходу, в котором каждое взаимодействие рассматривается как инвестиция в долгосрочные отношения. В цифровой среде, особенно в контексте виртуальных рынков, ценность клиента измеряется не объемом единовременной покупки, а глубиной его интеграции в экосистему бренда.

На первый план выходит концепция жизненного цикла клиента, где первоначальная транзакция является лишь точкой входа в сложную систему взаимоотношений. Успешные компании создают многоуровневые экосистемы, в которых потребитель постепенно превращается из покупателя в участника сообщества, затем в адвоката бренда и, наконец, в соавтора ценностей. В виртуальных экономиках это проявляется особенно ярко – ценность пользователя определяется его социальным капиталом, способностью генерировать контент и влиять на других участников сообщества.

Маркетинговая стратегия смещается с тактики стимулирования покупок к архитектуре долгосрочной вовлеченности. Это требует перестройки всех бизнес-процессов: от разработки продуктов до сервисной поддержки. Ключевыми показателями эффективности становятся не объемы продаж, а метрики глубины отношений: время пребывания в экосистеме, частота взаимодействий, готовность к сотворчеству и уровень лояльности. В таких условиях маркетинг превращается в непрерывный процесс культивирования взаимоотношений, где каждая транзакция – это не финал, а очередной этап развития диалога.

4. *От массовых коммуникаций к иммерсивному погружению*

Иерархическая модель коммуникации (производитель-каналы-потребитель) заменяется парадигмой иммерсивного присутствия. Маркетинг становится средой, а не сообщением. Потребитель не получает информацию о бренде, а «живет» внутри брендированного опыта, как в случае с виртуальными магазинами Nike в Roblox.

Суть данной трансформации заключается в принципиальном переходе от передачи сообщений к созданию целостных сред взаимодействия. Традиционная парадигма массовых коммуникаций оказывается неэффективной в условиях

цифровой гипернасыщенности. Вместо того чтобы транслировать месседжи через рекламные каналы, современный маркетинг создает многомерные пространства, в которых потребитель не получает информацию о бренде, а проживает его ценности через непосредственный опыт. Этот сдвиг особенно очевиден в виртуальных рынках, где маркетинг буквально становится средой обитания. Бренды перестают быть внешними наблюдателями и превращаются в архитекторов цифровых ландшафтов – от виртуальных бутиков в метавселенных до интерактивных игровых вселенных. Потребитель оказывается не объектом воздействия, а участником нарратива, когда границы между развлечением, общением и потреблением последовательно стираются. Коммуникация приобретает тактильный характер: она происходит не через восприятие сообщений, а через физическое (пусть и цифровое) присутствие в брендированном пространстве.

5. От эмпирического планирования к data-driven алхимии

Интуитивное принятие решений уступает место парадигме алгоритмической оптимизации. Цифровая среда генерирует массив данных в реальном времени, позволяя не просто анализировать поведение, а прогнозировать тренды и автоматически адаптировать маркетинговые стратегии с помощью AI.

Коренной перелом затронул саму методологию принятия маркетинговых решений: интуиция и прошлый опыт уступают место алгоритмической точности, основанной на комплексном анализе цифровых следов. В традиционной модели стратегии выстраивались на ограниченных выборках и ретроспективных данных, что напоминало навигацию по звездам в эпоху спутникового позиционирования. Современная цифровая среда генерирует массив поведенческих данных такой сложности и объема, что их осмысление становится возможным только через призму ИИ и машинного обучения [9].

Маркетинг превращается в высокотехнологичную дисциплину, где гипотезы не просто проверяются, а непрерывно генерируются и валидируются алгоритмами. Системы предиктивной аналитики способны выявлять не очевидные человеческому восприятию паттерны, прогнозируя тренды до их массового проявления. В виртуальных экономиках этот подход становится особенно ценным, позволяя отслеживать формирование новых поведенческих моделей в режиме реального времени – от миграции пользователей между платформами до динамики цен на цифровые активы.

Принципиально меняется природа маркетингового эксперимента: A/B тестирование уступает место многовариантному анализу, когда одновременно проверяются сотни гипотез на сегментированных аудиториях. Маркетологи все меньше полагаются на креативные озарения, делегируя оптимизацию кампаний самообучающимся системам [10]. Однако это не обесценивает человеческий фактор, а переносит его в сферу интерпретации сложных взаимосвязей и этического контроля за алгоритмическими решениями. Фокус компетенций смещается от искусства убеждения к науке предвидения.

6. От жесткой иерархии 4P к гибкой сетевой архитектуре

Классический маркетинг-микс теряет четкие границы: Product растворяется в цифровом опыте, Price становится динамичной и контекстно-зависимой, Place

превращается в многомерное межплатформенное присутствие, Promotion эволюционирует в сотворчество смыслов.

Классическая модель маркетинг-микс, десятилетиями остававшаяся концептуальным каркасом маркетинга, утрачивает свою структурную целостность в цифровой среде. Четкое разделение на продукт, цену, распределение и продвижение растворяется в многомерном пространстве виртуальных рынков, где эти элементы динамично перетекают друг в друга и постоянно перераспределяются.

Продукт теряет свою материальную определенность, превращаясь в цифровой опыт, который невозможно отделить от каналов его распространения. Виртуальный актив существует лишь в контексте платформы, которая одновременно является и местом его реализации, и частью его ценности. Показательным примером является коллаборация бренда Gucci с платформой Roblox. Виртуальная сумка Gucci Dionysus была продана за 4,115 Robux (около \$4,700), что превысило цену ее физического аналога. Это доказывает, что в виртуальной экономике ценность определяется исключительно воспринимаемым престижем и редкостью, а не стоимостью материалов [11]. Цена утрачивает стабильность, становясь ситуативной величиной, определяемой алгоритмами динамического ценообразования, репутацией продавца и социальным капиталом покупателя. Динамическое ценообразование на основе данных и модели подписки становятся нормой. Так, более 75% компаний, предоставляющих цифровые услуги (от Netflix до Adobe), используют subscription-модель как основную. В виртуальных мирах формируется аналогичная парадигма: пользователи платят за доступ к эксклюзивным событиям или локациям (например, концерт Трэвиса Скотта в игре Fortnite собрал 12,3 млн одновременных зрителей, монетизируя внимание, а не билеты) [12]. Место дистрибуции трансформируется в многоканальное присутствие, распределенное между социальными сетями, игровыми платформами и метавселенными, где физическая доступность заменяется цифровой доступностью. По данным Accenture, 64% потребителей совершили хотя бы одну покупку в виртуальном пространстве в 2023 году, а 83% руководителей считают, что метавселенные положительно повлияют на их бизнес в ближайшие три года [13].

Продвижение перестает быть отдельной функцией, вплетаясь в саму ткань продукта; виральность становится неотъемлемым свойством удачного цифрового актива, а не результатом коммуникационной кампании. Эффективность традиционной рекламы падает: коэффициент кликабельности (CTR) стандартных баннеров неуклонно снижается, в то время как иммерсивные форматы показывают в 5–10 раз более высокую вовлеченность.

Так, Nike в Nikeland (Roblox) за первый год привлек 7 млн уникальных посетителей, которые провели в пространстве бренда 26 млн ч, создав 14 млн пользовательских дизайнов кроссовок [14]. В этой новой архитектуре маркетинг представляет собой не набор управляемых переменных, а сложную сеть взаимозависимых элементов, где изменение одного параметра мгновенно влияет на все остальные. Успешная стратегия требует не оптимизации отдельных компонентов, а проектирования устойчивых конфигураций, способных адаптироваться к постоянным изменениям цифровой экосистемы.

Заключение

Проведенный в рамках данной статьи анализ позволяет сформулировать системные выводы о природе и направлениях трансформации маркетинга в условиях цифровой среды и виртуальных рынков.

Во-первых, кардинальное переопределение источников ценности становится центральным изменением. Маркетинг перемещается из плоскости управления материальными продуктами в сферу проектирования экосистем, где ценность генерируется на стыке технологий, данных и социальных взаимодействий. Виртуальные рынки демонстрируют, что искусственно созданный цифровой дефицит и социально признанная уникальность активов способны формировать новые экономические реальности, когда стоимость отрывается от утилитарной функции и становится производной от сетевого эффекта и символического капитала.

Во-вторых, глубокая антропологическая трансформация отношений между брендом и потребителем проявляется в переходе от иерархической модели коммуникации к архитектуре сотворчества. Потребитель эволюционирует из пассивного реципиента маркетинговых сообщений в активного соавтора нарративов бренда, при этом сами нарративы приобретают нелинейный характер, развиваясь по законам сетевой культуры. Бренд теряет монополию на смыслообразование, но приобретает роль куратора сообщества и создателя среды для генерации пользовательского контента.

В-третьих, фундаментальное изменение временной перспективы маркетинговой деятельности выражается в переходе от дискретных транзакций к непрерывному жизненному циклу взаимодействия. Цифровая среда позволяет выстраивать бесшовные цепочки точек контакта, при этом каждая становится элементом долгосрочных отношений. Это смещает фокус с операционных показателей конверсии на стратегические метрики вовлеченности и лояльности, переопределяя саму концепцию маркетинговой эффективности.

В-четвертых, искусственный интеллект и машинное обучение трансформируют маркетинг из искусства в дисциплину, где прогнозная аналитика и предиктивное моделирование вытесняют эмпирические подходы. При этом технологизация не отменяет креативную составляющую, но переносит ее в плоскость алгоритмической эстетики.

В-пятых, вместо борьбы за функциональные характеристики продукта или ценовое доминирование маркетинг переходит к конкуренции экосистем и архитектур пользовательского опыта. Успех определяется способностью бренда создавать целостные цифровые среды, которые обеспечивают бесшовную интеграцию в повседневные практики потребителя.

Выделенные трансформации носят не адаптационный, а революционный характер, требуя пересмотра философских и методологических основ маркетинга как дисциплины. Современный маркетинг становится не функцией продвижения, а метанавыком проектирования сложных антропотехнических систем, в которых экономическая ценность возникает из социальных связей, технологических возможностей и культурных кодов.

Список источников

1. Болл М. *Метавселенная: как она меняет наш мир*. Москва: Альпина Пабlisher, 2023.
2. Regner F., Schweizer A., & Urbach N. NFTs in Practice – Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application. Proceedings of the 40th International Conference on Information Systems (ICIS). 2019
3. Davenport T. H., & Beck J. C. *The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business*. Harvard Business School Press. 2001.
4. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. *Маркетинг 6.0. Будущее за иммерсивностью, слиянием цифрового и физического миров*. Москва: Эксмо, 2025.
5. Казыева Я. Р., Кузнецова Е. В. Цифровая трансформация маркетинга: возможности для современного бизнеса // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2024. № 10-1 (116). С. 174–177.
6. McKinsey & Company. *Value creation in the metaverse*. 2022. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/value-creation-in-the-metaverse>.
7. Roblox Corporation. *Roblox Reports Fourth Quarter and Full Year 2023 Financial Results* [Press release]. Roblox Investor Relations. 2024. URL: <https://ir.roblox.com/news/news-details/2024/Roblox-Reports-Fourth-Quarter-and-Full-Year-2023-Financial-Results/default.aspx>
8. Хачатурян А. А., Пономарева С. В., Корюшов Н. В. *Маркетинг в метавселенной как новая концепция и бизнес-возможность для развития компаний с помощью искусственного интеллекта* // *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15, № 3. URL: <https://esj.today/PDF/54ECVN323.pdf>
9. Шендрик В. В. *Маркетинговые стратегии в эпоху цифровизации: вызовы и перспективы* // *Проблемы науки*. 2024. № 2 (83). С. 15–18.
10. Возиянова Н. Ю., Каменева Н. В. *Нейромаркетинг в цифровой эпохе: состояние и перспективы развития* // *Вестник Российского эконом. ун-та им. Г. В. Плеханова*. 2025. Т. 22, № 3. С. 231–243.
11. Esquire. *This Virtual Gucci Bag Was Sold For More Than The Real Thing, And It's Not Even an NFT*. 2021. URL: <https://www.esquiremag.ph/money/wealth/virtual-gucci-bag-roblox-a00304-20210526>.
12. The Verge. *More than 12 million people attended Travis Scott's Fortnite concert*. 2020. URL: <https://www.theverge.com/2020/4/23/21233946/travis-scott-fortnite-concert-astronomical-record-breaking-player-count>.
13. Accenture. *Meet Me in the Metaverse: The Continuum of Technology and Experience Reshaping Business*. 2024. URL: <https://www.accenture.com/br-pt/insights/technology/technology-trends-2024>.
14. Nike Inc. *Nike Investor Day 2022: Presentation & Transcript*. 2022. URL: <https://investors.nike.com/investors/news-events-and-reports/investor-news/investor-news-details/2022/NIKE-Inc.-Reports-Fiscal-2022-Fourth-Quarter-and-Full-Year-Results/default.aspx> (вставка)

References

1. Ball M. *The Metaverse: And How It Will Revolutionize Everything*. Liveright Publishing. 2023.
2. Regner F., Schweizer A., & Urbach N. NFTs in Practice – Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application. Proceedings of the 40th International Conference on Information Systems (ICIS). 2019.

3. Davenport T.H., & Beck J.C. The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business. Harvard Business School Press. 2001.
4. Kotler F., Kartadzhaya Kh., Setiawan A. Marketing 6.0. The Future Lies in Immersiveness, the Fusion of the Digital and Physical Worlds. Moscow: Eksmo; 2025.
5. Kazyuyeva Ya.R., Kuznetsova, E.V. Digital transformation of marketing: Opportunities for modern business. *Economics and Business: Theory and Practice*. 2024; 10-1 (116): 174–177.
6. McKinsey & Company. Value creation in the metaverse. 2022. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/value-creation-in-the-metaverse>
7. Roblox Corporation. Roblox Reports Fourth Quarter and Full Year 2023 Financial Results [Press release]. Roblox Investor Relations. 2024. URL: <https://ir.roblox.com/news/news-details/2024/Roblox-Reports-Fourth-Quarter-and-Full-Year-2023-Financial-Results/default.aspx>.
8. Khachaturyan A.A., Ponomareva S.V., Koryushov N.V. Marketing in the metaverse as a new concept and business opportunity for company development through artificial intelligence. *Bulletin of Eurasian Science*. 2023; 15 (3). URL: <https://esj.today/PDF/54ECVN323.pdf>
9. Shendrik V.V. Marketing strategies in the era of digitalization: Challenges and prospects. *Problems of Science*. 2024; 2 (83): 15–18.
10. Vozianova N.Yu., Kameneva N.V. Neuromarketing in the digital age: State and development prospects. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2025; 22 (3): 231–243.
11. Esquire. This Virtual Gucci Bag Was Sold For More Than The Real Thing, And It's Not Even an NFT. 2021. URL: <https://www.esquiremag.ph/money/wealth/virtual-gucci-bag-roblox-a00304-20210526>.
12. The Verge. More than 12 million people attended Travis Scott's Fortnite concert. 2020. URL: <https://www.theverge.com/2020/4/23/21233946/travis-scott-fortnite-concert-astronomical-record-breaking-player-count>.
13. Accenture. Meet Me in the Metaverse: The Continuum of Technology and Experience Reshaping Business. 2024. URL: <https://www.accenture.com/br-pt/insights/technology/technology-trends-2024>.
14. Nike, Inc. Nike Investor Day 2022: Presentation & Transcript. 2022. URL: <https://investors.nike.com/investors/news-events-and-reports/investor-news/investor-news-details/2022/NIKE-Inc.-Reports-Fiscal-2022-Fourth-Quarter-and-Full-Year-Results/default.aspx>

Информация об авторе:

Ли Цзягун, аспирант Высшей школы производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, jiatongjiatong91@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/074-084>

EDN: <https://elibrary.ru/XNUFBV>

Дата поступления:
26.01.2026

Одобрена после рецензирования:
10.02.2026

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья
УДК 377.354
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/085-098>
EDN: <https://elibrary.ru/XEBPOG>

Подготовка мультиквалифицированных специалистов как перспективное направление деятельности производственно- учебных центров предприятий

Саидов Фируз Самадович

Производственно-учебный центр АО «ОДК-Сервис»
Гатчина. Россия

***Аннотация.** Актуальность темы обусловлена ключевыми вызовами, стоящими перед отечественной экономикой, в том числе необходимостью повышения производительности труда и преодоления дефицита квалифицированных кадров. Быстрое изменение технологических процессов и модернизация оборудования усиливают спрос на специалистов, обладающих не только узкими профессиональными знаниями, но и способностью осваивать смежные профессии. Это делает профессиональную мобильность критически важным фактором, позволяющим преодолеть разрыв между растущими требованиями рынка труда и уровнем подготовки специалистов. Одним из перспективных решений данной проблемы является подготовка мультиспециалистов, обладающих широким спектром профессиональных навыков и компетенций. Исследована значимость подготовки мультиспециалистов в учебных центрах предприятий. Проведена систематизация понятийного аппарата (мультипрофессионализм, транспрофессионализм, полипрофессионализм), углублен анализ дискуссионных аспектов темы, включая критический разбор рисков (перегрузка сотрудников, организационная справедливость), и представлены первые количественные показатели эффективности программ мультиквалификации на примере ПУЦ АО «ОДК-УМПО». Рассмотрены подходы к организации образовательного процесса, направленного на формирование многопрофильных компетенций у работников, а также проведен анализ их влияния на эффективность производственных процессов. Изучены существующие образовательные подходы и практики, ориентированные на развитие многопрофильных навыков. На основе полученных данных предложены методические рекомендации по проектированию программ обучения, направленных на подготовку специалистов с широким кругом компетенций. Результаты исследования подтверждают, что внедрение программ подготовки мультиспециалистов способствует повышению профессиональной гибкости сотрудников, улучшению производственных показателей и конкурентоспособности предприятий. Первые количественные данные (2019–2024) свидетельствуют о положительной динамике, однако также выявляют необходимость тщательного управления рисками перегрузки. Это позволяет компаниям эффективно реагировать на технологические вызовы и адаптироваться к изменяющимся условиям рынка, минимизируя риски и оптимизируя использование кадровых ресурсов при условии сбалансированного подхода.*

Ключевые слова: мультиквалификация, производственно-учебный центр, внутрифирменное обучение, профессиональная подготовка, дуальная система образования, проектный подход, кадровый потенциал, профессиональная гибкость, транспрофессионализм, количественная оценка эффективности

Для цитирования: Саидов Ф.С. Подготовка мультиквалифицированных специалистов как перспективное направление деятельности производственно-учебных центров предприятий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 85–98. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/085-098>. EDN: <https://elibrary.ru/XEBPOG>

.....
Pedagogy
 .....

Original article

Training of multi-specialists as a promising area of activity of production and training centers of enterprises

Firuz S. Saidov

Production and Training Center of JSC ODK-Service
 Gatchina. Russia

Abstract. The relevance of the topic is determined by the key challenges facing the domestic economy, including the need to increase labor productivity and overcome the shortage of qualified personnel. Rapid changes in technological processes and modernization of equipment increase the demand for specialists with not only narrow professional knowledge, but also the ability to master related professions. This makes professional mobility a critical factor in bridging the gap between the growing demands of the labor market and the level of professional training. One of the promising solutions to this problem is the training of multi-specialists with a wide range of professional skills and competencies. Responding to such demands from the manufacturing sector of the economy as staff shortages, reduced production downtime, increased productivity, and optimized personnel costs, which in turn increases the competitiveness of organizations in the modern market. This article is devoted to the study of the importance of training multi-specialists in the training centers of enterprises. The article systematizes the conceptual framework (multiprofessionalism, transprofessionalism, and polyprofessionalism), in-depth analyzes the controversial aspects of the topic, including a critical analysis of risks (employee overload, organizational fairness), and pre-sents the first quantitative indicators of the effectiveness of multiqualfication programs using the example of the UEC UEC-UMPO. Approaches to the organization of the educational process aimed at the formation of multidisciplinary competencies among employees are considered, as well as an analysis of their impact on the efficiency of production processes. The research examines existing educational approaches and practices focused on the development of multidisciplinary skills. Based on the data obtained, methodological recommendations are proposed for the design of training programs aimed at training specialists with a wide range of competencies. The results of the study confirm that the introduction of training programs for multi-specialists helps to increase the professional flexibility of employees, improve production performance and competitiveness of enterprises. The first quantitative data (2019–2024) indicate a positive trend, but also reveal the need for careful management of overload risks. This allows companies to effectively respond to technological challenges and adapt to changing market conditions, minimizing risks and optimizing the use of human resources, provided a balanced approach.

Keywords: multiqualfication, production and training center, in-house training, vocational training, dual education system, project approach, human resources, professional flexibility, trans-professionalism, overload risks, quantitative assessment of effectiveness

For citation: Saidov F. S. Training of multi-specialists as a promising area of activity of production and training centers of enterprises // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 85–98. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/085-098>. EDN: <https://elibrary.ru/XEBPOG>

Введение

Современные предприятия функционируют в условиях динамично меняющегося экономического и технологического ландшафта, где основные процессы модернизируются с высокой скоростью. Это обусловлено стремительным развитием цифровых технологий, автоматизации и инновационных подходов к производству. Быстроменяющиеся требования рынка диктуют необходимость немедленной адаптации к новым условиям и задачам, что, в свою очередь, требует от сотрудников не только владения базовыми профессиональными навыками, но и готовности к освоению новых компетенций.

В таких условиях традиционная модель узкоспециализированного разделения труда становится все менее эффективной. Так, по данным Минпромторга РФ (2023), 47% предприятий испытывают нехватку рабочих с навыками работы на станках с числовым программным управлением (ЧПУ) и со знаниями цифровых систем. Следует также отметить несоответствие программ СПО требованиям рынка. Лишь малая часть колледжей используют модульные программы, интегрированные с реальным производством. Возникает противоречие между возрастающими требованиями рынка труда к профессиональной мобильности рабочих и традиционными подходами к их подготовке. Это подчеркивает необходимость разработки новых подходов к обучению, которые позволят готовить высококвалифицированных специалистов, способных эффективно работать в условиях постоянно меняющегося производственного ландшафта.

Сложности возникают при необходимости оперативного перестроения производственных процессов, а также при нехватке кадров, способных выполнять широкий спектр задач. Кроме того, предприятия все чаще сталкиваются с необходимостью применения междисциплинарного подхода в решении производственных задач, что делает многопрофильную подготовку сотрудников критически важным фактором успеха.

Гибкость и универсальность кадров обеспечивают возможность оперативного реагирования на изменения в спросе, перераспределение ресурсов и внедрение новых технологий. Для решения этих задач крупные промышленные предприятия начали развивать собственные корпоративные инструменты внутрифирменного профессионального обучения, в частности производственно-учебные центры (ПУЦ), например: УПЦ «КамАЗ» (Набережные Челны), ПУЦ «ОДК-УМПО» (Уфа), ПУЦ «КВЗ» (Казань). Подобные учебные центры становятся ключевым звеном в реализации государственных программ, таких как «Профессионалитет» и «Стратегия научно-технологического развития РФ до 2035 года». В данных центрах, являющихся структурами предприятия, разрабатывают и реализуют профессиональные образовательные программы для подготовки рабочих, в том числе по мультиквалификационным образовательным трекам.

Вместе с тем внедрение подобных программ требует тщательного анализа содержательной части обучения и методологического обоснования формы образовательного процесса, учитывая особенности производства и целесообразность формирования набора профессиональных компетенций. Текущее состояние профессионального образования не вполне удовлетворяет требованиям динамично меняющейся экономики, а новое видение мультипрофессионального подхода еще

находится в стадии становления. Это требует не только поиска баланса между традиционными образовательными практиками и инновационными подходами, но и глубокого осмысления понятийного аппарата, критической оценки потенциальных рисков и сбора убедительных эмпирических доказательств эффективности.

Систематизация понятийного аппарата. В отечественной и зарубежной научной литературе для описания феномена овладения работником несколькими профессиями используются близкие, но не всегда тождественные термины: «интерпрофессионал», «мультипрофессионал», «транспрофессионал» и «полипрофессионал». Требуется четкое разграничение этих концепций:

– мультипрофессионализм чаще всего описывает ситуацию, когда работник последовательно или параллельно осваивает и выполняет трудовые функции нескольких отдельных, часто смежных профессий в рамках одного технологического процесса или производственного цикла. Акцент делается на количестве освоенных профессий / специальностей и практической возможности их совмещения (например, токарь + фрезеровщик + оператор ЧПУ). Основная цель – повышение операционной гибкости и взаимозаменяемости на уровне исполнителя [1];

– транспрофессионализм представляет собой более высокий уровень интеграции компетенций. Это не просто сумма навыков разных профессий, а способность к трансдисциплинарному синтезу знаний и методов, выход за рамки узких профессиональных границ для решения комплексных, нестандартных задач. Транспрофессионал обладает развитыми надпрофессиональными (soft) навыками (системное мышление, межпрофессиональная коммуникация, адаптивность) и способен действовать на стыке различных профессиональных областей, создавая новые решения [2, 3]. Транспрофессионализм предполагает качественное преобразование профессиональной идентичности;

– термин «полипрофессионализм» часто используется как синоним мультипрофессионализма (подчеркивается множественность освоенных профессий). Однако иногда в него вкладывают оттенок широты охвата, возможно, менее связанных между собой областей деятельности;

– интерпрофессионализм сфокусирован прежде всего на эффективном взаимодействии и совместной работе представителей разных профессий в команде для достижения общей цели (например, в здравоохранении, социальной сфере). Акцент делается на коллаборации, а не на обладании множеством компетенций одним человеком.

Таким образом, понятия не являются строгими синонимами. «Мультипрофессионализм» и «полипрофессионализм» акцентируют множественность профессий, «транспрофессионализм» – интеграцию и трансформацию компетенций на качественно новом уровне, а «интерпрофессионализм» – межпрофессиональное взаимодействие. В контексте подготовки рабочих кадров на предприятиях наиболее применимы концепции мультипрофессионализма (как основа) и транспрофессионализма (как перспектива развития).

Дискуссионность темы и критический анализ рисков. Внедрение программ мультиквалификации сопровождается активной научной дискуссией. Наряду с признанием преимуществ (гибкость, снижение затрат, повышение адаптивности) выделяются существенные риски, требующие глубокого анализа и управления:

1. Риск перегрузки и выгорания сотрудников. Основная критика связана с потенциальным увеличением когнитивной и физической нагрузки на работника, осваивающего и выполняющего функции нескольких специалистов. Исследование [4] и другие указывают на прямую корреляцию между расширением зоны ответственности, необходимостью постоянного переключения между задачами разного профиля и ростом уровня стресса, эмоционального выгорания, снижения удовлетворенности трудом и, как следствие, увеличением текучести кадров. Ключевой вопрос: где грань между разумным расширением компетенций и эксплуатацией?

2. Проблема организационной справедливости, возникающая в том случае, если дополнительная нагрузка и ответственность не сопровождаются адекватной материальной компенсацией (надбавки, бонусы, грейдинг) и нематериальным признанием (статус, карьерные перспективы). Несправедливое распределение нагрузки и вознаграждения подрывает мотивацию и лояльность даже высококвалифицированных мультиспециалистов.

3. Риск снижения качества труда («Мастер на все руки, да мастер ни в одной»). Опасения некоторых исследователей связаны с тем, что попытка охватить слишком широкий спектр компетенций может привести к поверхностным знаниям и недостаточной глубине мастерства в каждой отдельной области по сравнению с узким специалистом, особенно на высокотехнологичных производствах с жесткими требованиями к точности [5].

4. Сложность разработки и внедрения эффективных программ: отсутствие единой методологии, адаптированной к отраслевой специфике, трудности интеграции теоретического обучения с реальной производственной практикой на необходимом уровне глубины для каждой из осваиваемых профессий, дефицит квалифицированных преподавателей-практиков, способных обучать интегрированным компетенциям.

Несмотря на значительное количество исследований, сохраняется дефицит эмпирических данных, количественно подтверждающих как позитивные эффекты (производительность, снижение издержек), так и масштаб обозначенных рисков (уровень стресса, выгорания) применительно к программам мультиквалификации рабочих в реальных производственных условиях российских предприятий. Это подчеркивает необходимость настоящего исследования.

Целью исследования является изучение теоретических и практических основ подготовки мультиспециалистов в рамках деятельности учебных центров предприятий, обоснование формирования «пакета компетенций» для мультиквалификационного обучения работников и представление первых количественных результатов оценки эффективности и рисков таких программ на реальных примерах.

Методы и материалы исследования

Настоящее исследование проводилось на базе производственного учебного центра АО «ОДК-Сервис», АО «ОДК-УМПО» и на основании открытой информации о деятельности производственно-учебных центров других предприятий. Используются методы: анализ документации (образовательные программы, отчеты ПУЦ, данные производственного учета), включенное наблюдение за процессом обучения, полуструктурированные интервью с руководителями цехов,

мастерами и выпускниками программ мультиквалификации, а также анализ количественных показателей эффективности за период 2019–2024 гг.

Основная часть

Тенденция к активному развитию подготовки мультиспециалистов в корпоративных учебных центрах наиболее ярко представлена в контуре предприятий корпорации Ростех. Особенно это касается предприятий, относящихся к интегрированной структуре оборонно-промышленного комплекса. Эта инициатива является ответом на растущую потребность в квалифицированных кадрах для высокотехнологичных производств и стремление компании минимизировать разрыв между требованиями отрасли и уровнем подготовки специалистов [6].

Так, АО «Объединённая двигателестроительная корпорация» (АО «ОДК») входит в ГК «Ростех») активно развивает собственные производственно-учебные центры, имеющие лицензию на право образовательной деятельности, которые становятся центрами подготовки кадров для авиационной отрасли. В подобном учебном центре студенты и сотрудники получают доступ к современному оборудованию, высокоточным станкам и симуляторам. Обучение ведется по направлениям, связанным с производством авиационных двигателей, включая слесарные, токарные, фрезерные и другие рабочие профессии. Преподавательский состав составляется из инженерно-технического персонала предприятия и опытных работников по конкретным специальностям. Этот тренд подчеркивает стратегическую важность инвестиций в человеческий капитал для обеспечения устойчивого развития не только корпорации, но и всей российской промышленности [7].

Примером подобной успешно действующей модели внутрифирменного обучения можно назвать производственно-учебный центр АО «ОДК-УМПО» (г. Уфа) корпорации Ростех. Он был создан в 2019 г.; в августе 2021 г. состоялось торжественное открытие нового здания центра. ПУЦ стал первой площадкой в стране, на которой Ростех реализует собственную программу подготовки кадров; является одним из лидеров в подготовке специалистов для авиационной промышленности [8].

В образовательном центре АО «ОДК-УМПО» предоставляется возможность приобретения востребованных на предприятии специальностей. Прежде всего можно получить рабочую специальность (монопрофессия): токаря, фрезеровщика, шлифовщика, сверловщиков и операторов станков с ЧПУ. Помимо этого, программа мультипрофессионального обучения позволяет освоить сразу пять направлений за два года: станочника широкого профиля (объединяет навыки токаря, фрезеровщика, шлифовщика и сверловщика в одном специалисте), оператора станков с программным управлением, наладчика станков и манипуляторов с ЧПУ, контролера станочных и слесарных работ. Обучение состоит из последовательных этапов: теоретическая подготовка, практическое освоение в производственно-учебном центре АО «ОДК-УМПО» и стажировка непосредственно на предприятии, в цехах. На практике реализуются основные принципы дуального обучения [9].

Совместно с Уфимским машиностроительным колледжем и авиационным техникумом при УУНиТ реализуются программы среднего профессионального образования по дуальной системе. Студенты осваивают пять-шесть специальностей из общего набора образовательной программы («Технология машиностроения»,

«Станочник (металлообработка)», «Наладчик станков и оборудования в механообработке») и получают следующие профессии: токарь, фрезеровщик, станочник широкого профиля, оператор станков с программным управлением, наладчик станков и манипуляторов. Выпускники получают диплом о среднем профессиональном образовании по профессии (специальности) и свидетельство о квалификации рабочего по направлениям «Обработка металла резанием» и «Механотроника» [10].

В данном образовательном центре авиационного кластера ежегодно обучается порядка 2 тыс. сотрудников. Общий объем вложений в создание центра превысил 2,4 млрд руб. На площадях ПУЦ установлено более 220 единиц современного оборудования, в том числе 150 крупногабаритных станков, из которых 45 – с числовым программным управлением. Помимо затрат на капитальное строительство и оснащение центра, корпорация несет на себе все издержки на обеспечение его деятельности и на поставку расходных материалов для работы учащихся на станках; в смету закладываются допуски на неизбежный брак при освоении профессиональной деятельности [11].

Создать подобный уровень материально-технического обеспечения учебного процесса не может ни одно учебное профессиональное заведение. Несмотря на высокие расходы, инвестиции в производственно-учебный центр окупаются, так как по итогу обучения предприятие получает высококвалифицированного специалиста, знакомого с особенностями конкретного производства, что снижает затраты на адаптацию и введение в производственный процесс, а упор на подготовку мультиспециалиста еще обеспечивает высокую мобильность внутри предприятия исходя из производственной необходимости.

По первым количественным результатам программы мультиквалификации (2019–2024), полученным на основе анализа данных ПУЦ АО «ОДК-УМПО» и опросов руководителей цехов, удалось получить следующие предварительные количественные показатели по первым выпускам мультиспециалистов:

– *снижение времени адаптации*. Время полной адаптации мультиспециалиста к работе в цехе после выпуска из ПУЦ в среднем на 25–30% меньше, чем у выпускников программ моноспециальностей или вновь принятых работников с аналогичным уровнем формальной подготовки из сторонних учебных заведений. Это объясняется глубоким знакомством с производственными процессами и оборудованием предприятия, полученным во время длительной стажировки;

– *повышение профессиональной гибкости*. Мультиспециалисты привлекаются к выполнению задач по 3–5 смежным профессиям в рамках своего цеха. До 40% рабочего времени наиболее опытных из них связано с выполнением функций, выходящих за рамки их основной по штатному расписанию специальности (например, наладка оборудования, контроль качества, помимо основной обработки);

– *снижение простоев*. На участках, где работают мультиспециалисты, отмечается снижение длительности простоев оборудования из-за отсутствия узкого специалиста на 15–20% (за счет оперативной взаимозаменяемости);

– *динамика производительности*. По оценкам мастеров участков, производительность труда (выпуск годных деталей в единицу времени) мультиспециалистов в первые два года после выпуска сопоставима с показателями опытных рабочих-моноспециалистов на их основной операции. Ключевое преимущество –

не в превосходстве на одной операции, а в отсутствии потерь времени при переключениях между операциями и возможности закрывать «узкие места». Общая эффективность использования рабочего времени мультиспециалиста на 10–15% выше;

– *качество работы*. Уровень брака в работе мультиспециалистов на основных операциях (токарная, фрезерная) стабильно соответствует нормативам предприятия и не показывает статистически значимого увеличения по сравнению с моноспециалистами. На операциях, требующих высочайшей точности (например, финишная шлифовка ответственных деталей), некоторые мастера отмечают необходимость более длительного периода становления для достижения уровня лучших узких специалистов;

– *текучесть кадров*. Данные за 4 года (2020–2023) показывают, что уровень текучести среди выпускников программ мультиквалификации на 5–7 процентных пунктов ниже, чем в среднем по соответствующим цехам среди рабочих сопоставимого возраста и стажа.

Методика подготовки мультиспециалистов

В ходе исследования была изучена действующая модель подготовки мультиспециалистов, адаптированная к специфике производственно-учебного центра АО «ОДК-УМПО». Концептуальная модель подготовки мультиспециалистов в авиадвигателестроительной отрасли с отдельными направлениями обучения представляет собой интегративную систему образования, направленную на формирование у сотрудников комплекса профессиональных навыков и знаний, необходимых для выполнения широкого спектра задач на всех этапах производства и обслуживания авиационных двигателей.

На основе анализа производственных процессов компании АО «ОДК-УМПО» были идентифицированы основные компетенции, которыми должен обладать мультиспециалист. Чаще всего отбирают смежные профессии: токарь, фрезеровщик, оператор станков с ЧПУ. При разработке программы профессионального обучения многие предметы из общепрофессиональных дисциплин взаимозачитываются, а дисциплины профессионального цикла будут настолько близки, что можно сформировать один-два профессиональных модуля.

Кроме того, в пул профессиональных компетенций попадают профессии, с которыми мультиспециалист взаимодействует в процессе своей деятельности; в случае с металлообработкой это наладчик станков и контролер станочных работ. Подобный «букет» профессий дает возможность мультиспециалисту при необходимости свободно перемещаться по производственной цепочке, обеспечивая взаимозаменяемость и бесперебойность технологического процесса.

Основные компоненты подготовки мультиспециалиста:

1. *Модульная система обучения*, при которой образовательная программа делится на модули, соответствующие функциональным направлениям работы:

- технологии обработки металлов резанием (токарная обработка, фрезерование, шлифование);
- технология контроля станочных работ, слесарные операции (разметка, сборка, подгонка деталей, ремонт узлов);

– современные производственные технологии (лазерная резка, аддитивные технологии, 3D-печать металлов, автоматизация);

– разработка управляющих программ для станков с числовым программным управлением [12].

Модули теоретического образования сменяются модулями практического обучения сначала в ПУЦ, а затем в цехе завода на производственной практике. Модульный подход позволяет гибко адаптировать программу под потребности конкретного предприятия.

2. *Интеграция теории и практики.* Процесс обучения построен таким образом, что более 70 % всего времени предоставлено практическим занятиям, что отвечает основным принципам дуального обучения. Практика проходит в условиях, максимально приближенных к реальному производству, на базах учебно-производственных центров или непосредственно на заводах [13].

3. *Проектно-ориентированное обучение.* Практическая часть обучения построена из серии проектов, в ходе выполнения которых обучающиеся осваивают необходимый уровень знаний, умений, навыков, соответствующих требованиям ЕТКС и профессиональных стандартов [14].

Двухлетняя образовательная программа организована таким образом, чтобы учащиеся овладевали каждой из профессий поэтапно. Сначала они изучают основы слесарного дела, осваивают работу на токарных, фрезерных, шлифовальных и сверлильных станках, а также знакомятся с методами контроля качества продукции и другими базовыми процессами. После этого будущие специалисты получают навыки работы оператора и наладчика оборудования.

Практическая подготовка начинается на базе учебного центра, где ученики отрабатывают свои умения на современном оборудовании, а затем переходят к практике в реальных производственных цехах. За каждым из них закрепляется опытный наставник, который не только делится профессиональными знаниями и опытом, но и помогает освоиться в производственной среде и усвоить корпоративные ценности предприятия.

После завершения обучения все выпускники производственного учебного центра Ростеха подтверждают свои профессиональные навыки в Центре оценки квалификаций, действующем на базе Башкортостанского регионального отделения СоюзМаш России. Процедура независимой оценки позволяет специалистам получить официальное свидетельство, подтверждающее их компетенции, а предприятию АО «ОДК-УМПО» – убедиться в том, что новые сотрудники соответствуют требованиям профессиональных стандартов [15].

Первые выпускники программы мультиспециалистов 2019–2024 гг. уже трудятся в цехах АО «ОДК-УМПО» и показывают очень высокий уровень подготовки, что отмечают их непосредственные руководители на местах; они трудоустроены в механосборочный, механообрабатывающий и штамповочный цеха предприятия.

Заместитель управляющего директора, директор по персоналу АО «ОДК-УМПО» Николай Лютов отмечает: «Мультиспециалисты получили от пяти до семи профессий, востребованных в авиадвигателестроении. Каждый владеет навыками токаря, фрезеровщика, оператора станков с программным управлением, наладчика

станков с программным управлением, контролера станочных и слесарных работ. Дополнительно они изучили принципы работы за сверлильными и шлифовальными станками. Плюсы для производства очевидны: такие работники способны решать самые разноплановые задачи в зависимости от профиля своего цеха» [16].

Таким образом, реализация модели подготовки мультиспециалистов в производственно-учебном центре АО «ОДК-УМПО» продемонстрировала ее практическую эффективность, подтвержденную первыми количественными данными. Полученные результаты подтверждают целесообразность внедрения данной модели, но также указывают на необходимость встроенных механизмов управления рисками перегрузки.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что наличие работника с несколькими смежными специальностями представляет значительное преимущество для предприятия по следующим причинам. В первую очередь, это обеспечивает высокую степень функциональной гибкости, позволяя оперативно перераспределять трудовые ресурсы в зависимости от производственных потребностей. Это согласуется с мнением Н. Т. Рыловой, утверждающей, что совмещение профессий наиболее эффективно, когда совмещаются профессии, взаимосвязанные ходом технологического процесса, единством обрабатываемых предметов труда, выполнением основного и вспомогательного процессов [17].

Помимо этого, данный подход способствует оптимизации затрат на персонал, так как один специалист способен выполнять задачи, требующие компетенций из разных областей, что снижает необходимость в найме дополнительного персонала. Это, с точки зрения Л. С. Ромадановой, определяет эффективность использования персонала, от которой зависят объем и своевременность выполнения всех работ, степень использования оборудования и, как следствие, объем производства продукции, ее себестоимость и прибыль [18].

Вместе с этим универсальные специалисты демонстрируют большую адаптивность к изменениям в производственных процессах и могут способствовать ускоренному внедрению инноваций. Они минимизируют риски простоев, выступая в качестве замены в случае отсутствия других сотрудников. Это в своей работе подтверждает Е. С. Швалева, где она пишет о том, что в условиях изменчивой и высококонкурентной рыночной экономики, быстрых темпов развития информационных технологий, науки и техники особую актуальность приобретают задачи по ликвидации узкого профессионализма и формированию работника «широкого профиля» [19].

Наконец, такие работники обладают системным видением технологических процессов, что позволяет улучшать их координацию и повышать общую эффективность производства. Представленные количественные данные по ПУЦ АО «ОДК-УМПО» (снижение адаптации на 25–30%, снижение простоев на 15–20%, повышение гибкости использования до 40% времени) являются первым эмпирическим подтверждением этих тезисов в контексте российской высокотехнологичной промышленности.

Однако исследование также выявило существенные риски, требующие активного управления:

– *угроза перегрузки*. Как отмечают М. А. Алиев, З. З. Гасанов и Е. П. Звягинцева [4], постоянное переключение между разнородными задачами, повышенная ответственность и необходимость поддерживать квалификацию в нескольких областях создают значительную когнитивную и психоэмоциональную нагрузку. Без адекватных компенсаций и мер поддержки это ведет к стрессу, выгоранию и в конечном счете к потере ценных кадров;

– *организационная несправедливость*. Выполнение функций нескольких специалистов должно сопровождаться соразмерным повышением заработной платы, статуса и карьерными перспективами. Отсутствие такой связи, как отмечает А. А. Долгова в контексте защиты персонала [20], демотивирует сотрудников и подрывает доверие к системе;

– *потенциальное снижение глубины мастерства*. Хотя количественные данные по браку не выявили критических проблем на основных операциях, сохраняются опасения относительно способности мультиспециалиста достигать высочайшего уровня мастерства («виртуозности») в каждой из осваиваемых специализаций, особенно на операциях с экстремально высокими требованиями к точности и качеству. Требуется постоянный мониторинг качества по всем видам выполняемых работ;

– *сложность оценки вклада*. Оценка реального вклада мультиспециалиста в общую эффективность (за счет гибкости, снижения простоев) сложнее, чем измерение выработки узкого специалиста. Необходимо развитие систем КРІ, адекватно отражающих эту многомерность.

Следовательно, эффективность модели мультиквалификации напрямую зависит от способности предприятия не только разработать качественные образовательные программы, но и создать поддерживающую организационную среду: справедливую систему оплаты труда, управление нагрузкой, мониторинг психологического состояния, развитие корпоративной культуры, признающей ценность универсальности, и внедрение комплексных систем оценки эффективности. Игнорирование рисков может нивелировать все потенциальные преимущества.

Заключение

Таким образом, подготовка мультиспециалистов в производственно-учебных центрах предприятий представляет собой перспективное направление, способное обеспечить устойчивое развитие организаций в условиях динамично меняющихся требований рынка труда. Формирование универсальных профессиональных компетенций у сотрудников способствует повышению их адаптивности, производительности и конкурентоспособности, что, в свою очередь, укрепляет позиции предприятия на рынке.

Проведенное исследование позволило:

1) систематизировать понятийный аппарат, четко разграничив концепции мультипрофессионализма (множественность смежных профессий), транспрофессионализма (интеграция и трансформация компетенций) и интерпрофессионализма (межпрофессиональное взаимодействие);

2) углубить анализ дискуссионных аспектов, выделив ключевые риски программ мультиквалификации: перегрузка и выгорание сотрудников, проблема

организационной справедливости, потенциальное снижение глубины мастерства и сложность оценки вклада;

3) представить первые количественные показатели эффективности на примере ПУЦ АО «ОДК-УМПО» (2019–2024), подтверждающие снижение времени адаптации (25–30%), снижение простоев (15–20%), повышение гибкости использования (до 40% времени) и более низкую текучесть кадров среди мультиспециалистов, но также указавшие на риски перегрузки у части работников (15–20%).

Реализация программ по подготовке мультиспециалистов требует комплексного подхода, включающего не только разработку актуальных учебных планов и использование передовых образовательных технологий (модульность, дуальное обучение, проектный подход), но и обязательное создание поддерживающей организационной среды. Последняя должна включать справедливую систему оплаты труда и карьерного роста, эффективное управление нагрузкой, мониторинг психологического состояния сотрудников и развитие адекватных систем оценки их многомерного вклада.

Таким образом, развитие данного направления является стратегически важным, но его успешность напрямую зависит от сбалансированного подхода, учитывающего как значительные преимущества в гибкости и эффективности, так и серьезные риски, связанные с человеческим фактором. Дальнейшие исследования должны быть направлены на долгосрочный мониторинг эффективности и рисков таких программ, разработку типовых моделей управления нагрузкой и вознаграждением мультиспециалистов.

Список источников

1. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности: монография / Э. Ф. Зеер, Д. П. Заводчиков, М. В. Зиннатова [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 142 с.
2. Ключевые тезисы концепции профессионального самоопределения в условиях постиндустриальной эпохи / И. С. Сергеев, В. И. Блинов, Е. Ю. Есенина [и др.]. Москва: Перо, 2019. 20 с.
3. Богданова О. В. Влияние транспрофессионализма на развитие дополнительного образования в России // *Caucasian Science Bridge*. 2024. № 1 (23).
4. Алиев М. А., Гасанов З. З., Звягинцева Е. П. Влияние и последствия рабочей нагрузки и рабочего стресса на удовлетворенность работой // Альманах «Крым». 2023. № 36.
5. Василенко В. А., Узунов Ф. В. Современные проблемы и сложности роста производительности труда // *THEORIA: Педагогика, экономика, право*. 2022. Т. 3, № 1.
6. Филиппов П. Г., Тутушкин А. С. Формирование системы непрерывного образования в Госкорпорации «Ростех» // *Инновации*. 2013. № 12 (182).
7. Каштанова Е. В., Сувалова Т. В. Современные тенденции кадрового обеспечения предприятий оборонно-промышленного комплекса России: проблемы системы подготовки кадров и пути решения // *E-Management*. 2021. № 4.
8. Ростех – Медиа – Пресс-релизы – Ростех открыл в Уфе центр подготовки авиационных специалистов // *rostec.ru*: [сайт]. URL: <https://rostec.ru/media/pressrelease/rostekh-otkryl-v-ufe-tsentr-podgotovki-aviatsionnykh-spetsialistov-/#start> свободный (дата обращения: 19.02.2025).

9. Новости и пресс // релизы ОДК: [сайт]. URL: <https://www.uecrus.com/press/priemnaya-kampaniya-na-tselevoe-obuchenie-ot-odk-umpo-startovala-v-kolledzhakh-bashkortostana/> свободный (дата обращения: 19.02.2025).
10. Обучение и развитие персонала ПАО «ОДК-УМПО» – ПАО «ОДК-УМПО» // www.uecrus.com: [сайт]. URL: <https://www.uecrus.com/about/structure/pao-odk-umpo/obuchenie-i-razvitiie-personala-pao-odk-umpo/> свободный (дата обращения: 19.02.2025).
11. В ПАО «ОДК-УМПО» открыт первый производственно-учебный центр Госкорпорации Ростех // www.uecrus.com: [сайт]. URL: <https://www.uecrus.com/press/companu/pao-odk-umpo/v-pao-odk-umpo-otkryt-pervyy-proizvodstvenno-uchebnyy-tsentr-goskorporatsii-rostekh/> свободный (дата обращения: 19.02.2025).
12. Курченко В. Е. Характерные особенности и преимущества технологии модульного обучения // Педагогический вестник. 2022. № 23.
13. Филатова О. Н., Колдина М. И., Бобро Т. П. Дуальное обучение как ведущий вектор развития профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-2.
14. Чернодымова Е. М., Ахметов Л. Г., Хамдамова В. А. Дуальное обучение как основа практико-ориентированной модели среднего профессионального образования // Вестник Марийского гос. ун-та. 2024. № 2.
15. Новости и пресс // релизы ОДК: [сайт]. URL: https://www.uecrus.com/press/na-odk-umpo-prinyali-pervyykh-multispetsialistov-iz-proizvodstvenno-uchebnogo-tsentra-rostekha/?sphrase_id=21858 свободный (дата обращения: 19.02.2025).
16. Новости и пресс // релизы ОДК: [сайт]. URL: https://www.uecrus.com/press/v-odk-umpo-gruppa-multikvalifitsirovannykh-spetsialistov-pristupaet-k-rabote-na-proizvodstve1/?sphrase_id=40439 свободный (дата обращения: 19.02.2025).
17. Рылова Н. Т. Механизмы удовлетворения потребности производства в линейном персонале, владеющем несколькими смежными профессиями // Образование. Карьера. Общество. 2018. № 4 (59).
18. Ромаданова Л. С. Процесс оптимизации персонала на предприятии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-2 (79).
19. Швалева Е. С. Совмещение и сложное наименование профессии как способы обеспечения трудовой мобильности работника // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 3.
20. Долгова А. А. Нормирование труда и организация рабочего времени персонала предприятия // E-Scio. 2022. № 1 (64).

References

1. Transprofessionalism of subjects of social and professional activities: monograph / E. F. Seer, D. P. Zavodchikov, M. V. Zinnatova [et al.]. Yekaterinburg: Publishing House Ros. state. prof. University; 2019. 142 p.
2. Key theses of the concept of professional self-determination in the conditions of the post-industrial era / I. S. Sergeev, V. I. Blinov, E. Yu. Yesenin [et al.]. Tikhonovskaya: Pen; 2019. 20 p.
3. Bogdanova O. V. The influence of transprofessionalism on the development of additional education in Russia. *Caucasian Science Bridge*. 2024; 1 (23).
4. Aliyev M. A., Hasanov Z. Z., Zvyagintseva E. P. Influence and consequences of workload and work stress on job satisfaction. *Almanac "Crimea"*. 2023; (36).
5. Vasilenko V. A., Uzunov F. V. Modern problems and difficulties of growth in labor productivity. *THEORIA: Pedagogy, economics, law*. 2022; 3 (1).

6. Filippov P. G., Tutushkin A. S. Formation of the continuing education system at Rostec State Corporation. *Innovations*. 2013; 12 (182).
7. Kashtanova E. V., Suvalova T. V. Modern trends in staffing enterprises of the military-industrial complex of Russia: problems of the personnel training system and solutions. *E-Management*. 2021; (4).
8. Rostec – Media – Press Releases – Rostec opened an aviation training center in Ufa. *rostec.ru: [site]*. URL: <https://rostec.ru/media/pressrelease/rostekh-otkryl-v-ufe-tsentropodgotovki-aviatsionnykh-spetsialistov-/#start> свободный (accessed date: 19.02.2025).
9. UEC news and press. *releases: [website]*. URL: <https://www.uecrus.com/press/priemnaya-kampaniya-na-tselevoe-obuchenie-ot-odk-umpo-startovala-v-kolledzhakh-bashkortostana/> свободный (accessed date: 19.02.2025).
10. Training and development of personnel of PJSC UEC-UMPO – PJSC UEC-UMPO. *www.uecrus.com: [website]*. URL: <https://www.uecrus.com/about/structure/pao-odk-umpo/obuchenie-i-razvitiye-personala-pao-odk-umpo/> свободный (accessed date: 19.02.2025).
11. The first production and training center of Rostec State Corporation was opened in PJSC UEC-UMPO. *www.uecrus.com: [website]*. URL: <https://www.uecrus.com/press/company/pao-odk-umpo/v-pao-odk-umpo-otkryt-pervyy-proizvodstvenno-uchebnyy-tsentr-goskorporatsii-rostekh/> свободный (accessed date: 19.02.2025).
12. Kurchenko V. E. Characteristic features and advantages of modular learning technology. *Pedagogical Bulletin*. 2022; (23).
13. Filatova O. N., Koldina M. I., Bobro T. P. Dual training as a leading vector for the development of vocational education. *Problems of modern pedagogical education*. 2021; (72-2).
14. Chernodymova E. M., Akhmetov L. G., Khamdamova V. A. Dual education as the basis of a practice-oriented model of secondary vocational education. *Bulletin of the Mari State University*. 2024; (2).
15. UEC news and press. *releases: [website]*. URL: https://www.uecrus.com/press/na-odk-umpo-prinyali-pervyykh-multispetsialistov-iz-proizvodstvenno-uchebnogo-tsentra-rostekha/?sphrase_id=21858 свободный (accessed date: 19.02.2025).
16. UEC news and press. *releases: [website]*. URL: https://www.uecrus.com/press/v-odk-umpo-gruppa-multikvalifitsirovannykh-spetsialistov-pristupaet-k-rabote-na-proizvodstve1/?sphrase_id=40439 свободный (accessed date: 19.02.2025).
17. Rylova N. T. Mechanisms for meeting the need for production in linear personnel who own several related professions. *Education. Career. Society*. 2018; 4 (59).
18. Romadanova L. S. The process of personnel optimization at the enterprise. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023; 4-2 (79).
19. Shvaleva E. S. Combination and complex name of the profession as ways to ensure labor mobility of an employee. *Electronic Appendix to the Russian Legal Journal*. 2018; (3).
20. Dolgova A. A. Labor rationing and organization of working hours of the company's personnel. *E-Scio*. 2022; 1 (64).

Информация об авторе:

Саидов Фируз Самадович, преподаватель производственно-учебного центра АО «ОДК-Сервис», г. Гатчина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8909-2666>, saidov.firuz2018@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/085-098>

EDN: <https://elibrary.ru/XEBPOG>

Дата поступления:
07.05.2025

Одобрена после рецензирования:
19.05.2025

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья

УДК 378

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/099-108>

EDN: <https://elibrary.ru/XXOJKD>

Образование по агротехнологическому профилю в Республике Саха (Якутия): проблемы и возможности

Цынзак Марина Петровна

Миронов Николай Ильич

Арктический государственный агротехнический университет

Якутск. Россия

Иванов Николай Юрьевич

Степанова Сабрина Сергеевна

Якутский филиал Института деловой карьеры

Якутск. Россия

***Аннотация.** Село и сельское хозяйство в регионах страны испытывают затруднения с пополнением нового поколения, готового заниматься сельским трудом и производить местный товар. Кроме того, восполняемое молодое поколение отдает предпочтение новым профессиям, не связанным с аграрным профилем занятости. Впервые представлены переработанные отчетные данные Минобрнауки Республики Саха (Якутия) по численности обучающихся и показателям числа групп (классов) в улусах/районах Якутии по ранжиру неарктических и арктических зон. Цель статьи – провести комплексный анализ отчетных данных по показателям обучения по профилям в улусных/районных школах Республики Саха (Якутия) и определить основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются образовательные организации региона в неарктических и арктических зонах. Результаты работы определены в уязвимости школ арктических зон, в которых традиционные промыслы коренных малочисленных народов Севера (Якутии) могут остаться без молодого поколения, готового заниматься хозяйством. В школах также наблюдается сокращение предметов сельскохозяйственной тематики и агротехнологического профиля, которые в будущем могут повлиять на сокращение продуктивности/урожайности сельского хозяйства Республики. Характерной проблемой для развития агрошкол является отсутствие педагогов профильных предметов, а также отсутствие в региональных и отраслевых институтах специализированных педагогических образовательных программ. Естественно то, что наращивание специализированных образовательных программ является долгосрочной перспективой, однако дополнительные программы и определенные юннатские станции можно реализовывать в настоящее время, что послужит основой для формирования специализированных программ по подготовке педагогов агротехнологического профиля.*

***Ключевые слова:** агрошкола, сельскохозяйственные предметы, агротехнологический профиль, профильное обучение, арктическая зона, неарктическая зона*

***Для цитирования:** Образование по агротехнологическому профилю в Республике Саха (Якутия): проблемы и возможности / М.П. Цынзак, Н.И. Миронов, Н.Ю. Иванов, С.С. Степанова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/099-108>. EDN: <https://elibrary.ru/XXOJKD>*

© Цынзак М. П., 2026

© Миронов Н. И., 2026

© Иванов Н. Ю., 2026

© Степанова С. С., 2026

Original article

Agrotechnological education in the Republic of Sakha (Yakutia): problems and opportunities

Marina P. Tsynzak**Nikolay I. Mironov**

Arctic State Agrotechnological University

Yakutsk. Russia

Nikolay Yu. Ivanov**Sabrina S. Stepanova**

Yakutsk branch of the Institute of Business Careers

Yakutsk. Russia

Abstract. *The rural areas and agriculture in the country's regions face difficulties in attracting a new generation willing to engage in rural work and produce local goods. Additionally, the emerging young generation tends to prioritize new professions that are not directly related to agriculture. This article presents for the first time the revised data from the Ministry of Education and Science of the Republic of Sakha (Yakutia) on the number of students and the number of groups (classes) in the non-Arctic and Arctic regions of Yakutia. The purpose of this article is to conduct a comprehensive analysis of the reporting data on the indicators of learning by profile in the ulus/district schools of the Republic of Sakha (Yakutia) and to identify the main problems and challenges faced by educational organizations in the region in the non-Arctic and Arctic zones. The results of the work are determined by the vulnerability of schools in the Arctic zones, where the traditional crafts of the indigenous peoples of the North (Yakutia) may be left without a young generation willing to engage in farming. Additionally, there is a decrease in agricultural and agrotechnological subjects in schools, which could potentially lead to a reduction in the productivity and yield of the republic's agriculture in the future. A significant challenge for the development of agricultural schools is the lack of specialized teachers and educational programs in regional and sectoral institutions. Naturally, the development of specialized educational programs is a longterm prospect, but additional programs and specific nature study stations can be implemented in the present, serving as a foundation for the development of specialized programs for training agricultural technology teachers.*

Keywords: *agrishool, agricultural subjects, agrotechnological profile, specialized training, Arctic zone, non-Arctic zone*

For citation: *Agrotechnological education in the Republic of Sakha (Yakutia): problems and opportunities / M. P. Tsynzak, N. I. Mironov, N. Yu. Ivanov, S. S. Stepanova // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/099-108>. EDN: <https://elibrary.ru/XXOJKD>*

Введение

Региональная образовательная система имеет свои особенности, которые разрознены не только в регионах страны, но и внутри самих субъектов Российской Федерации. Агрошкола спроектирована как образовательная экосистема, разработанная и внедренная для повышения популярности и престижа професий сельского хозяйства и агропромышленного комплекса. Целевым ориентиром открытия при образовательных учреждениях агрошкол принято расширение интереса обучающегося контингента к сельскому хозяйству, агротехнологиям, биотехнологиям, сельскохозяйственной технике и ведению сельского образа жизни. Очевидно, в последние десятилетия агрошколы теряют свои позиции в связи с тем, что приоритеты образовательной системы меняют ориентиры в своем

100

развитии, а аграрная сфера практически не способна ускорить процессы изменений в своей структуре.

Цель статьи – проанализировать отчетные данные по показателям профиля обучения в школах Республики Саха (Якутия) и определить основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются образовательные организации в улусах/районах региона с учетом ранжирования на неарктические и арктические зоны.

В статье применяются отчетные данные Минобрнауки Республики Саха (Якутия), из которых ранжированы группы и численность обучающихся по профильным и сельскохозяйственным предметам по школам улусов/районов с разделением на арктические и неарктические зоны в период 2021–2025 гг. В качестве *методов исследования* применены статистический анализ и способ группировки данных.

Основная часть

Исследователи и разработчики задачи по созданию, организации и развитию агрошкол генерируют новые идеи, направленные на повышение уровня востребованности сельского труда, социального института сельских школ, профессиональной ориентации сельской молодежи, формирование компетенций в области сельского предпринимательства и отдельно агробизнеса. Существенная часть хозяйственно-производственного и социального потенциала формируется и развивается за счет демографической ситуации, требующей повышения рождаемости и сохранения населения села.

Однозначно агрошкалам нужны не только обучающиеся, но и педагогический состав в профильной структуре образовательных программ, особенно в суровых арктических климатических условиях. И этот состав наряду с фундаментальными знаниями обязывает педагога обладать компетенциями и навыками инновационного характера, которые продиктованы актуальными трендами. Однако, учитывая более современный подход в интерпретации, следует выделить то, что «агротехнологический компонент составляет 15% всего содержания школьного образования. Для учащихся средней ступени проводятся спецкурсы, на которых они изучают основы агрономии и животноводства, малогабаритную сельскохозяйственную технику» [1, с. 101], но этого недостаточно. Имеется исторически слаженная практика создания агрокомплекса; это «пример тесного сотрудничества школы с научными учреждениями, сельским социумом и бизнесом, социальный катализатор для распространения подобного опыта» в качестве сельскохозяйственного кооператива при сельской школе неарктической зоны [2, с. 80]. В данной ситуации именно рыночный и географический факторы вместе со слабой организационно-управленческим механизмом не привели к удержанию агрокомплекса как цельного агрокомплексного хозяйства. Поэтому на момент анализа кооператив при школе сохраняется только как учебная база с приусадебным хозяйством, способная на незначительный оборот и не обеспечивающая ожидаемый доход.

Тем не менее, по сводным отчетным данным Минобрнауки Якутии, всего в 34 улусах/районах Республики функционируют 689 школ и филиалов, из которых в 395 школах (57,33%) осуществляется профильное обучение по различным

направлениям и отраслям экономики и только в 223 школах (32,37%) обучение и воспитание сосредоточены на агротехнологическом профиле с незначительным предметным вложением в образовательную программу.

Таблица 1

Сводные данные по числу классов (групп) и численности учащихся, которые обучаются отдельно по агротехнологическому профилю в школах улусов/районов неарктической зоны Якутии

№ п/п	Наименование управления, подчиняемые школы по улусам/районам	По неарктической зоне улусов/районов Якутии											
		Число 10–11 (12) классов (групп)					Численность обучающихся в 10–11 (12) классах (группах)						
		Агротехнологического профиля											
		2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024		
		2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025		
1	Организации регионального подчинения												
2	МКУ Алданское УО												
3	МКУ Амгинское УО	3	4	4			23	31	24				
4	МКУ Верхневилуйское УО	15	13	14	16	3	212	207	189	206	50		
5	МКУ Вилуйское УО	3	3	2			18	11	7				
6	МКУ Горное УО	4	4	6	4	5	39	35	40	38	46		
7	МКУ Кобяйское УО	1	1	2	2		8	9	19	21			
8	МКУ Ленское УО												
9	МКУ Мегино-Кангаласское УО	8	8	25	14		76	111	106	34			
10	МКУ Мирнинское УО												
11	МКУ Намское УО	5	6	6	6	6	36	35	31	43	49		
12	МКУ Нерюнгринское УО												
13	МКУ Нюрбинское УО	6	5	7	3		56	38	71	11			
14	МКУ Оймяконское УО	2					12						
15	МКУ Олекминское УО	5	2	4		3	29	2	22		20		
16	МКУ Сунтарское УО	8	8	8	7	2	50	40	37	37	15		
17	МКУ Тагтинское УО	21	6	3	2	3	29	26	18	21	15		
18	МКУ Томпонское УО	4	2	2		2	58	19	15		2		

№ п/п	Наименование управления, подчиняемые школы по улусам/районам	По неарктической зоне улусов/районов Якутии									
		Число 10–11 (12) классов (групп)					Численность обучающихся в 10–11 (12) классах (группах)				
		Агротехнологического профиля									
		2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025		
19	МКУ Усть-Алданское УО	10	15	10	1	3	168	209	76	4	24
20	МКУ Усть-Майское УО	4	2	2	2	2	26	10	16	15	12
21	МКУ Хангаласское УО	10	6	6	2	10	78	51	56	24	106
22	МКУ Чурапчинское УО	19	10	8	8	2	184	88	79	69	40
23	УО ГО город Якутск	3	4	4	2		43	61	65	39	
Всего по Республике		162	113	125	84	51	1333	1068	926	639	443
Всего по улусам/районам Якутии неарктической зоны, кол-во / %		131	99	113	69	41	1145	983	871	562	379
		80,86	87,61	90,40	82,14	80,39	85,90	92,04	94,06	87,95	85,55

Примечание: сост. авторами на основе отчетных данных Минобрнауки Республики Саха (Якутия) по состоянию на 1 сентября 2025 г.

По сгруппированным в табл. 1 данным можно заметить, что школы, в которых осуществляется профильное обучение и воспитание учащихся по агротехнологическому профилю, организованы только для старшей группы учащихся, т. е. только для 10–11 (12) классов. Тем не менее формально динамика показателей по числу классов/групп в сопоставлении с численностью учащихся по учебным годам составляет от 7 до 10 учащихся в расчете на 1 класс/группу в среднематематическом исчислении. Приведенные исчисления к показателю по Республике на 1 класс/группу составляют от 5 до 9 учащихся, что не соответствует организационной рациональности, однако экономическая необходимость в рабочей силе на местах оправдывает затрачиваемые средства. Можно также отметить, что более 80–90% классов (групп) с численностью обучающихся от 84 до 94% сосредоточены в неарктической зоне Республики Саха (Якутия).

Необходимо выделить особенность в процессе организации классов/групп с агротехнологическим профилем, которая заключается в том, что находящиеся организации регионального подчинения (школы) не заинтересованы в создании классов/групп агротехнологического профиля; ориентированы только на иные предметные профили гуманитарного и инновационного характера.

Кроме того, однозначно наблюдается отсутствие в МКУ Алданского, Ленского, Мирнинского и Нерюнгринского УО классов (групп) агротехнологического профиля и сельскохозяйственной ориентации в связи с тем, что экономически упомянутые улусы/районы являются индустриальными или промышленными центрами Республики. В таблице 1 также отражены данные, согласно которым можно констатировать закрытие классов/групп учащихся по агротехнологическому профилю, сопоставимо отражающееся в таких в МКУ, как Амгинский, Вилюйский, Кобяйский, Мегино-Кангаласский, Нюрбинский, Оймяконский ОУ и ОУ ГО города Якутск, экономический приоритет которых тесно увязан с сельским производственным и перерабатывающим хозяйством. Однако по отчетным данным именно выбор учащихся иных профилей является основной причиной отсутствия профиля, особенно в улусах/районах сельскохозяйственного экономического профиля.

Таблица 2

Сводные данные по числу классов (групп) и численности учащихся, которые обучаются отдельно по агротехнологическому профилю в школах улусов/районов арктической зоны Якутии

№ п/п	Наименование управления, подчиняемые школы по улусам/районам	По неарктической зоне улусов/районов Якутии									
		Число 10–11 (12) классов (групп)					Численность обучающихся в 10–11 (12) классах (группах)				
		Агротехнологического профиля									
		2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
						2021	2022	2023	2024	2025	
1	МКУ Абыйское УО	7					18				
2	МКУ Аллайховское УУО	2					6				
3	МКУ Анабарское УО	2	2	2	1		30	22	16	8	
4	МКУ Булунское УО	2	2	2	2		9	9	8	7	
5	МКУ Верхнеколымское УО	2	2	2	2		10	5	6	8	
6	МКУ Верхоянское УО	6	4	4	6	4	45	30	17	34	25
7	МКУ Жиганское УО										
8	МКУ Момское УО	6	4	2	1	4	33	19	8	3	25
9	МКУ Нижнеколымское УО										

№ п/п	Наименование управления, подчиняемые школы по улусам/районам	По неарктической зоне улусов/районов Якутии									
		Число 10–11 (12) классов (групп)					Численность обучающихся в 10–11 (12) классах (группах)				
		Агротехнологического профиля									
		2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
		2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025
10	МКУ Оленекское УО				1					5	
11	МКУ Средне-колымское УО	2					20				
12	МКУ Усть-Янское РУО										
13	МКУ Эвено-Бытантайское УО	2			2	2	17			12	14
Всего по Республике		162	113	125	84	51	1333	1068	926	639	443
Всего по улусам/районам Якутии арктической зоны		31	14	12	15	10	188	85	55	77	64
		19,14	12,39	9,60	17,86	19,61	14,10	7,96	5,94	12,05	14,45

Примечание: сост. авторами на основе отчетных данных Минобрнауки Республики Саха (Якутия) по состоянию на 1 сентября 2025 г.

В таблице 2 представлены данные, согласно которым заметны низкие показатели по числу классов/групп и численности учащихся по заданному профилю обучения и воспитания. Однако наиболее сложная ситуация наблюдается в связи с реализацией программ агротехнологического профиля в школах арктической зоны улусов/районов, в которых стратегической проблемой является отсутствие квалифицированных профильных педагогов. Педагогам практически закрыт доступ обновления необходимых компетенций из-за территориальной отдаленности этих улусов/районов от центральных и даже периферийных инфраструктур, включая сложный режим доступа к сети Интернет и другим благам цивилизации. Но главным недостатком для развития агрошкол является отсутствие в образовательных организациях профильных педагогических образовательных программ, готовящих педагогов специализированного агротехнологического профиля.

Хотя по экономической обусловленности улусы/районы арктической зоны Якутии преимущественно специализируются на оленеводстве, что является стратегической отраслью сельского хозяйства и условием для выживания коренных малочисленных народов Севера, педагогические институты в данном направлении действительно отсутствуют. Поэтому поддержка и помощь со стороны федеральной и региональной власти должны стать приоритетом на республиканском и муниципальном уровнях Якутии. В обязательном порядке требуется развитие специализированных институций, готовых и способных реали-

зовывать образовательные программы по педагогическим направлениям подготовки для развития агрошкол. Именно по этой причине в качестве посевного проекта можно выделить необходимость создания особых образовательных центров по оленеводству, которые будут нацелены заниматься подготовкой и поддержкой представителей коренных малочисленных народов Севера. К примеру, при агровузах и аграрных техникумах можно создать станцию юннатов, специализирующуюся на северном оленеводстве, а при ней «основными принципами следует принять образовательный, то есть обучение подрастающего поколения основам северного оленеводства, особенностям ухода за северными оленями, по рациону питания и традициям содержания оленей в домашних условиях, а также экономические, правовые, исторические, экологические и иные тематики» [3, с. 290]. Следует также в перспективе наладить работу детей с животными и растительным миром и включать агротехнологическую и экологическую тематику в общий процесс обучения. Нарботанный опыт можно распространять не только по Республике, но и по другим субъектам страны и мира.

Кроме того, требуется прививать учащимся навыки агроэкономических исследований, когда «обучающийся обязан понимать, что во многих сельских территориях рыночный механизм не оправдывает себя, а в арктических зонах ведения сельского хозяйства данная реформа является пагубно-разрушительной» [4, с. 566]. В данной конструкции понимания обучающийся должен различать разницу между неарктическими и арктическими зонами, в которых хозяйствование ведется не только в целях извлечения максимально возможной прибыли, а в целях сохранения и приумножения хозяйства в целом и отдельных ее составных элементов.

Следует подчеркнуть, что, по мнению специалистов, «профессиональные пробы являются своего рода моделью конкретной профессии, посредством апробирования которой обучающиеся получают сведения об элементах деятельности различных специалистов, что позволяет узнать особенности данной профессии» [5, с. 17]. Поэтому в агрошколах необходимо обозначить практическую подготовку непосредственно на базах хозяйств, которые существенно увеличат стимул интереса обучающихся к искомой профессии/профессиям.

Однако в существующих реалиях именно школы арктической зоны являются уязвимыми в отношении формирования, разработки и реализации образовательных программ, которые требуется осваивать детям арктической зоны. Соответственно, необходимо организовывать экскурсии и иные выездные занятия обучающихся из школ улусов/районов арктической зоны в неарктические зоны Якутии и за пределы Республики, для чего потребуются финансовые ресурсы.

Заключение

Таким образом, число классов/групп и численность учащихся школ, которые проходят обучение по агротехнологическому профилю, динамично сокращаются. Наиболее уязвимой группой по данному профилю являются учащиеся из школ арктической зоны улусов/групп. В индустриально и промышленно ориентированных отраслях региональной экономики и школах улусов/районов неарктической зоны практически отсутствует обучение и воспитание учащихся по агротехнологическому профилю. Кроме того, в школах улусов/районов неаркти-

ческой зоны, включая с сельскохозяйственным ориентиром, также сокращается число классов/групп и численность учащихся, обучающихся по программе агротехнологического профиля.

Требуется организовать особые условия для актуализации новых знаний и компетенций педагогов агротехнологического профиля в школах улусов/районов арктической зоны Якутии с учетом природно-климатических и технологических особенностей географического и инфраструктурного различия территорий. Целесообразно обозначить педагогический бифуркатор образовательных траекторий, при котором следует уточнить и рационально сформировать образ педагога, который вполне может совмещать двойные предметы (биология, география, химия и т. п.) с профильными предметами агротехнологического и сельскохозяйственного назначения.

Список источников

1. Сотников В. Е., Винокурова Л. В. Агротехнологический центр воспитания будущего хозяина земли // Народное образование. 2012. № 6 (1419). С. 100–102. EDN PCJCCJ
2. Аманбаева Л. И., Иванова И. С. Агротехнологическая школа стала агрокомплексом // Народное образование. 2012. № 6 (1419). С. 77–83. EDN PCJCAV
3. Толстоухова А. Т., Цынзак М. П. Перспектива организации станции юннатов «Северный оленевод» // Чугуновские агротехнологические чтения: сб. науч. ст. по матер. XVII Всерос. науч.-практ. конф. агротехнологической направленности, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (Якутск, 02–03 апреля 2025 г.). Якутск: Изд. дом СВФУ, 2025. С. 289–294. EDN VLLRZY
4. Иванов Н. Ю., Цынзак М. П., Миронов Н. И. Преподавание профильной дисциплины «Организация и проведение агроэкономических исследований» // Стратегия языкового образования в течение жизни: матер. Всерос. науч.-практ. заочной интернет-конф. с междунар. участием для преподавателей, аспирантов и студентов (Донецк, 14 марта 2025 г.). Донецк: Донецкий нац. ун-т экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, 2025. С. 560–568. EDN JLAЕKG
5. Петрова Е. А., Шадрин А. И. Профессиональное самоопределение старшеклассников в условиях освоения дополнительной образовательной программы «Краевая Агротехнологическая школа» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2022. № 1 (59). С. 14–28. DOI: 10.25146/1995-0861-2022-59-1-313. EDN OJBYSU

References

1. Sotnikov V. E., Vinokurova L. V. Agroschool – a Center for the Education of the Future Landowner. *Public Education*. 2012; 6 (1419): 100–102. EDN PCJCCJ
2. Amanbayeva L. I., Ivanova I. S. The Agricultural School Became an Agricultural Complex. *Public Education*. 2012; 6 (1419): 77–83. EDN PCJCAV
3. Tolstoukhova A. T., Tsyznak M. P. Prospects for the Organization of the Northern Reindeer Herder Youth Station. *Chugunov Agricultural Readings: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference on Agricultural Technologies Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War (Yakutsk, April 2–3, 2025)*. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2025. P. 289–294. EDN VLLRZY

4. Ivanov N. Yu., Tsynzak M. P., Mironov N. I. Teaching the specialized discipline "Organization and Conducting of Agro-economic Research". *Strategy of Lifelong Language Education: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Correspondence Internet Conference with International Participation for Teachers, Postgraduate Students, and Students (Donetsk, March 14, 2025)*. Donetsk: Mikhail Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade; 2025. P. 560–568. EDN JLAKEG
5. Petrova E. A., Shadrin A. I. Professional Self-Determination of High School Students in the Context of Mastering the Additional Educational Program "Regional Agricultural School". *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*. 2022; 1 (59): 14–28. DOI: 10.25146/1995-0861-2022-59-1-313. EDN OJBZU

Информация об авторах:

Цынзак Марина Петровна, канд. экон. наук, доцент каф. отраслевой экономики и управления, ФГБОУ ВО «Арктический государственный агротехнический университет», г. Якутск, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7414-7732>, enter-7676@mail.ru

Миронов Николай Ильич, старший преподаватель каф. отраслевой экономики и управления, ФГБОУ ВО «Арктический государственный агротехнический университет», г. Якутск, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4491-8625>, markes.96@mail.ru

Иванов Николай Юрьевич, канд. экон. наук, заведующий каф. гуманитарных и естественно-научных дисциплин», филиал Автономной некоммерческой организации ВО «Институт деловой карьеры», г. Якутск, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4849-0972>, 21aprel@mail.ru

Степанова Сабрина Сергеевна, ассистент каф. гуманитарных и естественно-научных дисциплин», филиал Автономной некоммерческой организации ВО «Институт деловой карьеры», г. Якутск, ORCID: <https://orcid.org/0000-0009-4091-6628>, sabrinasstep@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/099-108>

EDN: <https://elibrary.ru/XXOJKD>

Дата поступления:
23.12.2025

Одобрена после рецензирования:
12.02.2026

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья
УДК 378.147
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/109-125>
EDN: <https://elibrary.ru/MIUJKB>

Формирование гражданской идентичности студентов на занятиях по дисциплине «Основы российской государственности»

Криницкая Марина Юрьевна

Свиридова Анна Юрьевна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Обоснована эффективность использования специализированных практических занятий по дисциплине «Основы российской государственности» в процессе формирования гражданской идентичности студентов первого курса. Предложен подход к формированию гражданской идентичности студентов первого курса, реализуемый в процессе изучения дисциплины «Основы российской государственности». Цель работы заключается в разработке и внедрении в педагогическую практику комплекса практических занятий, направленных на формирование у студентов уважения к отечественной культуре и чувства гордости за свою страну. Использовались метод анализа научной и нормативной литературы, моделирование практических занятий, опрос учащихся. Определены теоретические основы формирования гражданской идентичности; разработана и апробирована методика проведения практических занятий, направленных на формирование гражданской идентичности студентов; произведена оценка эффективности предложенной методики на основе анализа результатов практических занятий и рефлексии студентов; выявлены факторы, способствующие и препятствующие формированию гражданской идентичности у студентов. Новизна работы заключается в комплексном подходе к формированию гражданской идентичности через новый учебный курс, сочетающий теоретическую базу, практические разработки и эмпирическую проверку эффективности. Особую ценность представляют предложенные интерактивные методы, направленные на эмоциональное вовлечение студентов и избегающие шаблонные идеологические клише. Результаты исследования могут быть применены в преподавании учебного курса «Основы российской государственности» и деятельности центров по воспитательной работе для разработки программ патриотического воспитания в высшей школе.*

***Ключевые слова:** гражданская идентичность, воспитание, «Основы российской государственности», символы России, культурное наследие, педагогика, образовательные технологии, воспитательная работа*

***Для цитирования:** Криницкая М. Ю., Свиридова А. Ю. Формирование гражданской идентичности студентов на занятиях по дисциплине «Основы российской государственности» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/109-125>. EDN: <https://elibrary.ru/MIUJKB>*

Original article

Formation of students civic identity in the course “Foundations of Russian Statehood”

© Криницкая М. Ю., 2026

© Свиридова А. Ю., 2026

Marina Yu. Krinitskaia

Anna Yu. Sviridova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *This article is devoted to substantiating the effectiveness of specialized practical classes within the discipline "Foundations of Russian Statehood" in fostering civic identity among first-year university students. This work proposes an approach to fostering civic identity among first-year students, implemented through the course "Foundations of Russian Statehood". The aim of the study is the development and implementation into pedagogical practice of a set of practical learning activities designed to cultivate students' respect for national cultural heritage as well as a sense of appreciation for their country. This study employed the methods of scientific and regulatory literature analysis, practical session modeling and student surveys. The article determines the theoretical foundations for fostering civic identity, develops and pilot-tests a teaching methodology for practical sessions aimed at cultivating students' civic identity, assesses the effectiveness of the proposed methodology based on an analysis of practical session outcomes and student reflection and identifies factors that facilitate and hinder the development of civic identity among students. The novelty of the work lies in its comprehensive approach to fostering civic identity through a new academic course that combines theoretical frameworks, practical developments, and empirical validation of effectiveness. Of particular value are the interactive methods proposed, which focus on emotionally engaging students while avoiding stereotypical ideological clichés. The research results can be applied in teaching the "Foundations of Russian Statehood" course and in the activities of educational centers to design patriotic education programs for higher education institutions.*

Keywords: *civic identity, education, "Foundations of Russian Statehood", symbols of Russia, cultural heritage, pedagogy, educational technologies, educational work*

For citation: *Krinitskaia M. Yu., Sviridova A. Yu. Formation of students civic identity in the course "Foundations of Russian Statehood" // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-1/109-125>. EDN: <https://elibrary.ru/MIUJKB>*

Введение

Актуальность изучения процесса формирования гражданской идентичности у студентов вузов обусловлена рядом взаимосвязанных факторов, определяющих современный этап развития Российской Федерации и учитывающих международную обстановку. Во-первых, в условиях беспрецедентных геополитических вызовов, характеризующихся нарастанием глобальной нестабильности, информационными войнами и попытками внешнего влияния на внутреннюю политику страны, укрепление гражданской идентичности молодежи приобретает критическое значение для обеспечения национальной безопасности и сохранения суверенитета России. В этих условиях формирование четкого понимания национальных интересов, готовности к их защите и осознанного участия в общественной жизни становится необходимым условием устойчивого развития государства. Во-вторых, современное российское общество переживает период трансформации ценностных ориентиров, характеризующийся размыванием традиционных моральных норм, распространением индивидуалистических установок и снижением интереса к общественным вопросам. Данные тенденции, особенно заметные в молодежной среде, создают угрозу девальвации патриотических чувств, снижения социальной активности и формирования аполитичного поколения, не готового к принятию ответственности за будущее страны. В этой связи активизация работы по формированию гражданской идентичности, осно-

ванной на традиционных российских ценностях и исторической памяти, является важной задачей системы высшего образования. В-третьих, дисциплина «Основы российской государственности» призвана сыграть ключевую роль в процессе формирования гражданской идентичности студентов. Данный курс, интегрирующий знания по истории, культуре, философии, правовым основам российского государства, обладает значительным потенциалом для формирования у студентов целостного представления о России, ее месте в мире и роли каждого гражданина в ее развитии. Учебный курс предоставляет возможность для критического осмысления исторических событий, обсуждения актуальных проблем современной России, анализа политических процессов, что способствует формированию осознанной гражданской и активной жизненной позиции.

Однако, наряду с очевидной необходимостью воспитания патриотизма и гражданственности, существует ряд проблемных областей в имеющихся подходах. Несбалансированное освещение исторических событий, односторонний взгляд на социально-политические процессы и недостаточная поддержка самостоятельной исследовательской работы могут привести к отторжению и неприятию воспринимаемых ценностей, формированию поверхностного отношения к государству и дискредитации самой идеи патриотического воспитания. Таким образом, актуальность данного исследования определяется необходимостью разработки научно обоснованных и практически ориентированных подходов к формированию гражданской идентичности студентов на занятиях по дисциплине «Основы российской государственности», позволяющих устранить существующие недостатки и обеспечить формирование осознанной, ответственной и патриотически настроенной личности, способной внести вклад в развитие и процветание Российской Федерации в условиях современных геополитических вызовов.

Проблема формирования гражданской идентичности является предметом пристального внимания исследователей на протяжении многих десятилетий. В научной литературе представлены различные подходы к определению и изучению гражданской идентичности. Так, в социологическом контексте гражданская идентичность рассматривается как осознание индивидом своей принадлежности к определенному гражданскому сообществу, разделение его ценностей и норм, а также готовность к выполнению гражданских обязанностей. Например, академик РАО А. Г. Асмолов в статье «Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества» пишет о том, что миссия программы социокультурной модернизации образования состоит в реализации общенациональной идеологии и политики, которая позволяет достичь таких системных социальных и ментальных эффектов, как гармонизация общества, социальная стратификация, рост конкурентоспособности страны, формирование гражданской идентичности как основы развития демократического общества [1, с. 65]. В данном контексте система образования выступает как ведущая социальная деятельность общества, порождающая гражданскую идентичность и формирующая менталитет народа, ценности, социальные нормы поведения отдельных личностей, больших и малых социальных групп. В то же время Г. М. Андреева полагает, что в экономическом и политическом аспектах глобализации подчеркивается мысль и о поликультурности общества, что имеет непосредственное отношение к проблеме идентичности [2]. На уровне фундаментальной науки эту связь можно раскрыть при помощи понятия «возможная

идентичность», что предполагает умение личности вписаться не только в определенную группу или эпоху, но и рационально соотнести свое прошлое, настоящее и будущее, что представляет собой конкретизацию временной идентичности. В ситуации наступающей глобализации особое значение для личности приобретает и оценка ее прошлого, и проектирование ею своей будущей идентичности [2].

В психологии гражданская идентичность анализируется как компонент социальной идентичности личности, связанный с формированием позитивного образа своей страны, чувства гордости за ее достижения и готовности к защите ее интересов. Р. Ю. Шикова [3], Т. Г. Стефаненко, Е. П. Белинская [4] и другие считают, что гражданская идентичность играет ключевую роль в формировании социальной идентичности личности и формируется через различные социальные практики и взаимодействия, включая образование, культурные инициативы и общественные движения. Исследователи также указывают на важность исторического контекста и культурных традиций в процессе формирования гражданской идентичности, что может влиять на уровень вовлеченности граждан в общественные дела и их отношение к государственным институтам [3, 4]. Таким образом, по мнению ученых, развитие гражданской идентичности является важным аспектом для укрепления социальной сплоченности и стабильности в обществе, особенно в условиях переходного периода и изменений в политической системе.

В философии гражданская идентичность рассматривается как осознание человеком своей принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, участие в социальной и политической жизни страны, которое является значимым для индивида. В философии определение гражданской идентичности трактуется О. Е. Егоровым, В. В. Штолем и О. А. Зозулей в работе «Россия и евразийская идентичность» [5]. Исследователи считают, что в последние годы в России гражданская идентичность стала актуальной проблемой, которая связана с необходимостью развития и укоренения идей, способствующих объединению нации, где важным фактором становится стремление к дальнейшей демократизации, предполагающей вовлечение граждан в цели и интересы развития страны, а также формирование потребностей и навыков участия в общественной и государственной жизни. Условия для развития гражданской идентичности включают различные формы участия граждан в политической жизни, социальную модернизацию и развитие демократических институтов. Ученые подчеркивают взаимосвязь между развитием демократических институтов и укреплением гражданской солидарности, где образовательный процесс выступает катализатором формирования ценностных ориентаций [5].

В педагогике проблема формирования гражданской идентичности рассматривается в контексте патриотического воспитания и социализации личности. В исследованиях Д. С. Лихачева, И. С. Кона, А. В. Петровского акцентируется внимание на роли образования в формировании гражданских качеств, ценностных ориентаций и патриотических чувств у молодежи. Например, Д. С. Лихачев указывает на «главную цель средней школы» – воспитание и, конечно, продолжение ее в высшей школе. «Образование должно быть подчинено воспитанию. Воспитание – это в первую очередь прививка нравственности и создание у учащихся навыков жизни в нравственной атмосфере. Но вторая цель, теснейшим образом связанная с развитием нравственного режима жизни, – развитие всех способностей человека и особенно тех, которые свойственны тому или иному индивидууму» [цит. по: 6, с. 12]. Таким образом, можно утверждать, что все

представленные подходы обладают своей ценностью и должны быть интегрированы в практическую деятельность для эффективного решения общей задачи.

Цель данной работы – обосновать и представить эффективные методы формирования гражданской идентичности студентов первого курса в рамках практических занятий по дисциплине «Основы российской государственности»; продемонстрировать конкретный пример реализации практических занятий, направленных на формирование уважительного отношения к культурному наследию России и развитие чувства гордости за свою страну.

Исследование проводилось с использованием комплекса взаимосвязанных методов. На начальном этапе был осуществлен анализ научной и нормативной литературы, а также проведены сравнение, обобщение и систематизация теоретических данных. В эмпирической части применялось моделирование для создания вариантов проведения практических занятий, отражающих ключевые этапы, методы, приемы и формы организации учебной деятельности студентов, а также был проведен опрос обучающихся для изучения их рефлексивных ассоциаций.

Статья представляет интерес для широкого круга специалистов в области методики преподавания дисциплины «Основы российской государственности», педагогики и организации воспитательной работы в вузе.

Основная часть

Понятие гражданской идентичности в отечественной научной традиции является относительно новым. Некоторые исследователи, такие как Н. Л. Иванова, рассматривают гражданскую идентичность в контексте этнической идентичности. Согласно мнению Н. Л. Ивановой и Г. Б. Мазиловой, гражданская идентичность представляет собой еще не устоявшееся и более сложное понятие в психологии, поскольку соотносится с понятием нации, которое является одним из самых неоднозначных и спорных понятий современной науки [7]. В своих исследованиях Т. В. Водолажская определяет гражданскую идентичность как реализацию базисных потребностей личности в принадлежности к группе [8]. М. А. Юшин интерпретирует данное понятие как тождественность личности статусу гражданина, а также как оценку своего гражданского состояния, готовность выполнять обязанности, связанные с наличием гражданства, и активно участвовать в жизни государства [9]. Р. Ю. Шикова рассматривает гражданскую идентичность как структурный компонент социальной идентичности, определяя ее как результат процесса самоотождествления субъекта с соответствующими социальными группами на эмоциональном и когнитивном уровнях [3]. Принято считать, что гражданская идентичность чаще всего определяется как осознание принадлежности к сообществу граждан определенного государства, что имеет значимый смысл для индивида и основано на характеристиках гражданской общности, определяющей его как коллективного субъекта, а также как тождественность личности статусу гражданина, включая личную оценку своего гражданского состояния и готовность выполнять обязанности, связанные с наличием гражданства [8]. Таким образом, анализируя работы, посвященные проблеме формирования понятия *гражданской идентичности*, можно заключить, что отсутствует единая точка зрения относительно понимания данного явления, и это понятие трактуется исследователями неоднозначно, при этом акцентируется внимание на различных аспектах изучения гражданской идентичности в зависи-

мости от научных интересов авторов. В данной работе под *гражданской идентичностью* мы понимаем осознание личностью на общекультурной основе своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства, которое имеет личностный смысл и определяет целостное отношение к природному и социальному миру. В этом контексте личность обладает правом на самоопределение и свободный выбор при условии уважения прав других на свой выбор. Развитие личности включает важную задачу достижения гражданской идентичности [8, 10].

В рамках образовательного и воспитательного процессов, согласно обозначенной в науке модели структуры гражданской идентичности, необходимо обеспечить развитие следующих структурных компонентов: 1) когнитивного, отражающего знание о принадлежности к данной социальной группе; 2) ценностно-смыслового, отвечающего за наличие негативного или позитивного отношения к этой принадлежности; 3) эмоционального, демонстрирующего принятие или непринятие своей принадлежности; 4) деятельностного, направленного на реализацию гражданской позиции в действиях и общении, проявление гражданской активности и участие в социальной деятельности [11].

В числе ключевых факторов, способствующих формированию и поддержанию коллективной субъективности гражданской общности, выделяют следующие: 1) общее историческое прошлое; 2) самоназвание гражданской общности; 3) общий язык; 4) общая культура; 5) совместное переживание эмоциональных состояний [11]. Основные задачи формирования гражданской идентичности у учащихся включают в себя следующие направления воспитания: ценностно-смысловое и духовно-нравственное, историческое, политико-правовое, патриотическое, профессионально-ориентированное, экологическое воспитание.

В контексте формирования гражданской идентичности студентов на занятиях по дисциплине «Основы российской государственности» особую значимость приобретает рассмотрение принципов и подходов к патриотическому воспитанию в высшей школе [12–14]. Патриотическое воспитание, рассматриваемое не как декларативное провозглашение лозунгов, а как осознанное формирование ценностного отношения к своей стране, ее истории и культуре, является неотъемлемым компонентом гармоничного развития личности и формирования ответственного гражданина.

В контексте формирования гражданской идентичности высшее образование может рассматриваться как ключевой институт, способствующий развитию и укреплению гражданской сознательности среди молодежи. В свете значимости формирования гражданской позиции у студенческой молодежи высшее образование играет ключевую роль не только в профессиональной подготовке, но и в развитии социально ответственной личности, осознающей свои гражданские права и обязанности и готовой к активному участию в общественной жизни.

Логическим продолжением данной тенденции в образовательной системе РФ является внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в обязательную программу обучения студентов первого курса бакалавриата и специалитета всех форм и направлений подготовки, инициированное поручением Президента Российской Федерации В.В. Путина по итогам заседания Государственного совета (22 декабря 2022 г.) и реализованное с 1 сентября 2023 г. посредством интеграции разработанного учебного курса в учебные планы высших учебных заведений [15]. На портале федеральных государственных образова-

тельных стандартов высшего образования размещен проект концепции учебно-методического комплекса дисциплины «Основы российской государственности» [16]. Согласно данному документу учебный курс состоит из пяти модулей, тематическое содержание которых признано сформировать «у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности ...» [16, с. 2].

В рамках настоящей статьи предпринята попытка моделирования практических занятий первого модуля учебной дисциплины «Основы российской государственности», озаглавленного «Что такое Россия», при изучении которого предполагается следующее распределение часов контактной работы для студентов очной формы обучения: 2 ч – лекционное занятие, 6 ч – практические занятия (всего 8 ч).

На лекционном занятии студенты знакомятся с Россией, а именно: изучают географические факторы и природные богатства страны, рассматривают многообразие российских регионов [16].

Работа со студентами на практических занятиях по дисциплине «Основы российской государственности» представляет собой критически важный элемент в формировании у обучающихся целостного и научно обоснованного представления о сущности, исторической траектории и современном состоянии Российского государства. Практические занятия играют определяющую роль в формировании у обучающихся комплексной системы знаний, навыков и компетенций, необходимых для глубокого понимания сущности Российского государства. Более того, они способствуют интериоризации (формирование внутренних структур человеческой психики) ценностных ориентиров, правил и норм поведения, детерминирующих осознание принадлежности к российскому народу. Авторы считают, что активное вовлечение студентов в дискуссии, анализ нормативных актов, решение кейсов и моделирование различных сценариев развития позволяют им не только усвоить теоретический материал, но и развить навыки критического мышления, анализа политических процессов и формирования собственной аргументированной позиции.

В статье представлено описание разработанных и апробированных трех практических занятий модуля I «Что такое Россия» по учебному курсу «Основы российской государственности».

Практическое занятие I «Символы России. Неофициальные символы России»

Целью первого практического занятия является формирование уважительного отношения к культурному наследию России, развитие чувства гордости за свою страну, расширение знаний о символическом значении элементов российской культуры.

На первом занятии, вводящем студентов в проблематику национальной идентичности и культурного наследия, используются следующие методы и формы работы с определением временных затрат на них:

1. Мультимедийная презентация, содержащая информацию о понятии символа, видах символов, значении символов в культуре и государстве, а также обзор некоторых неофициальных символов России (береза, матрешка, самовар, балалайка, медведь и др.) – 15 мин.

2. Работа в группах, для проведения которой студенты объединяются в команды по 3–4 человека, при этом каждой команде предлагается остановить свой выбор на одном из неофициальных символов России и провести мини-исследование его исторического значения и современного восприятия – 30 мин.

3. Презентация результатов работы – 5–7 мин. В презентации должны быть отражены следующие вопросы:

- История возникновения и развития символа;
- Символическое значение и культурный смысл символа;
- Отражение символа в искусстве, литературе, фольклоре;
- Современное восприятие символа в России и мире.

Результаты исследования студенты представляют на бумаге формата А1–А3; в работе используются цветные маркеры, карандаши и т.п. Данный вид работы позволяет вовлечь элементы визуализации и креативности в учебный процесс. Авторы статьи пришли к выводу о том, что работа с большими форматами и цветами позволяет студентам выйти за рамки привычных шаблонов презентаций, выполненных с помощью PowerPoint, и проявить свою креативность, визуально представляя информацию в более оригинальной и запоминающейся форме, а также использовать цветовые схемы, графические элементы, позволяющие структурировать информацию и сделать ее более понятной и наглядной для аудитории. Большой формат позволяет выделить ключевые моменты и создать акценты. Важно отметить и то, что создание презентации на большом формате требует тесного взаимодействия и координации между членами группы. Это способствует развитию коммуникативных навыков, умению работать в команде и находить компромиссы. Визуально привлекательные и нестандартные презентации, созданные с использованием креативных техник, привлекают внимание аудитории и стимулируют обсуждение. Отметим, что владение навыками создания презентаций без использования компьютера может быть полезным в ситуациях, когда доступ к цифровым ресурсам ограничен.

4. Обсуждение представленных результатов, ответы на вопросы, обмен мнениями – 20 мин.

5. Рефлексия. В заключительной части занятия студентам предлагается ответить на следующие вопросы: Что нового вы узнали о неофициальных символах России? Какие чувства вызвала у вас эта тема? Как вы считаете, важны ли неофициальные символы для формирования национальной идентичности?

В конце первого занятия студентам было предложено пройти анонимное анкетирование с помощью сервиса для создания онлайн-анкет, опросов и форм для сбора данных Яндекс Формы; им требовалось продолжить предложение «*Неофициальный символ для меня – это ...*» и написать слово или словосочетание. Было опрошено 276 студентов. Получены следующие результаты. Ответы распределены на три группы:

1. Самые популярные ответы: *медведь* 🐻 (51), *матрешка* (41), *береза* (35), *природа* (24), *водка* (19), *балалайка* (11).

2. Менее популярные ответы (от 9 до 2): *Президент В.В. Путин* (9), *лес* (9), *тайга* (8), *Кремль* (6), *тигр* (6), *блины* (5), *борщ* (5), *исполнитель Шаман* (5), *Москва* (4),

русская баня (4), мой дом (3), русская литература (3), самовар (3), цветастый бабушкин ковер на стене (3), шапка-ушанка (3), Z (2), русский балет (2), валенки (2), красная икра (2), история (2), кокошник (2), красота (2), Масленица (2), многонациональный народ (2), мороз (2), народ (2), Пушкин (2), рассвет (2), ромашка (2), русская душа (2), русский язык (2), семья (2), хохлома (2), щука (2).

3. Единичные ответы: *Байкал, балерина, безграничные леса и поля, Богоматерь, бутерброд с икрой и маслом, величие, Волга, героизм, горы, деревья, добрые, открытые люди, дружба, дураки, душевный знак, ель, Есенин, Иваново, иконостас, искусство, каравай, каша, коромысло, коса, красная звезда, Красная площадь, красный цвет, лапти, леденец петушок на палочке, маситабы, мифология, многоэтажки, молодёжь, море, мужественность, музыка, наследие, новогодний стол, олимпийские чемпионы, пельмени, платок, Родина, родство, русская рулетка, русский маникюр, русский менталитет, русское народное творчество, рябина, сало, самогон, сила, смородина, снег, солнце, территория, фигурное катание, хвоя, хоровод вокруг елки на новый год, Чебурашка, щит, Якутск.*

Проведенное анкетирование позволило получить ценные данные о восприятии студентами категории культурных феноменов и их роли в формировании национальной идентичности. Результаты анкетирования демонстрируют широкий спектр ассоциаций, связанных с неофициальными символами России, и позволяют сделать ряд выводов относительно эффективности использованных педагогических методов и направлений для дальнейшего совершенствования образовательного процесса.

Наиболее популярные ответы, такие как *медведь (51), матрешка (41), береза (35)*, подтверждают устоявшиеся представления о традиционных русских символах, которые прочно закрепились в сознании как россиян, так и иностранцев. Выбор этих символов может свидетельствовать: об усвоении базового культурного кода, так как студенты успешно идентифицируют наиболее распространенные и узнаваемые образы, ассоциирующиеся с Россией; о влиянии массовой культуры и медиа, вероятно, потому, что эти символы активно используются в рекламе, сувенирной продукции и других сферах массовой культуры, что способствует их широкой популяризации; о потребности в упрощенной идентификации, так как в условиях глобализации и быстроменяющегося мира эти символы предоставляют простую и понятную форму для самоидентификации с российской культурой.

Несколько неожиданным, но закономерным является попадание в топ ответов понятия *природа (24)*. Это подчеркивает значимость природы как неотъемлемой части русского национального характера и культурного наследия и акцентирует внимание на природном богатстве страны. Ответ *водка (19)*, хотя и попал в число наиболее популярных, однако требует отдельного рассмотрения. Полагаем, что он свидетельствует о стереотипном восприятии России.

Широкий спектр менее популярных и единичных ответов демонстрирует разнообразие индивидуальных ассоциаций и личного опыта студентов. Встречающиеся в ответах образы Президента В. В. Путина, исполнителя Шамана, буквы *Z* могут свидетельствовать о влиянии современной политической и культурной конъюнктуры при формировании национального самосознания.

Встречающиеся в ответах *цветастый бабушкин ковер на стене, мой дом, русская литература, семья* подчеркивают значимость личных воспоминаний, семейных традиций и культурного наследия в формировании чувства принадлежности к стране. Ответы *Богоматерь, иконостас* демонстрируют влияние религиозных символов и ценностей на формирование национального самосознания. Ответы *безграничные леса и поля, величие, героизм, масштабы, сила, территория* отражают восприятие России как огромной и сильной державы с богатой историей.

Таким образом, практическое занятие способствует активизации мышления студентов и формированию более глубокого понимания сущности неофициальных символов России. Наблюдается разнообразие восприятия и ассоциаций, связанных с неофициальными символами, что свидетельствует о необходимости более тонкой и дифференцированной работы с данной категорией культурных феноменов.

Практическое занятие 2 «Моя малая родина – часть великой России»

Объект изучения второго практического занятия является логическим продолжением вводного занятия о символах России. Здесь студентам необходимо представить и продемонстрировать многообразие и единство России, переходя от общих символов к конкретным символам регионов России. Цель занятия – познакомить с символами регионов Дальнего Востока России (вуз, в котором обучаются студенты, находится в Дальневосточном федеральном округе) и развить чувство любви и привязанности к своей малой родине, осознать ее уникальную роль и взаимосвязь с историей и культурой России, сформировать чувство гражданской сопричастности к судьбе страны.

В рамках реализации практического занятия используется метод проектной деятельности с использованием групповых презентаций, направленный на создание коллективного образовательного продукта. Данный метод предполагает организацию учебного процесса, при которой студенты, объединенные в малые группы, самостоятельно изучают особенности своего родного региона (населенного пункта) по плану:

1. Краткий обзор истории, ключевые события и исторические личности.
2. Особенности культуры, традиции, обычаи, народное творчество.
3. Информация о выдающихся уроженцах (деятели науки, искусства, политики, спорта и др.).
4. Описание главных достопримечательностей (архитектурные памятники, музеи, природные объекты и др.).
5. Рассказ о своих личных впечатлениях и воспоминаниях, связанных с малой родиной.

При сборе информации для презентации студенты используют различные источники информации (книги, статьи, интернет-ресурсы, личные архивы, интервью с жителями), а затем представляют результаты своей работы в форме презентации с использованием мультимедийных материалов (фотографии, видео, карты и др.) в течение 5–7 мин в аудитории. Время для всех презентаций – 45–60 мин. После каждой презентации организуется короткое обсуждение, в ходе которого слушатели могут задавать вопросы, делиться своими впечатлениями и проводить параллели с другими регионами. Время – 15–20 мин.

В ходе занятия и после него собирается материал из презентаций для создания интерактивного атласа России, который будет содержать информацию о каждом представленном регионе. Атлас может быть создан в виде онлайн-ресурса (например, с помощью визуального редактора, позволяющего создавать интерактивные карты с собственным набором объектов «Конструктор карт Яндекс») или в виде физической карты, размещаемой во время занятия в аудитории, с прикрепленными фотографиями и описаниями.

Занятие способствует расширению знаний по географии, истории и культуре различных регионов России (в первую очередь регионов Дальнего Востока). Полагаем, что так формируется чувство гражданской сопричастности к судьбе страны. Работа на занятии способствует развитию навыков презентации, публичных выступлений, а также работы в группе с распределением ролей (поиск информации, визуального контента; видеонарезка; создание мультимедийной презентации, генерация текстовых материалов, видео, аудио, иллюстраций с помощью генеративного искусственного интеллекта; подготовка публичного выступления). Совместным образовательным продуктом будет служить интерактивный атлас России.

Во время проведения занятия необходимо создать атмосферу доброжелательности и уважения, чтобы студенты чувствовали себя комфортно, делились личными впечатлениями; преподаватель должен модерировать обсуждение, направляя его в конструктивное русло и подчеркивая общие черты и различия между регионами, акцентировать внимание на роли каждого региона в истории и культуре России, подчеркивая взаимосвязь между малой и большой родиной.

В конце занятия в качестве рефлексии студентам было предложено пройти онлайн-анкетирование и продолжить предложения: 1. *Малая родина – это...* 2. *Моя малая родина – это...* 3. *Мой символ моей малой родины – это...* В данном опросе приняли участие 247 человек.

Анализируя представленные ответы на первый вопрос «*Малая родина – это ...*», можно выделить следующие ключевые категории, характеризующие понятие «малая родина»:

1. Место рождения и взросления. Здесь подчеркивается физическое место, где человек появился на свет и провел значительную часть своей жизни (детство, юность). Это наиболее распространенная и буквальная интерпретация. Ключевые слова: *место рождения, родился и вырос, родной город, городок, место рождения, родился(лась)*. Отмечено, что общее количество ответов и их вариаций *место, где ты родился(лась)* – 78.

2. Связь с семьей и родными. Этот аспект подчеркивает значимость семьи, родных и близких людей, которые живут в этом месте. Малая родина ассоциируется с ощущением принадлежности к определенной группе людей. Ключевые слова: *семья, мои родные, родители, родство*.

3. Воспоминания и эмоциональная привязанность. Данный аспект подчеркивает субъективное, эмоциональное восприятие места, связанное с личным опытом, теплыми воспоминаниями, чувством комфорта и безопасности. Это место, куда хочется возвращаться. Ключевые слова: *душа, душевное тепло, греет душу, близко к сердцу, теплые воспоминания, вдохновляешься*.

4. Дом (общее количество ответов – 20). Этот аспект является обобщающим и символическим, отражая чувство принадлежности, комфорта, безопасности и уюта. Дом является метафорой малой родины как места, где человек чувствует себя «своим».

5. Природа и окружающая среда. Здесь подчеркивается связь с природным ландшафтом, характерным для данного места. Природа может быть источником вдохновения, спокойствия и чувства гармонии. Ключевые слова: *природа, безграничные леса и поля, солнце, родное*.

6. Свобода и самоопределение. Этот аспект подчеркивает возможность самовыражения, самореализации и ощущение свободы в данном месте. Малая родина – это место, где человек может быть самим собой. Ключевые слова: *свобода, место, где ты чувствуешь себя свободным*.

7. Редкие, но значимые образы. Некоторые ответы связывают малую родину с более широкими понятиями, такими как *Владивосток, Якутия* (указание на конкретный город или регион, который является малой родиной), *жизнь*, что указывает на глубокую и всеобъемлющую связь человека с этим местом.

Таким образом, понятие «малая родина» является многогранным; включает в себя не только географическое место, но и субъективные, эмоциональные и социальные аспекты. Это место, где человек родился и вырос, где живет его семья, где он чувствует себя комфортно и безопасно и куда он всегда хочет вернуться. Частотный ответ слова «дом» свидетельствует о глубинной связи с местом, об ощущении защищенности и принадлежности.

Самым популярным ответом на второй вопрос «*Моя малая родина – это...*» был г. *Владивосток* (47), занимающий лидирующую позицию с большим отрывом, что может указывать на сильную связь студентов с этим городом. Были также получены следующие ответы: *Уссурийск* (8), *Находка* (6), *Хабаровск* (6), *Камчатский край* (5), *Благовещенск* (4), *Чита* (4), *Партизанск* (6), *Комсомольск-на-Амуре* (4), *Черниговка*, *Южно-Сахалинск*, с. *Яковлевка* и др. Наличие в ответах топонимов, обозначающих наименования населенных пунктов, означает, что большинство студентов приехали обучаться во Владивосток из разных регионов Дальнего Востока, именно поэтому они указывают их при ответе на этот вопрос.

Результаты ответов на третий вопрос «*Мой символ моей малой родины – это...*» (о неофициальных символах малой родины – Приморского края и Дальнего Востока России) выявляют выраженное доминирование природных символов, отражающее тесную связь респондентов с окружающей средой. Безусловным лидером является ответ *море* (56), что свидетельствует о его ключевой роли в формировании идентичности жителей региона. Море ассоциируется с красотой, свободой, возможностями и является важным элементом ландшафта. На втором месте по популярности находится ответ *тигр* (43), что подтверждает его статус важного неофициального символа Приморского края. Значимыми также являются лесные и горные ландшафты, о чем свидетельствует упоминание *сопок* (13), *леса* (12) и *тайги* (10). Наряду с природными символами в ответах встречаются культурные и исторические объекты: *мосты* (9), *герб* (8), *памятники* (6), что отражает осознание респондентами значимости истории и культуры своего

региона. Отсылка к *моим близким* подчеркивает значимость социальных связей и межличностных отношений в формировании чувства малой родины. Набор сведений о родине (море, сопки, заповедники) формирует позитивное отношение и интерес к региону, позволяет сохранять историческую память.

Таким образом, можно заключить, что идентичность жителей Дальнего Востока и Приморья формируется под влиянием как природной уникальности региона, так и культурно-исторического наследия.

Практическое занятие 3 «Герои России»

Объектом изучения данного занятия являются биографии российских героев различных военных событий, а также героев СВО. Цель занятия – актуализация исторической памяти посредством ознакомления обучающихся с подвигами героев, участвовавших в ключевых военных конфликтах, пережитых Россией, а также рассмотрения значимых побед, одержанных российскими военнослужащими и народом, с целью формирования осознания ценности единства и сплоченности российского общества в преодолении исторических вызовов. При проведении занятия используются следующие методы: просмотр и обсуждение видеофрагментов, презентаций, посвященных ключевым героям войн. Студентам предлагается взаимодействовать в малых группах (по 3–4 человека) и представить в аудитории публичное выступление с презентацией. Осуществлять подготовку к занятию рекомендуется по сценарному плану.

1. Подготовительный этап – выбор героя страны (региона), подвижника, выдающегося деятеля. Учащимся предварительно сообщается следующая тематика:

– Герои Великой Отечественной войны. Данная тема предполагает исследование подвигов солдат и командиров, таких как Г.К. Жуков, И.Н. Кожедуб, А.И. Покрышкин, Н.Ф. Гастелло, А.М. Матросов, А.П. Маресьев и др., а также их влияние на современное общество. Общеизвестно, что Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила глубокий след в истории России. Изучение подвигов героев войны важно для понимания не только военной стратегии, но и человеческих жертв, которые были принесены ради победы. Эта тема актуальна для формирования патриотических чувств и уважения к истории;

– Герои войны в Афганистане. Афганская война 1979–1989 гг. является важным этапом в истории России. Рассмотрение биографий героев этой войны позволяет восстановить память о тех, кто проявил мужество в сложных условиях, и осветить последствия конфликта для общества, а также поднять вопросы о признании и поддержке ветеранов;

– Герои Чеченских войн. Студенты, выбравшие данную тему, погрузятся в анализ подвигов российских военнослужащих во время Чеченских конфликтов и их значение для страны. Чеченские войны 1994–1996 гг. и 1999–2009 гг. стали тяжелым испытанием для России. Анализ подвигов военнослужащих в этих конфликтах помогает понять, как они влияли на общество, и что значит служение Родине в условиях внутреннего конфликта. Здесь также открывается дискуссия о цене мира и стабильности;

– Современные герои СВО. В рамках исследования этой темы предполагается обсуждение современных событий, связанных с СВО. Этот аспект чрезвычайно важен для осознания текущих вызовов и героизма, проявляемого сегодня; изучение

биографий героев СВО позволит задуматься о значении мужества в современных реалиях и о том, как оно отражается на национальной идентичности.

После выбора темы студенты готовятся ко второму этапу.

2. Поиск материала, подготовка выступления с презентацией (5–7 слайдов). Подвиги солдат и командиров. Конкретные истории солдат, проявивших мужество. Примеры героизма. Примеры конкретных случаев самопожертвования. Влияние на национальную идентичность. Обзор значимых побед в различных войнах.

3. Защита, обсуждение, рефлексия. В рамках занятия осуществляется весьма важная задача: ответ на вопрос «Каково значение героизма в жизни общества?» Обозначается также значение героизма для страны и общества, актуализируется современное восприятие Афганской, Чеченской войн и СВО, формирование характера народа через войну.

Таким образом, выбранные темы охватывают широкий спектр исторических периодов и событий, способствуя формированию комплексного понимания героизма в российской культуре и его значения для современного общества. Живой пример героев различных войн представляет собой важный аспект изучения, поскольку он способствует формированию общественного сознания и национальной идентичности. Герои войн как носители мужества и самопожертвования служат символами стойкости и патриотизма, вдохновляя последующие поколения на осознание значимости личного вклада в защиту родины. Живые примеры героев различных войн не только обогащают понимание учащимися истории, но и способствуют формированию ценностей, необходимых для устойчивого развития общества.

Заключение

Подтверждение эффективности предложенной методики проведения практических занятий для формирования гражданской идентичности студентов первого курса базируется на интеграции историко-культурного контекста, активных педагогических методов и рефлексивных практик. Исследование выявило, что ключевыми способствующими факторами выступают:

- 1) системное использование междисциплинарного подхода, создающее целостное представление о российской государственности;
- 2) эмоциональное вовлечение через анализ национальных символов;
- 3) развитие критического осмысления государственных процессов;
- 4) обращение к региональному компоненту;
- 5) работа в малых группах, так как групповая работа позволяет снизить нагрузку при подготовке отдельного студента, с одной стороны, а с другой – усиливает общение между студентами.

Одновременно препятствиями становятся:

- 1) риски чрезмерной идеологизации;
- 2) формализм в подаче материала;
- 3) влияние глобализационных тенденций, нивелирующих значимость национальной самоидентификации;
- 4) новизна курса;
- 5) недостаточная техническая оснащенность вуза.

Формирование гражданской идентичности студентов на занятиях по курсу «Основы российской государственности» является чрезвычайно важной задачей современного этапа развития образовательной системы. Авторы полагают, что схема, представленная на рис. 1, отражает взаимосвязь между формами работы и содержанием занятий, которые в свою очередь обеспечивают эффективность реализации образовательного процесса, а также формирования гражданской идентичности у обучающихся высшей школы.

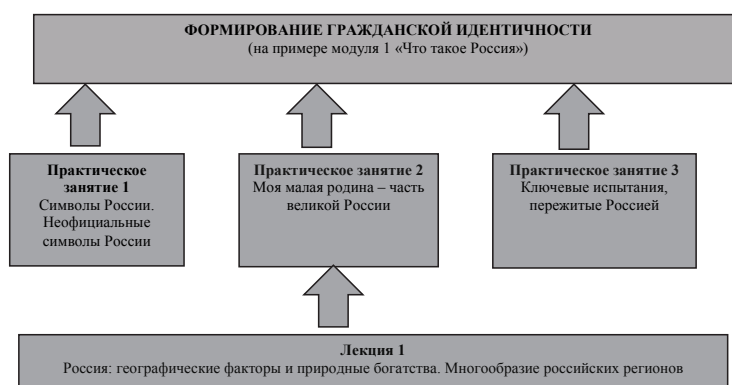

Рис. 1. Формирование гражданской идентичности студентов на занятиях по курсу «Основы российской государственности»

Формирование гражданской идентичности в рамках дисциплины «Основы российской государственности» требует преодоления дихотомии между традиционными воспитательными практиками и вызовами цифровой эпохи. Ключевым условием успеха выступает создание «диалоговой среды», где критическое осмысление государственных процессов сочетается с эмоциональным принятием национальных ценностей.

Перспективным направлением видится разработка межвузовских стандартов, интегрирующих лучшие педагогические практики и современные образовательные технологии.

Список источников

1. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65–86.
2. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. 4 (20). URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/804>. DOI: 10.54359/ps.v4i20.804 (дата обращения: 18.04.2025).
3. Шикова Р.Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия I: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 111–116.

4. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. Москва: РГБ, 2008. 203 с.
5. Егоров В. Г., Штоль В. В., Зозуля О. А. Россия и евразийская идентичность // *Обозреватель-Observer*. 2024. № 2. С. 5–26. DOI: 10.48137/2074-2975_2024_2_5
6. Праздникова Г.З. Формирование ценностных ориентаций подростков на основе педагогических идей Д.С. Лихачева: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2010. 24 с.
7. Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // *Вопросы психологии*. 2008. № 2. С. 83–93.
8. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская // *Образовательная политика*. 2010. № 5-6. С. 140–142.
9. Юшин М. А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Тула, 2007. 22 с.
10. Абросимова К. А. Анализ сущности понятия «гражданская идентичность» // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2014. № 5. С. 42–45.
11. *Социология: Энциклопедия*. Минск: ООО «Книжный дом», 2003. 1312 с.
12. Ангадаева Ю.Ю. Духовно-нравственные основы российской государственности и патриотизма в контексте преподавания дисциплины «Основы российской государственности» // *Проблемы и пути развития профессионального образования: сб. ст. Всерос. науч.-метод. конф. (Иркутск, 10–12 апреля 2024 г.)*. Иркутск: ИГУПС, 2024. С. 27–30.
13. Евлаев А. Н., Пруцков М. И. Роль курса «Основы российской государственности» в формировании гражданственности современной студенческой молодежи // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. 2024. № 6 (107). С. 53–59.
14. Обухова О. В. Патриотическое воспитание в вузе посредством преподавания учебного курса «Основы Российской государственности» // *Роль и перспективы развития языкового обучения в современном образовательном пространстве: матер. II Всерос. науч.-практ. конф. (Уссурийск, 18 апреля 2024 г.)*. Уссурийск: Приморский ГАТУ, 2024. С. 195–200.
15. С 1 сентября запущен курс «Основы российской государственности» // *Министерство науки и высшего образования Российской Федерации*. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72464/> (дата обращения: 25.03.2025).
16. Проект концепции учебно-методического комплекса модуля «Основы российской государственности» // *Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования*. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/-method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

References

1. Asmolv A. G. Strategy of sociocultural modernization of education: on the way to overcoming the identity crisis and building a civil society. *Educational Studies Moscow*. 2008; (1): 65-86.
2. Andreeva G. M. To the question of the identity crisis in the conditions of social transformations. *Psychological Studies*. 2011; 4 (20). URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/804>. DOI: 10.54359/ps.v4i20.804 (accessed date: 18.04.2025).
3. Shikova R. Yu. Civil all-Russian identity (sociological aspect). *Bulletin of Adygeya State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political science, Culturology*. 2009; (1): 111–116.

4. Belinskaya E. P., Stefanenko T. G. Ethnic socialization of a teenager. Moscow: RSL; 2008. 203 p.
5. Egorov V. G., Shtol V. V., Zozulya O. A. Russia and Eurasian identity. *Observer*. 2024; (2): 5–26. DOI: 10.48137/2074-2975_2024_2_5
6. Prazdnikova G. Z. Formation of value orientations of teenagers on the basis of pedagogical ideas of D. S. Likhachev. Tambov; 2010. 24 p.
7. Ivanova N. L., Mazilova G. B. Changes of ethnic and civil identity in new social conditions. *Voprosy psichologii*. 2008; (2): 83–93.
8. Vodolazhskaya T. V. Identity civil. *Educational Policy*. 2010; (5-6): 140–142.
9. Yushin M. A. Political mechanisms of formation of civil identity of youth in modern Russia. Tula; 2007. 22 p.
10. Abrosimova K. A. Analysis of the essence of the concept of “civil identity”. *Collections of conferences of SIC Sociosphere*. 2014; (5): 42–45.
11. *Sociology: Encyclopedia*. Minsk: Knizhnyj dom; 2003. 1312 p.
12. Angadaeva Yu. Yu. Spiritual and moral foundations of Russian statehood and patriotism in the context of teaching the discipline “Foundations of Russian statehood”. *Problems and ways of development of professional education: Collection of articles of the All-Russian scientific and methodological conference*. Irkutsk: IrGUPS; 2024. P. 27–30.
13. Evlaev A. N., Prutskov M. I. Role of the course “Fundamentals of Russian statehood” in the formation of citizenship of modern student youth. *POISK: Politika. Social science. Art. Sociology. Culture*. 2024; 6 (107): 53–59.
14. Obukhova O. V. Patriotic education in higher education through teaching the course “Fundamentals of Russian statehood”. *The role and prospects of language learning in the modern educational space: Proceedings of the II All-Russian scientific-practical conference*. Ussuriysk: Primorsky GATU; 2024. P. 195–200.
15. From September 1 the course “Fundamentals of Russian Statehood” is launched. *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72464/> (accessed date: 25.03.2025).
16. Draft concept of the teaching and methodological complex of the module “Fundamentals of Russian statehood”. *Portal of federal state educational standards of higher education*. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (accessed date: 25.03.2025).

Информация об авторах:

Криницкая Марина Юрьевна, канд. филол. наук, доцент каф. русского языка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

Свиридова Анна Юрьевна, старший преподаватель каф. русского языка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-1/109-125>

EDN: <https://elibrary.ru/MIUJKB>

Дата поступления:
08.09.2025

Одобрена после рецензирования:
12.02.2026

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья

УДК 372.881.111.1

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/126-142>

EDN: <https://elibrary.ru/TPUYZR>

Специфика оценивания в электронных учебных курсах по преподаванию иностранного языка в вузе

Пак Леонид Евгеньевич

Долгая Ева Павловна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Статья посвящена изучению специфики системы оценивания в электронных учебных курсах (ЭУК) в контексте преподавания иностранного языка в вузе. Исследование характеризуется актуальностью, так как выявляет особенности системы оценивания не только как инструмента контроля, но и как средства стимулирования учебной деятельности. Кроме того, электронные учебные курсы выступают в качестве оптимальной площадки для апробации разнообразных способов оценивания. Структура и технические возможности современных ЭУК позволяют сочетать традиционные и инновационные формы контроля. Целью исследования является разработка и апробация системы оценивания, интегрирующей формативный и суммативный контроль в формате ЭУК по иностранному языку. Объект исследования – система оценивания в образовательном процессе вузов в контексте преподавания иностранных языков. Предмет исследования – специфика реализации системы оценивания в рамках электронного учебного курса по иностранному языку. Разработан ЭУК для изучения английского языка по дисциплине «Иностранный язык (модуль 1)». Особое внимание уделено суммативному и формативному контролю. Система оценивания повысила прозрачность критериев оценки. Апробация курса в группе БДЗ-24-ЦД2 на базе ФГБОУ ВО «ВВГУ» выявила статистически значимое повышение академической успеваемости, верифицированное расчетами по t-критерию Стьюдента. Статистически значимое повышение успеваемости в экспериментальной группе ($t = 3,42, p < 0,05$) обосновывает целесообразность интеграции систем оценивания на базе ЭУК в преподавание иностранного языка в вузах. Авторы отмечают положительную динамику уровня владения иностранным языком в экспериментальной группе (сокращение доли студентов на уровне Elementary с 42,9 до 14,3%), оцененную посредством сопоставительного анализа результатов входного и итогового диагностических тестирований.*

***Ключевые слова:** электронный учебный курс, система оценивания, формативное оценивание, суммативное оценивание, опытно-экспериментальная работа, преподавание иностранных языков*

***Для цитирования:** Пак Л. Е., Долгая Е. П. Специфика оценивания в электронных учебных курсах по преподаванию иностранного языка в вузе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 126–142. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/126-142>. EDN: <https://elibrary.ru/TPUYZR>*

Original article

Specifics of assessment in electronic training courses on teaching a foreign language at a university

Leonid E. Pak

Eva P. Dolgaya

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the specifics of the assessment system in electronic learning courses (ELCs) in the context of teaching foreign languages at universities. The research is relevant as it reveals the features of assessment not only as a tool for control, but also as a means of stimulating learning activity. Moreover, electronic learning courses serve as an optimal platform for testing a variety of assessment methods. The structure and technical capabilities of modern ELCs make it possible to combine traditional and innovative forms of assessment. The aim of the study is the development and testing of an assessment system that integrates formative and summative assessment within a foreign language ELC. The object of the research is the assessment system in the educational process of higher education institutions in the context of foreign language teaching. The subject of the research is the specificity of implementing an assessment system within an electronic learning course in a foreign language. An ELC was developed for studying English in the discipline "Foreign Language (Module 1)". Special attention is given to summative and formative assessment. The proposed system of assessment increased the transparency of evaluation criteria. The testing of the course in group BDZ-24-CD2 at Vladivostok State University revealed a statistically significant improvement in academic performance, verified through calculations using Student's *t*-test. The statistically significant improvement in the experimental group ($t = 3.42, p < 0.05$) substantiates the feasibility of integrating assessment systems based on ELCs into foreign language teaching at universities. The authors note a positive dynamic in the level of foreign language proficiency in the experimental group (a decrease in the proportion of students at the Elementary level from 42.9 to 14.3%), assessed through a comparative analysis of the results of entrance and final diagnostic tests.

Keywords: electronic learning course, assessment system, formative assessment, summative assessment, experimental work, foreign language teaching

For citation: Pak L.E., Dolgaya E.P. Specifics of assessment in electronic training courses on teaching a foreign language at a university // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2026. Vol. 18, № 1. P. 126–142. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/126-142>. EDN: <https://elibrary.ru/TPUYZR>

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, методология подобных исследований соответствует уровню современной педагогической науки, так как они интегрируют достижения в области психолого-педагогической диагностики и компетентностного подхода, что позволяет выявить особенности системы оценивания не только как инструмента контроля, но и как средства стимулирования учебной деятельности. Во-вторых, в условиях постоянного обновления образовательных практик для соответствия требованиям ФГОС особую важность приобретает изучение системы оценивания в языковом образовании. Выявление и последующее применение более эффективных способов оценивания способствуют объективной фиксации прогресса студентов и поддержанию мотивации к изучению иностранных языков. В-третьих, электронные учебные курсы выступают в качестве оптимальной площадки для апробации разнообразных способов оценивания. Структура и техни-

ческие возможности современных ЭУК позволяют сочетать традиционные и инновационные формы контроля, автоматизировать проверку сформированности знаний, умений, навыков (ЗУН), а также обеспечить эффективную обратную связь, что открывает перспективы для дальнейшего совершенствования современных технологий в вузе.

Обращение к данной *проблематике* мотивировано тем, что, несмотря на повсеместное внедрение электронных учебных курсов в вузах, система оценивания в них по-прежнему остается недостаточно проработанной, зачастую не опирается на единые критерии и методологические основания и, кроме того, не учитывает специфику цифровой среды, фокусируясь исключительно на традиционных формах контроля.

Целью исследования является разработка и апробация системы оценивания, интегрирующей формативный и суммативный контроль в формате ЭУК по иностранному языку.

Цель данной работы обусловила постановку следующих *задач*:

- 1) разработать ЭУК и модель системы оценивания для данного ЭУК;
- 2) провести апробацию разработанной модели в ходе опытно-экспериментальной работы;
- 3) провести анализ академических результатов;
- 4) верифицировать полученные данные при помощи статистического теста «Критерий t-Стьюдента».

Объект исследования – система оценивания в образовательном процессе вузов в контексте преподавания иностранных языков.

Предмет исследования – специфика реализации системы оценивания в рамках электронного учебного курса по иностранному языку.

Проблемы системы оценивания в высших учебных заведениях находятся в фокусе внимания как зарубежных, так и отечественных исследователей. Авторы анализируют практики студенческой оценки преподавания в российских университетах и проводят сопоставление их с международным опытом; на материале, собранном с фокус-групп, выявляются условия, при которых обратная связь от студентов может быть конструктивной [1]. В исследовании Н.Л. Антоновой и С.Б. Абрамовой рассматриваются особенности онлайн-прокторинга как элемента системы оценивания на дистанционных экзаменах в вузе, предоставляются методические рекомендации по эффективному внедрению прокторинга в оценочные процедуры [2]. Работа Е.К. Данилиной и Н.А. Клещевой посвящена разработке модели сопровождения самостоятельной внеаудиторной деятельности студентов; предлагается использовать технологию формирующего оценивания, которая сфокусирована на развитии навыков самостоятельной деятельности и усилении интернальной мотивации студентов [3]. Зарубежные ученые уделяют внимание вопросам видоизменения способов оценивания в вузах в постпандемийный период; проводится обзор различных оценочных средств, например онлайн-экзаменов, гибких шкал, тестов «pass/fail» и т.д. Автор работы [4] формулирует базовые принципы постпандемийной политики оценивания. В исследовании [5] проводится системный обзор практик «аутентичного оценивания»

в высшей школе, постулируется их значимая роль (проектные задания, реальные кейсы, портфолио) в развитии университетской политики оценивания.

Ряд работ охватывает вопросы, связанные со спецификой системы оценивания при изучении иностранных языков. Исследуется формирующее оценивание как системная педагогическая технология для курсов иностранного языка в вузе, описывается его цикл (от постановки целей до обратной связи) и приводятся результаты педагогического эксперимента по выявлению эффективности данного метода как средства повышения учебных достижений студентов [6]. Кроме того, внимание уделяется оцениванию проектных заданий при изучении иностранного языка. Автор исследования [7] описывает этапы оценки проектной деятельности, роль формирующего оценивания, механики самооценивания, а также практики обратной связи для дистанционного формата обучения. В одних работах в рамках выделенного исследовательского поля обсуждается валидность онлайн-оценивания устной речи и предлагаются методические рекомендации по организации объективного онлайн-оценивания навыков говорения [8]. Другие исследования фокусируются на оценивании навыков письма при изучении академического английского в вузе [9].

Научному осмыслению роли электронных курсов на уровне высшего образования посвящен ряд современных работ. Изучается важность ЭУК при переходе в дистанционный формат, проводится обзор типов онлайн-курсов и рекомендаций по повышению качества обучения в цифровой среде [10], исследуются преимущества, недостатки и последствия внедрения массовых онлайн-курсов в высшее образование [11], уделяется внимание вопросам методической подготовки преподавателей для устойчивого качества обучения при помощи ЭУК [12], а также факторам, усиливающим положительный эффект использования ЭУК в вузах (интерактивные элементы, качественная педагогическая поддержка, стабильный доступ в Интернет) [13].

Теоретических и прикладных работ, которые посвящены вопросам функционирования системы оценки в рамках электронного учебного курса, не так много. Среди них можно отметить статьи, в которых предпринят системный обзор эмпирических исследований онлайн-оценивания в высшем образовании [14]; описывается проектирование архитектуры авторской электронной платформы оценивания в вузе (авторы приводят данные по банку вопросов, числу экзаменов и показателям удовлетворенности пользователей) [15]; приводятся результаты критического анализа перехода российских вузов к дистанционным и электронным форматам обучения (особое внимание уделено рискам при организации электронного оценивания) [16].

Таким образом, выбранное исследовательское поле представляется весьма перспективным и масштабным, при этом отмечается его лакуарность в связи с недостаточностью как комплексного, так и аспектного изучения особенностей функционирования системы оценивания в рамках электронного учебного курса.

Основным *методом*, который был использован в исследовании, является функциональный метод. Кроме того, использовался описательный метод (анализ литературы). Для сбора, обработки и представления полученных данных приме-

нялись количественный метод (статистическая обработка результатов тестов, t-критерий Стьюдента) и методы презентации материала (разработка диаграмм, таблиц).

Основная часть

Процедура исследования предполагала последовательное выполнение нескольких этапов, направленных на достижение поставленной цели – разработку и апробацию системы оценивания, интегрирующей формативный и суммативный контроль в электронном учебном курсе по иностранному языку. На первом этапе было проведено планирование формы и содержания электронного учебного курса «Иностранный язык (модуль 1)» синхронно с проектированием системы оценивания. Указанный этап включал определение модульной структуры курса, отбор и дидактическое оформление обучающих материалов, а также разработку критериев и алгоритмов как для текущего (формативного), так и для итогового (суммативного) контроля. Следующим этапом стала разработка курса, что было реализовано с помощью средств системы управления обучением Moodle, внешних инструментов и конструкторов (например, словари Quizlet, добавленные в обучающие материалы курса), мультимедийного контента (аудио- и видеозаписи УМК «Navigate. Pre-Intermediate»), который является базовым УМК дисциплины «Иностранный язык (модуль 1)» в ФГБОУ ВО «ВВГУ». В рамках данного этапа были созданы три тематических юнита возрастающей сложности, каждый из которых включал пять подразделов с интерактивными заданиями, обучающими материалами, а также автоматизированными тестами и заданиями с ручной оценкой преподавателя для проверки усвоения материала на каждом этапе. Апробация, в ходе которой осуществлялся сбор данных, фиксирующих академические результаты обучающихся и их прогресс в освоении дисциплины разработанного учебно-методического комплекса, была проведена в условиях образовательного процесса в экспериментальной группе студентов высшего учебного заведения ФГБОУ ВО «ВВГУ». Завершающей стадией исследования выступили обработка и анализ собранных количественных данных, включая сравнение средних баллов экзаменационного тестирования экспериментальной и контрольных групп, а также оценку динамики уровня владения иностранным языком внутри экспериментальной группы до и после прохождения курса. Верификация статистической значимости полученных результатов выполнена при помощи t-критерия Стьюдента для независимых и зависимых выборок, что позволило сделать объективные выводы об эффективности предложенной модели системы оценивания.

Процедура опытно-экспериментальной работы была организована в три этапа. На первом (вводном) этапе (01.10.2023–01.08.2024) осуществлялась разработка электронного учебного курса на платформе Moodle, в ходе которой была реализована модульная структура, включающая три основных юнита, каждый из которых содержал по пять тематических подразделов, что в совокупности составило пятнадцать логически завершенных учебных модулей. Второй (основной) этап (01.09.2024–20.01.2025) был посвящен практической реализации курса: на начальной стадии данного этапа было проведено входное диагностиче-

ское тестирование на предмет уровня владения английским языком среди студентов экспериментальной группы БДЗ-24-ЦД2 (объем выборки $N = 14$) с использованием стандартизированной системы оценивания CEFR, после чего в течение семестра осуществлялась апробация ЭУК «Иностранный язык (модуль 1)» в учебном процессе. Третий (заключительный) этап (20.01.2025–10.02.2025) включал сбор эмпирических данных, полученных в результате проведения итогового экзаменационного тестирования, и их последующую статистическую обработку с применением t-критерия Стьюдента, что позволило количественно оценить эффективность разработанной системы оценивания и достоверность различий в академических результатах между экспериментальной и контрольными группами.

В контексте исследования прозрачность оценивания определяется как дидактический принцип, обеспечивающий открытость критериев, оперативную обратную связь, доступность данных о прогрессе, объективность измерений [17].

В ходе проектировочного этапа опытно-экспериментальной работы был создан ЭУК «Иностранный язык (модуль 1)» в электронной образовательной среде (ЭОС) ВВГУ на платформе Moodle. Курс состоит из трех разделов (юнитов). Каждый юнит содержит 5 подразделов (1.1, 1.2, ..., 3.5). В конце каждого подраздела размещен тест, в конце юнита – промежуточный экзаменационный тест. Тематическое содержание разработанного курса приведено в табл. 1.

Таблица 1

Тематическое содержание курса

Юнит	Unit 1	Unit 2	Unit 3
Тема	Time	Inside outside	Going up, going down
Лексика	Повседневная жизнь, свободное время, погода	Дом, город, направления движения	Описание движения, события прошлого
Грамматика	Present Simple, Present Continuous, наречия частотности	Present Simple / Present Continuous, relative clause	Past Simple, Past Continuous

Структура ЭУК «Иностранный язык (модуль 1)» реализует принцип нарастающей сложности: от тем повседневного общения к темам, требующим знания специализированной лексики для решения коммуникативных задач. В каждом юните материал представляется в следующей последовательности: 1) отработка грамматических конструкций и лексики; 2) применение языка в различных коммуникативных ситуациях: личная переписка, туристические форумы, описание маршрутов; 3) развитие навыка чтения (выполнение разноуровневых заданий) и анализ культурных особенностей страны изучаемого языка.

Система оценивания внутри ЭУК «Иностранный язык (модуль 1)» включает формативное и суммативное оценивания. Данное деление на виды оценивания обеспечивает прозрачность системы оценивания за счет непрерывного отслеживания прогресса и объективной оценки достижений студентов.

Формативное оценивание (текущий контроль) в ЭУК «Иностранный язык (модуль 1)» составляет 80% (80 баллов) от общей отметки по дисциплине; предназначено для отслеживания прогресса студентов в процессе обучения. Оно включает в себя следующие элементы:

1. Текущие домашние задания (20% от 80 баллов): каждое домашнее задание оценивается в 1 балл и проверяется преподавателем. Баллы распределяются пропорционально другим видам работ в рамках 80 баллов. Это позволяет учитывать вклад каждого студента в общий процесс обучения.

2. Активное участие и посещаемость (20% от 80 баллов): участие студентов в занятиях также оценивается. За выполнение заданий во время занятия студенты получают 2 балла, которые распределяются пропорционально. Это стимулирует студентов активно участвовать в обсуждениях и на занятиях.

3. Текущие тесты и контрольные задания (40% от 80 баллов): в рамках курса проводятся тесты каждую неделю (по 10 баллов за тест). Каждые 5 недель проводится тест по юниту, оценка которого составляет 30 баллов. Тесты служат для проверки усвоения материала и закрепления знаний.

Суммативное оценивание (текущий контроль) в ЭУК «Иностранный язык (модуль 1)» составляет 20% (20 баллов) от общей отметки по дисциплине; позволяет подвести итоги обучения и оценить знания студентов по завершении определенного периода (экзаменационный тест). Роль экзаменационного теста:

1. Итоговая проверка знаний: тест охватывает весь материал курса и позволяет оценить, насколько студенты усвоили ключевые аспекты дисциплины, включая грамматику, лексику, аудирование, чтение, письмо.

2. Комплексная оценка навыков: вопросы теста разнообразны по формату (gapfill, множественный выбор, короткие ответы, эссе и т. д.), что позволяет проверить как рецептивные (аудирование, чтение), так и продуктивные (письмо) навыки.

3. Оценка уровня усвоения материала: тест позволяет определить уровень учебных достижений студентов в процессе изучения дисциплины при помощи учебного курса.

В рамках ЭУК «Иностранный язык (модуль 1)» суммативное и формативное оценивания взаимосвязаны и направлены на обеспечение прозрачности оценивания и своевременную корректировку учебного процесса. Формативное оценивание (80% оценки) помогает студентам постепенно осваивать материал, развивать языковые навыки и корректировать свою работу на основе обратной связи. Суммативное оценивание (20% оценки) подводит итог обучения, проверяя степень усвоения пройденного учебного материала. Таким образом, сочетание этих видов оценивания позволяет не только контролировать, но и улучшать качество обучения, обеспечивая достижение образовательных целей.

Распределение баллов экзаменационного теста (из 74 первичных баллов) происходит следующим образом: вопросы 1–3: 23 первичных балла (аудирование); вопросы 4–5: 10 первичных баллов (чтение); вопросы 6–10: 23 первичных балла (грамматика); вопросы 11, 12: 15 первичных баллов (лексика); вопрос 13: 3 первичных балла (письмо). Меньшая доля первичных баллов по аспектам

«чтение» и «письмо» объясняется тем, что в ходе выполнения экзаменационного теста студенты большую часть заданий выполняют с применением этих навыков. Ниже приведены примеры заданий промежуточного теста:

1. Раздел «Грамматика» (Grammar) (рис. 1). Задание 10. Заполнение пропусков через употребление глагольных времен: Past Simple, Past Continuous, Present Simple, Present Continuous (например, заполнение пропусков: «Last weekend, I (1) [went] to the park...» (Past Simple); «Every morning, I (1) [get up] early...» (Present Simple)).

Заполните пропуски изменив форму глагола в скобках, используйте Past Simple u Past Continuous tenses. Не используйте сокращения

Last weekend, I (1) ✓ (to go) to the park with my friends. We (2) ✗ [were playing] (to play) soccer. While we (3) ✓ (to play), it suddenly (4) ✓ (to start) raining! We quickly (5) ✗ [ran] (to run) to a nearby café, where we waited for the rain to stop. After the rain (6) ✓ (to stop), we (7) ✓ (to decide) to continue playing. We (8) ✓ (to enjoy) the rest of our day outside.

Заполните пропуски изменив форму глагола в скобках, используйте Present Simple u Present Continuous tenses. Не используйте сокращения

Every morning, I (1) ✗ [get up] (to get up) early and (2) ✓ (to go) for walk. While I (3) ✓ (to run), I (4) ✗ [am listening] (to listen) to music. My friend Sarah usually (5) ✓ (to join) me, but today she (6) ✓ (to stay) at home because she (7) ✓ (to prepare) for the competition. After walking, I have breakfast. My favorite meal (8) ✓ (to be) oatmeal with fruits. Right now, I (9) ✓ (to cook) my breakfast and (10) ✓ (to think) about going back to school. Later, I often (11) ✓ (to meet) my friends at the park, but today I am planning to finish my homework first.

Рис. 1. Пример задания раздела «Грамматика»

2. Раздел «Письмо» (Writing) (рис. 2). Задание 13. Написание краткого аргументированного эссе (объемом 70–100 слов) на одну из заданных тем.

Напишите краткое эссе (70-100 слов) на одну из следующих тем:

1. Ваш любимый момент в течение дня, что делает его особенным?
2. Как вы проводите время в выходные?
3. Важно ли планировать своё время?

Пример структуры ответа:

1. **Введение:** Кратко представьте, о чем будет ваш текст.
2. **Основная часть:** Раскройте тему, приведите примеры.
3. **Заключение:** Подведите итог своим размышлениям.

My favorite moment of the day is to come home after university, read my favorite book, or watch a movie. Sometimes I can call my friends and tell them how I'm doing.
On weekends, I either work or spend time with friends (we go to the cinema, theaters, cafes), sometimes I go home to my family.
I think it's important to plan your day in order to be able to complete all your tasks.

Рис. 2. Пример задания раздела «Письмо»

Обратная связь экзаменационного теста реализуется при помощи проверки тестов Moodle в режиме реального времени (отзыв верный / неверный ответ,

пример верного ответа), детализированного представления отметок и комментариев преподавателя к работам со свободным вводом текста.

Система оценивания (тесты подразделов и итоговые тесты юнитов, оценка домашнего задания и работы на уроке) обеспечивает диагностику усвоения материала на текущем и итоговом этапе изучения дисциплины. Сочетание двух видов проверки знаний (автоматическая – для формальных навыков, ручная – для творческих работ) увеличивает объективность оценки. Интеграция видео-, аудио- и других медиаресурсов и интерактивных заданий (matching, gapfill) на платформе Moodle увеличивает вовлеченность студентов в образовательный процесс.

В ходе основного этапа опытно-экспериментальной работы была организована и проведена апробация разработанного электронного учебного курса «Иностранный язык (модуль 1)» в учебной группе БДЗ-24-ЦД2 (1-й курс, направление подготовки «Дизайн») на базе ФГБОУ ВО «ВВГУ» в ходе изучения дисциплины «Иностранный язык (модуль 1)». Согласно учебному плану, дисциплина изучалась в течение 18 недель при режиме учебной нагрузки – 4 академических часа в неделю, что в совокупности составило 36 аудиторных занятий. Электронный учебный курс «Иностранный язык (модуль 1)» был размещен и доступен обучающимся на образовательной платформе Moodle в рамках ЭОС ВВГУ.

В течение одного семестра преподаватели ФГБОУ ВО «ВВГУ» проводили учебные занятия по дисциплине «Иностранный язык (модуль 1)» в контрольных группах 1-го курса неязыковых направлений с использованием традиционных УМК в сочетании с ЭОР. По окончании семестра контрольные группы БПМ-24-ИА1, БРК-24-МК1, БТД-24-ИМ1, БТТ-24-ЦЛ1, БЭУ-24-1, БЮП-24-3, СП-24-ПД2, а также экспериментальная группа БДЗ-24-ЦД2 выполнили экзаменационный тест «Exam Test Иностранный язык (модуль 1)», размещенный на платформе Moodle в ЭОС ВВГУ. Результаты тестирования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты экзаменационного тестирования

Группа	Средний балл (из 20)
БПМ-24-ИА1	16,80
БРК-24-МК1	15,62
БТД-24-ИМ1	16,24
БТТ-24-ЦЛ1	16,83
БЭУ-24-1	17,10
БЮП-24-3	16,43
СП-24-ПД2	16,61
БДЗ-24-ЦД2	18,27

Используя t-критерий Стьюдента для независимых выборок, произведем расчет для опровержения или доказательства нулевой гипотезы об отсутствии

различий между средними баллами экспериментальной группы (18,27) и средним баллом контрольных групп (16,38). Экспериментальная группа (14 человек) обучалась в ЭУК Moodle. Контрольные группы (84 человека) обучались по гибридной модели (учебник + ЭОР, включая Moodle).

Исходные данные:

– экспериментальная группа (БДЗ-24-ЦД2). Количество студентов: $n_1 = 14$. Средний балл: $m_1 = 18,27$. Выборочная дисперсия (S^2_1): $S^2_1 = (1/(14 - 1)) \sum (X_i - 18,27)^2 \approx 0,2025$;

– контрольные группы (объединенные значения). Количество студентов: $n_2 = 112$. Средний балл: $m_2 = 16,38$. Выборочная дисперсия (S^2_2): $S^2_2 = (1/(112 - 1)) \sum (X_i - 16,38)^2 \approx 0,3910$.

Перед применением t-критерия Стьюдента необходимо оценить, можно ли считать дисперсии двух групп равными:

$$S^2_2 (\text{контр. группы}) = 0,3910. S^2_1 (\text{эксперим. группа}) = 0,2025.$$

Отношение дисперсий = $S^2_2 / S^2_1 = 0,3910 / 0,2025 \approx 1,93$ меньше 2, соответственно, дисперсии можно считать равными.

Стандартная ошибка среднего (SE) для каждой группы рассчитывается по формуле

$$SE = \sqrt{(S^2 / n)} \quad (2),$$

где S^2 – выборочная дисперсия группы; n – количество студентов в группе.

SE_1 (для эксперим. группа) = $\sqrt{(S^2_1 / n_1)} = \sqrt{(0,2025 / 14)} = \sqrt{0,014464} \approx 0,1203$.

$$SE_2 (\text{для контр. групп}) = \sqrt{(S^2_2 / n_2)} = \sqrt{(0,3910 / 112)} = \sqrt{0,003491} \approx 0,0591.$$

Формула для расчета t-критерия Стьюдента для двух независимых выборок с равными дисперсиями:

$$t = (m_1 - m_2) / \sqrt{(SE_1^2 + SE_2^2)},$$

$$m_1 - m_2 = 18,27 - 16,38 = 1,89,$$

$$SE_1^2 = (0,1203)^2 = 0,01447209,$$

$$SE_2^2 = (0,0591)^2 = 0,00349281,$$

$$SE_1^2 + SE_2^2 = 0,01447209 + 0,00349281 = 0,0179649,$$

$$\sqrt{(SE_1^2 + SE_2^2)} = \sqrt{0,0179649} \approx 0,1340,$$

$$t = 1,89 / 0,1340 \approx 14,10.$$

Число степеней свободы для t-критерия с равными дисперсиями рассчитывается по формуле

$$df = (n_1 + n_2) - 2,$$

$$df = (14 + 112) - 2 = 124.$$

Далее определяется степень свободы: $df = 124$. Выбираем уровень значимости $\alpha = 0,05$. Находим критическое значение t , используя таблицу критических значений t-распределения Стьюдента; для $df = 120$ и $\alpha = 0,05$ находим $t \approx 1,980$.

Сравниваем расчетное и критическое значения t : $t_{\text{расч.}} = 14,10$, $t_{\text{крит.}} = 1,980$.

Так как $t_{\text{расч.}} (14,10) > t_{\text{крит.}} (1,980)$, следовательно, отвергаем нулевую гипотезу об отсутствии различий между средними баллами экспериментальной и контрольных групп.

Разница в средних баллах экспериментальной ($M = 18,27$, $SE \approx 0,1203$) и контрольных групп ($M = 16,38$, $SE \approx 0,0591$) является статистически значимой на уровне значимости $\alpha = 0,05$ ($t(124) = 14,10$, $p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что использование электронного учебного курса привело к достоверно более высоким результатам промежуточного тестирования по сравнению с гибридным обучением.

В ходе основного и заключительного этапов экспериментальной работы были проведены диагностические тестирования для оценки уровня владения иностранным языком студентов экспериментальной группы. Динамика уровня владения иностранным языком оценивалась посредством сравнения результатов входного и итогового диагностических тестирований, проведенных до и после изучения дисциплины «Иностранный язык (модуль 1)» с использованием ЭУК «Иностранный язык (модуль 1)». Тестирование в группе из 14 человек показало результаты, представленные в табл. 3, 4.

Таблица 3

Результаты входного диагностического тестирования

Уровень владения	Количество студентов
Elementary	6
Pre-intermediate	3
Intermediate	3
Upper-intermediate	2

Таблица 4

Результаты итогового диагностического тестирования

Уровень владения	Количество студентов
Elementary	2
Pre-intermediate	6
Intermediate	4
Upper-intermediate	2

Проведенный анализ результатов входного и итогового диагностического тестирования выявляет положительную динамику: 1) значительное сокращение доли студентов на уровне Elementary: с 6 (42,9% от группы) на входном тестировании до 2 (14,3%) на заключительном. Это указывает на успешный переход значительной части студентов с базового уровня на более высокие ступени; 2) двукратное увеличение числа студентов, достигших уровня Pre-Intermediate: с 3 (21,4%) до 6 (42,9%). Данный уровень стал наиболее массовым в группе по итогам обучения, что соответствует ожидаемым результатам освоения модуля;

3) увеличение доли студентов на уровне Intermediate: с 3 (21,4%) до 4 (28,6%). Незначительный рост, тем не менее, подтверждает тенденцию к повышению уровня владения языком среди студентов группы.

Можно также отметить повышение среднего уровня группы: если на входе группа была в большей степени сконцентрирована на уровнях Elementary и Pre-intermediate (суммарно 9 чел., 64,3%), то на выходе доминирующими стали уровни Pre-intermediate и Intermediate (суммарно 10 чел., 71,4%).

Используя t-критерий Стьюдента для зависимых выборок, определим, является ли улучшение уровня владения языком у студентов экспериментальной группы от входного к итоговому тестированию статистически значимым.

Исходные данные. Для каждого студента получены парные баллы: до (входное тестирование) и после (итоговое тестирование). Рассчитаны индивидуальные разности: $d_i = \text{После} - \text{До}$. Для каждой пары наблюдений (входной и итоговой тест одного студента) вычислена разность $d_i = X_{\square_i} - X_{\square_i}$. Значения d_i приведены в последнем столбце табл. 5.

Таблица 5

Динамика уровня владения иностранным языком

Студент (i)	До ($X_{\square_i}$)	После ($X_{\square_i}$)	Разность (d_i)
1	24	31	7
2	25	33	8
3	26	35	9
4	27	36	9
5	28	38	10
6	29	39	10
7	32	41	9
8	34	44	10
9	37	46	9
10	42	22	-20
11	45	28	-17
12	48	49	1
13	52	53	1

Среднее значение разностей вычисляется по формуле

$$\bar{d} = (1/n) \sum_i d_i,$$

где n – количество студентов.

$$\sum_i d_i = 7 + 8 + 9 + 9 + 10 + 10 + 9 + 10 + 9 + (-20) + (-17) + 1 + 1 + 2 = 80,$$

$$n = 14,$$

$$\bar{d} = 80 / 14 \approx 5,714.$$

Стандартное отклонение разностей вычисляется по формуле $SD = \sqrt{[(1/(n-1)) \sum_i (d_i - \bar{d})^2]}$ (табл. 6).

Таблица 6

Расчет $\sum_i (d_i - \bar{d})^2$

d_i	$(d_i - \bar{d})$	$(d_i - \bar{d})^2$
7	$7 - 5,714 = 1,286$	$(1,286)^2 \approx 1,653$
8	$8 - 5,714 = 2,286$	$(2,286)^2 \approx 5,226$
9	$9 - 5,714 = 3,286$	$(3,286)^2 \approx 10,796$
9	$9 - 5,714 = 3,286$	$(3,286)^2 \approx 10,796$
10	$10 - 5,714 = 4,286$	$(4,286)^2 \approx 18,372$
10	$10 - 5,714 = 4,286$	$(4,286)^2 \approx 18,372$
9	$9 - 5,714 = 3,286$	$(3,286)^2 \approx 10,796$
10	$10 - 5,714 = 4,286$	$(4,286)^2 \approx 18,372$
9	$9 - 5,714 = 3,286$	$(3,286)^2 \approx 10,796$
-20	$-20 - 5,714 = -25,714$	$(-25,714)^2 \approx 661,212$
-17	$-17 - 5,714 = -22,714$	$(-22,714)^2 \approx 516,106$
1	$1 - 5,714 = -4,714$	$(-4,714)^2 \approx 22,222$
1	$1 - 5,714 = -4,714$	$(-4,714)^2 \approx 22,222$
2	$2 - 5,714 = -3,714$	$(-3,714)^2 \approx 13,794$
Σ		$\approx 1340,135$

$$\sum_i (d_i - \bar{d})^2 \approx 1340,135,$$

$$n - 1 = 14 - 1 = 13,$$

$$(1/(n-1)) \sum_i (d_i - \bar{d})^2 = 1340,135 / 13 \approx 103,0873,$$

$$SD = \sqrt{103,0873} \approx 10,153.$$

t-статистика для парного критерия вычисляется по формуле

$$t = \bar{d} / (SD / \sqrt{n}).$$

Вычисленные значения:

$$\bar{d} \approx 5,714, SD \approx 10,153, \sqrt{n} = \sqrt{14} \approx 3,7417, SD / \sqrt{n} \approx 10,153 / 3,7417 \approx 2,713,$$

$$t = 5,714 / 2,713 \approx 2,107.$$

Число степеней свободы для парного t-критерия:

$$df = n - 1,$$

$$df = 14 - 1 = 13.$$

Находим критическое значение t, используя таблицу критических значений t-распределения Стьюдента для двустороннего теста, $df = 13$ и $\alpha = 0,05$: $t_{\text{крит.}} \approx 2,160$.

Сравниваем расчетное и критическое значение t: $t_{\text{расч.}} = 2,107, t_{\text{крит.}} = 2,160$.

Так как $t_{\text{расч.}}(2,107) < t_{\text{крит.}}(2,160)$, мы не можем отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии значимого изменения среднего уровня владения иностранным языком в экспериментальной группе. Анализ индивидуальных разностей выявил два резко отрицательных значения ($d_{\square\square} = -20$, $d_{\square\square} = -17$), которые противоречат общей положительной динамике и существенно увеличивают стандартное отклонение разностей (SD), которые требуют анализа в перспективе.

Заключение

Выявлена специфика системы оценивания в электронных учебных курсах в контексте преподавания иностранного языка в вузе. На первом этапе процедуры исследования был разработан электронный учебный курс по дисциплине «Иностранный язык (модуль 1)», который реализовал принцип модульности. Структура курса (три юнита по пять подразделов с текущими и итоговыми тестами) обеспечила поэтапное формирование компетенций (от рецептивных навыков к продуктивным). Система оценивания, где 80% баллов отводится формативному контролю, 2% – суммативному, повысила прозрачность критериев оценки. Апробация курса в группе БДЗ-24-ЦД2 на базе ФГБОУ ВО «ВВГУ» выявила статистически значимое повышение академической успеваемости. Статистически значимое повышение успеваемости в экспериментальной группе ($t = 3,42$, $p < 0,05$) обосновывает целесообразность интеграции систем оценивания на базе ЭУК в преподавание иностранного языка в вузах. Замечена также положительная динамика уровня владения иностранным языком в экспериментальной группе (сокращение доли студентов на уровне Elementary с 42,9 до 14,3%), оцененная посредством сравнения результатов входного и итогового диагностических тестирований. Практическая значимость состоит в возможности использования предложенной системы оценивания в практике преподавания иностранного языка в высшей школе для оптимизации учебного процесса.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с углубленным изучением возможностей искусственного интеллекта для адаптации учебного материала и оптимизации оценивания творческих работ, разработкой мобильных версий ЭУК, а также с расширением экспериментальной базы за счет включения других дисциплин и уровней подготовки. Кроме того, актуальным направлением является анализ долгосрочного воздействия ЭУК на формирование профессиональных компетенций студентов.

Таким образом, электронные учебные курсы представляют собой перспективный инструмент модернизации языкового образования. Их внедрение способствует не только повышению качества обучения, но и формированию цифровой грамотности, что соответствует требованиям современных образовательных стандартов высшей школы и открывает новые возможности для дальнейшего совершенствования методик преподавания иностранных языков.

Список источников

1. Абрамова М. О., Филькина А. В. Оценка студентами преподавания в университетах: больше вреда или пользы? // Высшее образование в России. 2023. № 8-9 (32). С. 130–146. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-130-146
2. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б. Дистанционное образование: онлайн-прокторинг как инструмент оценки результатов обучения // Университетское управление: практика и анализ. 2023. № 2 (27). С. 5–16. DOI: 10.15826/umpra.2023.02.009
3. Данилина Е. К., Клещева Н. А. Формирование метапредметных умений в системе внеаудиторной самостоятельной деятельности студентов на основе технологии формирующего оценивания // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 9. С. 136–141. DOI: 10.17513/snt.39774
4. Chan C. K. Y. A review of the changes in higher education assessment and grading policy during COVID-19 // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2023. № 6 (48). С. 874–887. DOI: 10.1080/02602938.2022.2140780
5. Vlachopoulos D., Makri A. A systematic literature review on authentic assessment in higher education: Best practices for the development of 21st century skills, and policy considerations // Studies in Educational Evaluation. 2024. № 83. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191491X24001044> DOI: %2010.1016/j.stueduc.2024.101425 (дата обращения: 26.08.2025). DOI: 10.1016/j.stueduc.2024.101425
6. Викулина М. А., Вилкова Л. В. Формирующее оценивание как технология достижения результатов обучения иностранному языку в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33389> (дата обращения: 26.08.2025). DOI: 10.17513/spno.33389
7. Титова С. В. Оценивание проектных заданий в предметно-языковом интегрированном курсе: этапы, формы, онлайн-инструменты // Высшее образование в России. 2022. № 2 (31). С. 94–106. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-94-106
8. Muñoz-Alcón A. I. Assessing Foreign-Language Students' Speaking Performance through a Digital Platform: Challenges and Findings // Education Sciences. 2023. № 10 (13). С. 1039.
9. Mohammadi Zenouzagh Z., Admiraal W., Saab N. Empowering students' agentic engagement through formative assessment in online learning environment // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2025. № 22. URL: <https://educationaltechnologyjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s41239-024-00498-7> (дата обращения: 26.08.2025). DOI: 10.17513/spno.33389
10. Дождиков А. В. Онлайн-обучение как e-learning: качество и результаты (Критический анализ) // Высшее образование в России. 2020. № 12 (29). С. 21–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32
11. Лобова С. В., Лобов Е. В. Онлайн-курсы: принять нельзя игнорировать // Высшее образование в России. 2021. № 1 (30). С. 23–35. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-23-35
12. A systematic review of the effectiveness of online learning in higher education during the COVID-19 pandemic period / W. Meng, Yu. Lei, L. Chen [et al.] // Frontiers in Education. 2023. № 8. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/education/articles/10.3389/educ.2023.1334153/full> (дата обращения: 26.08.2025). DOI: 10.3389/educ.2023.1334153
13. Impact of online learning on students' performance and engagement: a systematic review / C. N. Akpen, S. Asaolu, S. Atobatele [et al.] // Discover Education. 2024. № 3. URL:

- <https://link.springer.com/article/10.1007/s44217-024-00253-0> (дата обращения: 26.08.2025). DOI: 10.1007/s44217-024-00253-0
14. Heil J., Ifenthaler D. Online assessment in higher education: A systematic review // *Online Learning*. 2023. № 1 (27). С. 187–218. DOI: 10.24059/olj.v27i1.3398
  15. The development and utilization of an electronic assessment software / A. Al-Ehaideb [et al.] // *Platform (KEAP): a comprehensive evaluation*. 2024. № 7 (36). С. 1043–1050. <https://doi.org/10.1016/j.sdentj.2024.05.010>
  16. Дистанционное обучение – дисбаланс возможностей и угроз / Д. А. Ендовицкий, И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский, Е. А. Руднев // *Высшее образование в России*. 2022. № 1 (31). С. 89–97. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-89-97
  17. Black P., Wiliam D. Assessment and classroom learning // *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. 1998. № 1 (5). P. 7–74.

References

1. Abramova M. O., Filkina A. V. Students' assessment of teaching at universities: more harm or benefit? *Higher education in Russia*. 2023; 8-9 (32): 130–146. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-130-146
2. Antonova N. L., Abramova S. B. Distance education: online proctoring as a tool for assessing learning outcomes. *University Governance: Practice and Analysis*. 2023; 2 (27): 5–16. DOI: 10.15826/umpa.2023.02.009
3. Danilina E. K., Kleshcheva N. A. Formation of meta-subject skills in the system of extra-curricular independent activities of students based on formative assessment technology. *Modern science-intensive technologies*. 2023; (9): 136–141. DOI: 10.17513/snt.39774
4. Chan C. K. Y. A review of the changes in higher education assessment and grading policy during COVID-19. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2023; 6 (48): 874–887. DOI: 10.1080/02602938.2022.2140780
5. Vlachopoulos D., Makri A. A systematic literature review on authentic assessment in higher education: Best practices for the development of 21st century skills, and policy considerations. *Studies in Educational Evaluation*. 2024; (83). URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191491X24001044DOI:%2010.1016/j.stueduc.2024.101425> (accessed date: 26.08.2025). DOI: 10.1016/j.stueduc.2024.101425
6. Vikulina M. A., Vilkova L. V. Formative assessment as a technology for achieving learning outcomes in a foreign language at university. *Modern problems of science and education*. 2024; (2). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33389> (accessed date: 26.08.2025). DOI: 10.17513/spno.33389
7. Titova S. V. Assessment of project tasks in a content and language integrated course: stages, forms, online tools. *Higher education in Russia*. 2022; 2 (31): 94–106. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-94-106
8. Muñoz-Alcón A. I. Assessing Foreign-Language Students' Speaking Performance through a Digital Platform: Challenges and Findings. *Education Sciences*. 2023; 10 (13): 1039.
9. Mohammadi Zenouzagh Z., Admiraal W., Saab N. Empowering students' agentive engagement through formative assessment in online learning environment. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2025; (22). URL: <https://educationaltechnologyjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s41239-024-00498-7> (accessed date: 26.08.2025). DOI: 10.17513/spno.33389
10. Dozhdikov A. V. Online learning as e-learning: quality and results (Critical analysis). *Higher education in Russia*. 2020; 12 (29): 21–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32

11. Lobova S. V., Lobov E. V. Online courses: to accept or to ignore. *Higher education in Russia*. 2021; 1 (30): 23–35. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-23-35
12. A systematic review of the effectiveness of online learning in higher education during the COVID-19 pandemic period / W. Meng, Yu. Lei, L. Chen [et al.]. *Frontiers in Education*. 2023; (8). URL: <https://www.frontiersin.org/journals/education/articles/10.3389/educ.2023.1334153/full> (accessed date: 26.08.2025). DOI: 10.3389/educ.2023.1334153
13. Impact of online learning on students' performance and engagement: a systematic review / C.N. Akpen, S. Asaolu, S. Atobatele [et al.]. *Discover Education*. 2024; (3). URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44217-024-00253-0> (accessed date: 26.08.2025). DOI: 10.1007/s44217-024-00253-0
14. Heil J., Ifenthaler D. Online assessment in higher education: A systematic review. *Online Learning*. 2023; 1 (27): 187–218. DOI: 10.24059/olj.v27i1.3398
15. The development and utilization of an electronic assessment software / A. Al-Ehaideb [et al.]. *Platform (KEAP): a comprehensive evaluation*. 2024; 7 (36): 1043–1050. <https://doi.org/10.1016/j.sdentj.2024.05.010>
16. Distance learning – imbalance of opportunities and threats / D. A. Endovitskiy, I. E. Risin, Yu. I. Treschevskiy, E. A. Rudnev. *Higher education in Russia*. 2022; 1 (31). P. 89–97. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-89-97
17. Black P., Wiliam D. Assessment and classroom learning. *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. 1998; 1 (5): 7–74.

Информация об авторах:

Пак Леонид Евгеньевич, канд. филол. наук, доцент каф. межкультурных коммуникаций и переводоведения, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2181-0259>, leonid.pak@vvsu.ru

Долгая Ева Павловна, ассистент каф. межкультурных коммуникаций и переводоведения, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4332-4578>, eva.dolgaya@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/126-142>

EDN: <https://elibrary.ru/TPUYZR>

Дата поступления:
28.08.2025

Одобрена после рецензирования:
23.10.2025

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья

УДК 378

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/143-154>

EDN: <https://elibrary.ru/ТХКСОХ>

Диагностический инструментарий оценки межкультурной компетенции в профессиональной подготовке будущих учителей иностранного языка

Пискун Александр Александрович

Машовец Светлана Павловна

Клещева Нелли Александровна

Калугина Наталья Андреевна

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Исследование посвящено проблеме адаптации существующего диагностического инструментария для оценки сформированности межкультурной компетенции у будущих учителей иностранного языка. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что большинство распространенных методик изначально не разрабатывались для специфического контекста педагогического образования в сфере иностранных языков. Осуществлен анализ как известных стандартизированных опросников (BICCI, CQS, ICSI), так и ряда авторских диагностических разработок. Целью исследования выступает оценка применимости существующего диагностического инструментария для измерения уровня сформированности межкультурной компетенции в контексте профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка. Задачи исследования: осуществить анализ современных методик диагностики межкультурной компетенции личности; выявить потенциал внедрения рассмотренных методик для оценки динамики становления межкультурной компетенции у студентов педагогических направлений подготовки. Методами исследования послужили теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, сравнительный анализ существующих диагностических методик, абстрагирование, систематизация и дедуктивный метод. В результате критического рассмотрения потенциала каждой методики с точки зрения ее экстраполяции на студенческую педагогическую выборку были сформулированы четыре ключевых условия, обеспечивающие валидность их применения: комплексное использование опросных методов для взаимной верификации данных, диверсификация методов диагностики, учет профессионально-педагогической специфики будущей деятельности, а также соблюдение баланса между измерением общей и специфической для конкретной культуры межкультурной компетенции. Полученные выводы формируют теоретико-методологический фундамент для последующего проведения диагностического этапа в рамках педагогического эксперимента.*

***Ключевые слова:** межкультурная компетенция, диагностический инструментарий, будущие учителя иностранного языка, условия диагностики межкультурной компетенции, профессиональная подготовка учителей*

***Для цитирования:** Диагностический инструментарий оценки межкультурной компетенции в профессиональной подготовке будущих учителей иностранного языка / А.А. Пискун, С.П. Машовец,*

© Пискун А. А., 2026

© Машовец С. П., 2026

© Клещева Н. А., 2026

© Калугина Н. А., 2026

Н. А. Клещева, Н. А. Калугина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 143–154. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/143-154>. EDN: <https://elibrary.ru/TXKS0X>

Original article

Diagnostic Tools for Assessing Intercultural Competence in the Professional Training of Intending Foreign Language Teachers

Aleksandr A. Piskun

Svetlana P. Mashovetc

Nelly A. Klecheva

Natalia A. Kalugina

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The present study is devoted to the problem of adapting existing diagnostic tools for assessing the development of intercultural competence among future foreign language teachers. The relevance of this problem is determined by the fact that most widespread methodologies were not originally designed for the specific context of pedagogical education in the field of foreign languages. The paper carries out an analysis of both well-known standardized questionnaires (BICCI, CQS, ICSI) and a number of author-developed diagnostic instruments. The aim of the present research is to evaluate the applicability of existing diagnostic tools for measuring the level of intercultural competence formation within the context of professional training of future foreign language teachers. The following steps served as research objectives: to conduct an analysis of contemporary methodologies for diagnosing personal intercultural competence; to identify the potential for implementing the reviewed methodologies to assess the dynamics of intercultural competence development among students in pedagogical training programs. The research methods employed include theoretical analysis of scholarly literature on the research problem, comparative analysis of existing diagnostic methodologies, abstraction, systematization, and the deductive method. As a result of critically examining the potential of each methodology from the perspective of its extrapolation onto a student pedagogical sample, four key conditions ensuring the validity of their application were formulated: comprehensive use of survey methods for mutual data verification, diversification of diagnostic methods, consideration of the professional-pedagogical specificity of future activity, and maintenance of balance between measuring general and culture-specific intercultural competence. The obtained conclusions form the theoretical and methodological foundation for the subsequent implementation of the diagnostic stage within the framework of a pedagogical experiment.*

Keywords: *intercultural competence, diagnostic tools, intending foreign language teachers, conditions for diagnosing intercultural competence, teacher professional training*

For citation: *Diagnostic Tools for Assessing Intercultural Competence in the Professional Training of Intending Foreign Language Teachers / A.A. Piskun, S.P. Mashovetc, N.A. Klecheva, N.A. Kalugina // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 143–154. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/143-154>. EDN: <https://elibrary.ru/TXKS0X>*

Введение

Формирование межкультурной компетенции учителя иностранного языка представляет собой одну из актуальных задач современной педагогической науки, что обусловлено ее определяющим влиянием на успешность профессиональной деятельности и эффективность взаимодействия с носителями иных культур [1]. В связи с этим в системе подготовки будущих учителей иностранного языка развитию данной компетенции уделяется внимание, сопоставимое с формированием лингводидактической, психолого-педагогической, методической и иных

компетенций, составляющих ядро профессиональной подготовки. Данная тенденция находит отражение в обновлении учебных планов, включении в них специализированных дисциплин (таких как «Основы межкультурной коммуникации», «Литература страны изучаемого языка» и т. д.), нацеленных на изучение и критическую рефлексию культурных особенностей народа изучаемого языка, а также в трансформации содержания традиционных языковых курсов в сторону усиления их коммуникативной направленности, применения интерактивных методов (например, элементов геймификации) и стимулирования рефлексивной деятельности студентов [2–4].

Признание межкультурной компетенции неотъемлемым компонентом профессиональной идентичности учителя иностранного языка закономерно актуализирует проблему ее диагностики и измерения. Несмотря на существование обширного арсенала методик и метрик для оценки межкультурной компетенции личности [5], данные инструменты изначально не адаптированы к специфике педагогической деятельности. Следовательно, их валидность и адекватность применительно к контексту профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка требуют отдельного методологического осмысления.

Целью исследования выступает оценка применимости существующего диагностического инструментария для измерения уровня сформированности межкультурной компетенции в контексте профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка.

Задачи исследования:

- 1) осуществить анализ современных методик диагностики межкультурной компетенции личности;
- 2) выявить потенциал внедрения рассмотренных методик для оценки динамики становления межкультурной компетенции у студентов педагогических направлений подготовки.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования выступили современные методики и диагностические инструменты, направленные на измерение уровня межкультурной компетенции личности, а также на оценку тесно коррелирующих с ней феноменов: культурного интеллекта (cultural intelligence), межкультурной чувствительности (intercultural sensitivity) и профиля разнообразия личности (diversity profile). Анализу были подвергнуты две взаимодополняющие категории источников:

- 1) научные публикации, содержащие авторские концепции и апробированные методики измерения межкультурной компетенции. В данную категорию вошли работы таких исследователей, как Л. Арасаратам [6], П. Генкова [7], Е. Г. Беляева [8], Н. П. Хомякова [9], О. Е. Хухлаев и др. [10];
- 2) конкретные стандартизированные методики, получившие распространение в психолого-педагогических исследованиях межкультурной компетенции: опросник BICCI (Beliefs about Intercultural Communicative Competence) для оценки представлений о межкультурной коммуникативной компетентности [11]; шкала CQS (Cultural Intelligence Scale) для диагностики культурного интеллекта [12]; опросник ICSI (Intercultural Sensitivity Inventory) для измерения межкуль-

турной чувствительности [13]. Перевод и адаптация названий зарубежных методик, а также их содержания выполнены авторами настоящего исследования.

Важно отметить, что в рамках данной работы был сознательно ограничен круг рассматриваемых диагностических инструментов. Такие известные методики, как Cross-Cultural Adaptability Inventory (Опросник кросс-культурной адаптивности), The Intercultural Readiness Check (Оценка готовности к межкультурному взаимодействию), Diversity Awareness Profile (Профиль осведомленности о многообразии) и The Intercultural Development Inventory (Опросник межкультурного развития), не вошли в анализ. Основной причиной их исключения стала коммерческая недоступность полных версий на момент проведения исследования на территории Российской Федерации, что делает анализ их содержания методологически неоправданным, поскольку он не предполагает возможности их практического применения в дальнейших эмпирических исследованиях в педагогической сфере.

Необходимо указать, что в рамках данного исследования акцент был сделан на анализе зарубежных количественных методик измерения межкультурной компетенции по причине их широкой апробации как в отечественных, так и международных исследованиях по оценке сформированности межкультурной компетенции. Их обширное использование позволяет опираться на накопленный массив валидизированных результатов в рамках данного исследования.

Методами исследования послужили теоретический анализ научной литературы по проблеме формирования и диагностики межкультурной компетенции в педагогическом контексте, а также сравнительный анализ существующих диагностических методик. В процессе исследования также были применены такие методы, как: абстрагирование (для выделения ключевых компонентов компетенции), систематизация (для классификации инструментария) и дедуктивный метод (для формулирования критериев применимости методик в конкретной профессиональной сфере).

Литературный обзор

В рамках работы первоочередный анализ был посвящен методике ВИСИ как наиболее релевантной предмету исследования, поскольку она направлена на непосредственное измерение межкультурной компетенции [11]. Данный инструмент опирается на пятикомпонентную модель М. Байрама, включающую знание о культуре, умение интерпретировать ее элементы, взаимодействовать с иной культурой, открытость и критическую культурную осведомленность [14].

Разработчики методики осуществляют операционализацию данной модели через четыре блока вопросов: отношение к культуре (attitudes), знания о культуре (knowledge), осведомленность (awareness) и умения (skills). Общее количество пунктов составляет 34 с использованием шкалы Лайкерта. Нами наблюдается неравномерное распределение вопросов между блоками: наибольшее их число посвящено отношению к культуре (10) и знаниям (8). Блок «умения», включающий 10 вопросов, объединяет в равной пропорции (по 5 вопросов) компоненты интерпретации и взаимодействия из оригинальной модели Байрама. Наименьшее количество пунктов (6) содержится в блоке «осведомленность».

Согласно оригинальному исследованию, дисбаланс обусловлен процедурой статистического отбора вопросов, при котором из первоначального пула в 48 пунктов (в каждом блоке было по 12 пунктов) были исключены 14, продемонстрировавших низкие показатели надежности и недостаточную факторную нагрузку. Соответственно, сохраненные автором пункты обладают удовлетворительной валидностью, что в определенной степени компенсирует указанный выше структурный недостаток и позволяет считать методику пригодной для исследовательского применения.

Данная методика прошла апробацию на выборке будущих учителей английского языка в Турции. Полученные эмпирические данные, подтвержденные статистическим анализом, свидетельствуют о ее надежности и валидности как инструмента измерения межкультурной компетенции. Разработчики подчеркивают, что специфическое преимущество данной методики, в отличие от многих аналогичных инструментов, состоит в том, что она позволяет оценивать межкультурную компетентность не только действующих, но и будущих специалистов в сфере межкультурной коммуникации и преподавания иностранного языка.

Следующей методикой, которая была нами рассмотрена, стала CQS (Cultural Intelligence Scale) [12]. Данная методика, хотя и измеряет культурный интеллект личности, может быть также изучена как инструмент формирования межкультурной компетентности, поскольку механизмы формирования культурного интеллекта и межкультурной компетенции близки друг к другу, а некоторые их элементы имеют единое начало (знание об иной культуре, отношение к иной культуре, умение взаимодействовать с иной культурой и интерпретировать ее), хотя и расставляют отличные друг от друга «акценты» [15, с. 174].

Методика CQS структурирована вокруг четырех компонентов культурного интеллекта (КИ): метакогнитивного, когнитивного, мотивационного и поведенческого [12, с. 17]. Метакогнитивный КИ отражает способность к осознанному планированию и внутреннему осознанию межкультурного взаимодействия. Когнитивный КИ включает знание норм, ценностей, социальных институтов, традиций и практик различных культур. Мотивационный КИ характеризует внутреннюю заинтересованность и направленность усилий на понимание и адаптацию к культурным различиям. Поведенческий КИ проявляется в способности гибко использовать вербальные и невербальные коммуникативные стратегии, адекватные конкретному культурному контексту.

Методика CQS включает 20 пунктов, созданных с использованием шкалы Лайкерта. Данные пункты практически равномерно распределяются между четырьмя субшкалами, отвечающими за определенный аспект культурного интеллекта (4, 6, 5 и 5 вопросов соответственно), обеспечивая сбалансированную оценку.

Следующим объектом анализа стал опросник ICSI (Intercultural Sensitivity Inventory) [13]. Выбор данной методики обусловлен тем, что измеряемый ею феномен межкультурной чувствительности имеет тесную взаимосвязь с межкультурной компетенцией, тесно коррелируя с такими ее компонентами, как открытость, готовность к взаимодействию и знание культурных особенностей [16, с. 10].

Методика состоит из 46 пунктов, сгруппированных вокруг двух шкал, оценивающих ориентацию личности по осям «индивидуализм – коллективизм» и «жесткость / закрытость – гибкость / открытость». Формат вопросов является дихотомическим.

Несмотря на свою концептуальную ценность, данный инструмент демонстрирует признаки содержательного устаревания, что является следствием значительного временного разрыва между моментом его создания и современным социокультурным контекстом. Это наглядно иллюстрируют отдельные формулировки, актуальность которых в настоящее время вызывает вопросы, например утверждение: «Советский Союз (или любые коммунистические идеи) может угрожать национальной идентичности» [13, с. 436]. В процессе адаптации подобные формулировки могут быть пересмотрены. Одним из возможных направлений модернизации является смещение фокуса с конкретных идеологических представлений на субъективное восприятие респондента, например через выявление личностно-значимых идей, воспринимаемых им как потенциально угрожающие. Такой подход позволяет сохранить диагностический потенциал вопроса, одновременно исключив устаревшие и потенциально стигматизирующие ярлыки. Таким образом, использование методики без предварительной содержательной ревизии сопряжено с методологическими рисками и подчеркивает необходимость ее критической адаптации для целей современных исследований.

В контексте поставленной проблемы целесообразно обратиться к критическому анализу существующих в психологической и педагогической науках подходов к измерению межкультурной компетенции. Как отмечают рассмотренные нами выше авторы, изолированное применение традиционных самоопросниковых методик для оценки сформированности данного интегративного качества у профессионалов обладает ограниченной валидностью. Это связано, во-первых, с действием эффекта социальной желательности, а во-вторых, с неспособностью таких инструментов оценить ситуативную эффективность выполнения конкретных задач в реальной или смоделированной иноязычной среде [7, 10]. В качестве альтернативы исследователи обосновывают необходимость проведения измерений в рамках аутентичных или специально смоделированных ситуаций межкультурного взаимодействия [9, 10]. Данный ситуативный подход находит отражение в концепции «культурно-специфической компетенции», предложенной П. Генковой и Х. Шрейбер, которая акцентирует роль контекстно-обусловленных знаний и навыков [7].

Сложность и многокомпонентность феномена межкультурной компетенции обуславливают наличие двух основных подходов к ее оценке, которые мы выделяем на основе анализа литературы:

1. *Структурный подход*, ориентированный на измерение отдельных составляющих межкультурной компетенции. Наиболее распространенной является трехкомпонентная модель, включающая когнитивный, аффективный (мотивационный) и поведенческий компоненты [6, 7, 9, 10]. Ключевое отличие от измерения культурного интеллекта заключается в практико-ориентированности данного подхода: диагностике подвергается не абстрактная способность, а готовность

и умение решать профессиональные задачи в межкультурной среде. При этом исследователи не отрицают, а операционализируют пятикомпонентную модель М. Байрама. В рамках компонентного подхода элементы модели Байрама (знания, умения интерпретации и взаимодействия, открытость, критическая осведомленность) рассматриваются как проявления, комплексно влияющие на формирование когнитивных репрезентаций, аффективного отношения и поведенческих стратегий в ситуациях межкультурного контакта.

2. *Динамический подход*, рассматривающий межкультурную компетентность как динамическую характеристику, эволюционирующую в континууме от монокультурного к поликультурному мировоззрению. В его основе лежит модель развития межкультурной чувствительности М. Беннета, адаптированная для педагогических исследований [8, с. 43]. Согласно этой интерпретации, выделяется пять последовательных стадий: отрицание (нежелание признавать культурные различия); поляризация (восприятие иной культуры через призму оппозиции «свой-чужой», часто с оценкой своей культуры как превосходящей): минимизация (универсализация, при которой глубинные культурные различия нивелируются подчеркиванием общечеловеческого сходства); принятие (признание и уважение культурных различий); адаптация (способность сознательно менять собственное поведение и коммуникативные стратегии в соответствии с нормами иной культуры). В педагогическом контексте стадия интеграции (построение мультикультурной идентичности), присутствующая в оригинальной модели, часто рассматривается как долгосрочный результат, труднодостижимый в рамках формальной образовательной программы. Поэтому стадия адаптации закономерно фигурирует в качестве оптимального прогнозируемого результата профессиональной подготовки.

Особый методический потенциал в контексте обоих рассмотренных подходов представляет метод тестов ситуационных суждений (Situational Judgment Test) [7, 10]. Его суть заключается в моделировании педагогических сценариев, требующих от респондента демонстрации понимания иной культуры, рефлексии на основе собственного культурного опыта и выбора поведенческой стратегии. Поскольку предлагаемые кейсы часто допускают множественность возможных решений, задача исследователя состоит в глубоком изучении и анализе ответов обучающегося. Данный анализ может осуществляться как через призму сформированности ключевых компонентов межкультурной компетенции, так и посредством определения стадии развития межкультурной чувствительности в рамках модели М. Беннета.

Дополнительно следует подчеркнуть, что важное значение имеет различие общей межкультурной компетенции (как отношения специалиста к иным культурам в целом) и компетенции, специфичной для конкретной культуры в определенном контексте взаимодействия [7, 9]. Подобная дифференциация позволяет в рамках исследования конкретизировать диагностические инструменты (опросники, тесты ситуационных суждений), включая в них модули, ориентированные на особенности определенной культурной среды, и тем самым перейти от анализа общей составляющей к более точной и предметной оценке.

Основная часть

Проведенный анализ существующего диагностического инструментария позволяет заключить, что рассмотренные теоретические подходы и методики обладают потенциалом для применения в оценке межкультурной компетенции у студентов педагогических направлений в области иностранного языка. Некоторые из них (например, опросник ВИСЦИ и тесты ситуационных суждений) изначально создавались конкретно под будущих учителей [10, 11]. Однако их эффективное использование обусловлено рядом специфических условий и требований, необходимых для измерения межкультурной компетенции конкретно учителей иностранных языков.

Первым условием является необходимость комплексного применения опросников ВИСЦИ, CQS, ICSI и ИОМК для всесторонней оценки межкультурной компетенции. Изолированное использование каждого из этих инструментов сопряжено с методологическими ограничениями, которые могут снизить валидность исследования. К числу таких ограничений относятся:

- 1) диспропорция в количестве вопросов, посвященных разным компонентам компетенции;
- 2) смешение в рамках одной методики диагностики общей межкультурной компетенции и компетенции, специфичной для конкретного языка и культуры;
- 3) частичное устаревание формулировок (в случае ICSI);
- 4) различные концептуальные акценты, расставляемые разработчиками.

Совместное применение данных методик, основанное на близости их методологии и схожести отдельных диагностируемых аспектов, позволяет минимизировать указанные недостатки. Комплексный подход обеспечивает более точную и многомерную оценку, так как дает возможность перекрестной верификации данных и позволяет интерпретировать результаты через призму структуры М. Байрама и обобщенной трехкомпонентной модели, лежащей в основе многих авторских разработок.

Вторым ключевым условием является диверсификация методов диагностики, т. е. переход от исключительного использования опросниковых методик к их сочетанию с методами, основанными на наблюдении и оценке реального поведения. Это обусловлено необходимостью минимизации эффекта социальной желательности, который неизбежно влияет на самоотчеты респондентов и может привести к получению значительного массива невалидных данных. Для достижения объективности оценку самоощущения студента необходимо дополнить внешним экспертным педагогическим анализом. Такой анализ может проводиться с помощью тестов ситуационных суждений, кейс-метода, ролевых игр или организации погружения в аутентичную или смоделированную иноязычную среду. Эти инструменты позволяют исследователю оценить поведенческие проявления компонентов межкультурной компетенции в условиях, приближенных к реальным, а также определить уровень развития межкультурной чувствительности студента в рамках модели М. Беннета.

Третье условие касается учета профессиональной специфики при измерении межкультурной компетенции. Поскольку становление будущего педагога неразрывно связано с освоением предметного содержания и методики его преподавания,

оценка данной компетенции у учителя иностранного языка должна выходить за рамки чисто языковых ситуаций. Критерием сформированности компетенции должна выступать способность будущего специалиста к рефлексивному анализу педагогических межкультурных дилемм, в которых проявляется взаимодействие иной и собственной культур как в его личностной позиции, так и профессиональных действиях. Целью подобной диагностики является не поиск «идеального», с точки зрения носителя иной культуры, ответа, а анализ самой логики мышлений студента, выявление степени его осознанной готовности к профессиональному межкультурному взаимодействию.

Четвертое условие связано с необходимостью соблюдения баланса между диагностикой общей межкультурной компетенции и компетенции, специфичной для конкретной культуры (культурно-специфической). Оба аспекта имеют существенное значение: общая компетенция отражает способность индивида к взаимодействию с культурным разнообразием в целом, в то время как частная демонстрирует глубину понимания и адаптивность в отношении культуры изучаемого языка. Между этими уровнями также может наблюдаться диссонанс: высокий уровень общей компетенции, основанный на широкой эрудиции и опыте взаимодействия с мировой культурой, может сочетаться с недостаточной сформированностью компетенции в конкретном культурном контексте страны изучаемого языка.

Следовательно, в практическом плане представляется целесообразным комбинированное использование рассмотренных методик. Опросник CQS может быть применен для оценки общей составляющей (культурного интеллекта), методика ICSI полезна для анализа установок в рамках конкретных культурных дихотомий, а опросник VICCI, интегрирующий оба аспекта, может служить связующим звеном, обеспечивающим целостность диагностической картины.

Таким образом, соблюдение четырех описанных условий обеспечивает методологическую корректность и практическую применимость существующего диагностического инструментария для оценки межкультурной компетенции у будущих учителей иностранного языка.

Заключение

Проведенный теоретико-методологический анализ существующего диагностического инструментария позволяет перейти к следующему этапу исследования, а именно к эмпирической апробации методик измерения межкультурной компетенции у будущих учителей иностранного языка в рамках планируемого педагогического эксперимента. Соблюдение сформулированных условий проведения диагностики призвано обеспечить высокую точность и валидность получаемых данных, что создаст надежную основу для последующей разработки и коррекции педагогической модели формирования данной компетенции с учетом использования технологий искусственного интеллекта.

При этом следует подчеркнуть, что непосредственному применению методик должна предшествовать доработка целостной и внутренне согласованной диагностической системы. Ее структурная организация необходима для формирования взаимосвязи между методами диагностического инструментария с целью исключения устаревших, нерелевантных или дублирующих друг друга формулировок и заданий.

Список источников

1. Межкультурная компетентность и самоэффективность учителя в мультикультурной среде / О.С. Павлова, О.Е. Хухлаев, А.А. Бучек [и др.] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19, № 1. С. 45–60. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-1-45-60
2. Пашковская Н. Д., Киреева И. А., Михеева Л. Д. Педагогические условия формирования рефлексии у студентов на дистанционных занятиях по иностранному языку в высшей школе // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 100-1. С. 87–90. DOI: 10.18411/trnio-08-2023-21
3. Резунова М.В. О формировании межкультурной иноязычной профессионально-ориентированной компетентности // Стратегия и тактика подготовки современного педагога в условиях диалогового пространства образования: сб. науч. ст. Брянск: РИО БГУ; Полиграмм-Плюс, 2020. С. 193–199.
4. Хлыбова М. А. Применение геймификации в процессе изучения иностранного языка в вузе // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/08PDMN122.pdf> (дата обращения: 27.12.2025).
5. Шестова Ю.О. Инструменты измерения уровня межкультурной компетенции: обзор зарубежных исследований // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-2. С. 273–276.
6. Arasaratnam L. A. The Development of a New Instrument of Intercultural Communication Competence // Journal of Intercultural Communication. 2009. Vol. 9 (2). P. 1–8. URL: https://www.researchgate.net/publication/313559817_The_development_of_a_new_instrument_of_intercultural_communication_competence (дата обращения: 23.12.2025). DOI: 10.36923/jicc.v9i2.478
7. Genkova P., Schreiber H. Measuring intercultural competence – A review and introduction of the Cult Euro 1 test for intercultural competence // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2025.1621499/full> (дата обращения: 25.12.2025). DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1621499
8. Беляева Е.Г. В поисках инструмента измерения межкультурной компетенции // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: сб. ст. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф. (Нижегород, 19–20 апреля 2022 г.). Нижний Новгород: Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 41–44.
9. Хомякова Н.П. Контрольно-оценочные инструменты измерения сформированности межкультурной компетенции нефилологов (на примере юристов) // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. 2013. № 12 (672). С. 114–123.
10. Измерение межкультурной компетентности педагога: разработка и апробация Теста ситуационных суждений ТСС-МКК / О.Е. Хухлаев, О.С. Павлова, Э.Р. Хакимов [и др.] // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 6. С. 46–57. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260603>
11. Duisembekova Z. Beliefs about Intercultural Communicative Competence: The Development and Validation of a New Instrument // International Journal of Instruction. 2021. Vol. 14 (2). P. 103–116. URL: https://www.researchgate.net/publication/350560926_Beliefs_about_Intercultural_Communicative_Competence_The_Development_and_Validation_of_a_New_Instrument (дата обращения: 23.12.2025). DOI: 10.29333/iji.2021.1427a
12. Dyne L. V., Ang S., Koh C. Development and Validation of the CQS // Cultural Intelligence Center. 2015. P. 16–38. URL: https://culturalq.com/wp-content/uploads/2019/03/Van-Dyne_Ang_Koh-Handbook-Ch-2-CQS-Scale-1.pdf (дата обращения: 23.12.2025).

13. Bhawuk D., Brislin R. The Measurement of Intercultural Sensitivity Using the Concept of Individualism and Collectivism // *International Journal of Intercultural Relations*. 1992. Vol. 16. P. 413–436. URL: https://www.researchgate.net/publication/223873467_The_Measurement_of_Intercultural_Sensitivity_Using_the_Concept_of_Individualism_and_Collectivism (дата обращения: 02.01.2026). DOI: 10.1016/0147-1767(92)90031-0
14. Waliński J. Enhancing intercultural communicative competence in an online collaborative assessment environment: CEFcult project // *Corpus Data across Languages and Disciplines*. Frankfurt. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/282504595_Enhancing_intercultural_communicative_competence_in_an_online_collaborative_assessment_environment_CEFcult_project/figures?lo=1 (дата обращения: 01.01.2026).
15. Корякина А. А. Межкультурная компетентность и культурный интеллект в социофилозофском аспекте (на основе зарубежных исследований) // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2025. № 2 (83). С. 171–177. DOI: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.017
16. Тимохович А. Н. Межкультурная чувствительность в научной среде: результаты исследования // *Primo Aspectu*. 2025. № 1 (61). С. 9–15. DOI: 10.35211/2500-2635-2025-1-61-9-15

References

1. Intercultural competence and teacher self-efficacy in a multicultural environment / O. S. Pavlova, O. E. Khukhlaev, A. A. Buchek [et al.]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2022; 19 (1): 45–60. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-1-45-60
2. Pashkovskaya N. D., Kireeva I. A., Mikheeva L. D. Pedagogical conditions for developing reflection among students during online foreign language classes in higher education. *Trends in Science and Education*. 2023; (100-1): 87–90. DOI: 10.18411/trnio-08-2023-21
3. Rezunova M. V. On the formation of intercultural foreign-language professionally oriented competence. *Strategy and Tactics of Training Modern Teachers in the Context of Dialogic Educational Space*. Bryansk: BGSU Publishing; Poligramm-Plus; 2020. P. 193–199.
4. Khlybova M. A. Application of gamification in foreign language learning at university. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2022; 10 (1). URL: <https://mirnauki.com/PDF/08PDMN122.pdf> (accessed date: 27.12.2025).
5. Shestova Yu. O. Tools for measuring intercultural competence: Review of foreign studies. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2019; (65-2): 273–276.
6. Arasaratnam L. A. The development of a new instrument of intercultural communication competence. *Journal of Intercultural Communication*. 2009; 9 (2): 1–8. URL: https://www.researchgate.net/publication/313559817_The_development_of_a_new_instrument_of_intercultural_communication_competence (accessed date: 23.12.2025). DOI: 10.36923/jicc.v9i2.478
7. Genkova P., Schreiber H. Measuring intercultural competence – A review and introduction of the Cult Euro 1 test for intercultural competence. *Frontiers in Psychology*. 2025; (16). URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2025.1621499/full> (accessed date: 25.12.2025). DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1621499
8. Belyaeva E. G. In search of an instrument for measuring intercultural competence. *Variability and Standardization of Language Education in Non-Linguistic Universities*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University; 2022. P. 41–44.
9. Khomyakova N. P. Assessment tools for measuring the formation of intercultural competence among non-philologists (lawyers as an example). *Bulletin of Moscow State Linguistic University*. 2013; 12 (672): 114–123.

10. Measuring teachers' intercultural competence: Development and testing of the Situational Judgment Test SJS-ICC / O. E. Khukhlaev, O. S. Pavlova, E. R. Khakimov [et al.]. *Psychological Science and Education*. 2021; 26 (6): 46–57. DOI: 10.17759/pse.2021260603
11. Duisembekova Z. Beliefs about intercultural communicative competence: The development and validation of a new instrument. *International Journal of Instruction*. 2021; 14 (2): 103–116. URL: https://www.researchgate.net/publication/350560926_Beliefs_about_Intercultural_Communicative_Competence_The_Development_and_Validation_of_a_New_Instrument (accessed date: 23.12.2025). DOI: 10.29333/iji.2021.1427a
12. Van Dyne L., Ang S., Koh C. Development and validation of the CQS. *Cultural Intelligence Center*. 2015: 16–38. URL: https://culturalq.com/wp-content/uploads/2019/03/Van-Dyne_Ang_Koh-Handbook-Ch-2-CQS-Scale-1.pdf (accessed date: 23.12.2025).
13. Bhawuk D., Brislin R. The measurement of intercultural sensitivity using the concept of individualism and collectivism. *International Journal of Intercultural Relations*. 1992; (16): 413–436. URL: https://www.researchgate.net/publication/223873467_The_Measurement_of_Intercultural_Sensitivity_Using_the_Concept_of_Individualism_and_Collectivism (accessed date: 02.01.2026). DOI: 10.1016/0147-1767(92)90031-O
14. Walinski J. Enhancing intercultural communicative competence in an online collaborative assessment environment: CEFcult project. *Corpus Data across Languages and Disciplines. Frankfurt*. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/282504595_Enhancing_intercultural_communicative_competence_in_an_online_collaborative_assessment_environment_CEFcult_project/figures?lo=1 (accessed date: 01.01.2026).
15. Koryakina A. A. Intercultural competence and cultural intelligence in socio-philosophical perspective (based on foreign research). *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*. 2025; 2 (83): 171–177. DOI: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.017
16. Timokhovich A. N. Intercultural sensitivity in academic environment: Research findings. *Primo Aspectu*. 2025; 1 (61): 9–15. DOI: 10.35211/2500-2635-2025-1-61-9-15

Информация об авторах:

Пискун Александр Александрович, аспирант, ассистент Департамента образовательных технологий в русской и зарубежной филологии Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, piskun.aa@dvfu.ru

Машовец Светлана Павловна, д-р пед. наук, профессор, профессор Департамента социально-гуманитарного образования и образовательной политики Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, mashovetc.sp@dvfu.ru

Клещева Нелли Александровна, д-р пед. наук, профессор Департамента общей и экспериментальной физики Института наукоемких технологий и передовых материалов, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, klenel@mail.ru

Калугина Наталья Андреевна, д-р пед. наук, профессор Департамента педагогики и психологии развития Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, kalugina.na@dvfu.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/143-154>

EDN: <https://elibrary.ru/TXKSOX>

Дата поступления:
26.01.2026

Одобрена после рецензирования:
12.02.2026

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья

УДК 377.2

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/155-168>

EDN: <https://elibrary.ru/VGQTKW>

Модель подготовки участковых уполномоченных полиции к индивидуальной профилактической работе с поднадзорными лицами в системе профессиональной служебной подготовки

Шевляков Александр Сергеевич

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург. Россия

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме совершенствования профессиональной подготовки участковых уполномоченных полиции к осуществлению индивидуальной профилактической работы с лицами, находящимися под административным надзором, в рамках профессиональной служебной подготовки. Актуальность темы обусловлена наличием существенного профессионального дефицита у сотрудников полиции в психолого-педагогической и коммуникативной сферах, высокой социальной значимостью эффективной профилактики и недостаточной разработанностью соответствующих педагогических моделей. В ходе исследования выявлены ключевые дефициты в компетентности участковых уполномоченных полиции (психолого-педагогической, социально-педагогической, коммуникативной), детерминирующие необходимость системного подхода к служебной подготовке. Определена стратегическая цель: формирование комплексной профессиональной компетенции, интегрирующей правовые, социально-психологические и ценностно-смысловые компоненты. Разработано содержательное наполнение модели, включающее когнитивный, мотивационно-ценностный и деятельностный компоненты, и обосновано ее процессуально-методологическое обеспечение (этапы, формы, методы обучения). Внедрение разработанной модели будет способствовать переходу от карательно-контрольной парадигмы к модели педагогического сопровождения, что в конечном счете повысит эффективность профилактической работы, будет содействовать ресоциализации поднадзорных лиц и укреплению правопорядка.*

***Ключевые слова:** участковые уполномоченные полиции, административный надзор, индивидуальная профилактическая работа, профессиональная подготовка, педагогическая модель, педагогическое моделирование*

***Для цитирования:** Шевляков А. С. Модель подготовки участковых уполномоченных полиции к индивидуальной профилактической работе с поднадзорными лицами в системе профессиональной служебной подготовки // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 155–168. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/155-168>. EDN: <https://elibrary.ru/VGQTKW>*

Original article

Model of training district police officers for individual preventive work with supervised persons in the system of professional official training

Alexander S. Shevlyakov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

St. Petersburg. Russia

© Шевляков А. С., 2026

Abstract. *The article is devoted to the actual problem of improving the professional training of district police officers to carry out individual preventive work with persons under administrative supervision. The relevance of the topic is due to the significant professional deficit of police officers in the areas of psychology, pedagogy, and communication, the high social significance of effective prevention, and the insufficient development of appropriate pedagogical models. The study identified key deficits in the competence of district police officers (psychological, pedagogical, social, and communicative), which determine the need for a systematic approach to training. The strategic goal has been determined: the formation of a comprehensive professional competence that integrates legal, socio-psychological, and value-semantic components. The content of the model has been developed, including cognitive, motivational-value, and activity components, and its procedural and methodological support (stages, forms, and methods of teaching) has been substantiated. The implementation of the developed model will contribute to the transition from a punitive and control-oriented paradigm to a pedagogical support model, which will ultimately increase the effectiveness of preventive work, promote the resocialization of supervised individuals, and strengthen law enforcement.*

Keywords: *district police officers, administrative supervision, individual preventive work, professional training, pedagogical model, pedagogical modeling*

For citation: *Shevlyakov A. S. Model of training district police officers for individual preventive work with supervised persons in the system of professional official training // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 1. P. 155–168. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/155-168>. EDN: <https://elibrary.ru/VGQTKW>*

Введение

Актуальность темы исследования. Современная социально-правовая реальность Российской Федерации характеризуется повышенными требованиями к системе обеспечения общественной безопасности. Ключевую роль в решении этой задачи играет эффективная профилактическая деятельность органов внутренних дел, в частности индивидуальная профилактическая работа с лицами, находящимися под административным надзором (далее – поднадзорные лица). Несмотря на законодательное закрепление данной функции за участковыми уполномоченными полиции (далее – УУП), на практике ее реализация сталкивается с системными трудностями, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Во-первых, актуальность работы вызвана наличием существенного профессионального дефицита у сотрудников полиции. Как выявлено в исследовании, текущий уровень подготовки УУП зачастую не соответствует комплексному характеру профилактической работы. Налицо недостаточная сформированность психолого-педагогической, социально-педагогической и коммуникативной компетенций. Это приводит к формализации профилактики, неспособности выстраивать доверительные субъект-субъектные отношения с поднадзорными лицами, а в конечном счете – к низкой эффективности ресоциализации и росту рецидивной преступности. Существующие программы подготовки делают избыточный акцент на правовом компоненте, оставляя без внимания педагогические и психологические аспекты деятельности [1].

Во-вторых, актуальность исследования определяется высокой социальной значимостью результативности профилактической работы. Ее неэффективность не только не решает проблемы ресоциализации поднадзорных лиц, но и способствует эскалации социальной напряженности, подрывает доверие граждан к правоохранительным институтам. В условиях необходимости укрепления

правопорядка возникает острая потребность в качественном преобразовании педагогической составляющей деятельности УУП, переходе от карательно-контрольной парадигмы к модели педагогического сопровождения и социально-психологической поддержки [2].

В-третьих, актуальность работы связана с недостаточной научно-методической разработанностью моделей подготовки сотрудников полиции к реализации именно педагогических функций. Необходим целостный, системный подход к формированию профессиональной компетенции УУП, интегрирующей не только правовые знания, но и ценностно-смысловые установки, навыки педагогического общения, диагностики и проектирования индивидуальных профилактических маршрутов. Требуют решения вопросы методологического обеспечения данного процесса, внедрения интерактивных, практико-ориентированных образовательных технологий и диагностического инструментария для оценки формируемых компетенций [3].

Проблема исследования заключается в противоречии между острой общественной потребностью в эффективной индивидуальной профилактической работе УУП с поднадзорными лицами и недостаточной теоретической и методической разработанностью модели их профессионально-педагогической подготовки, которая комплексно учитывала бы междисциплинарный характер данной деятельности и была направлена на формирование целостного профессионально-личностного компетентностного профиля.

Цель исследования: разработать, теоретически обосновать и структурно представить нормативную педагогическую модель профессиональной подготовки УУП к осуществлению индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами, отвечающую требованиям ингерентности, наглядности, инструментальности и адекватности практико-ориентированной цели.

Задачи исследования:

1) выявить и систематизировать ключевые дефициты в профессионально-педагогической компетентности УУП, препятствующие эффективной профилактической работе;

2) определить стратегическую цель и структурные компоненты формируемой комплексной профессиональной компетенции УУП;

3) обосновать теоретико-методологическое содержание и разработать содержательное наполнение педагогической модели подготовки УУП к индивидуальной профилактической работе с поднадзорными лицами.

Объект исследования – профессиональная подготовка УУП.

Предмет исследования: содержание, структура и методическое обеспечение модели профессионально-педагогической подготовки УУП к индивидуальной профилактической работе с поднадзорными лицами.

Методы исследования: педагогическое моделирование; системный анализ; теоретический анализ философской, психолого-педагогической, юридической и методической литературы; структурирование и классификация. *Методологическую основу исследования* составляют деятельностный, гуманитарно-антропологический и андрагогический подходы.

Основная часть

Методологической основой построения модели выступило педагогическое моделирование, интерпретированное как инструмент мысленного воспроизведения ключевых характеристик реального объекта для получения нового знания и преобразования педагогической реальности. В соответствии с целью исследования была избрана нормативная модель по классификации А.М. Новикова [4], призванная служить ориентиром и эталоном для преобразования образовательной практики. К модели были предъявлены требования ингерентности (соответствия условиям реализации), наглядности, инструментальности и адекватности практико-ориентированной цели.

Метод моделирования в педагогических исследованиях является важным инструментом познания, позволяющим осуществлять научный анализ и проектирование образовательных процессов. Он основан на построении идеализированных моделей, репрезентирующих структуру, функции и динамику педагогических систем в упрощенном виде. Это дает возможность изучать закономерности функционирования и развития этих систем в контролируемых условиях, абстрагируясь от второстепенных факторов.

В педагогике моделирование применяется для системного анализа процесса обучения и воспитания, моделирования педагогического взаимодействия, проектирования образовательных программ и педагогических технологий, а также для прогнозирования результатов инновационной образовательной деятельности. Данный метод способствует переходу от эмпирического описания педагогических явлений к целенаправленному и доказательному их исследованию и преобразованию [5].

Требования интегративности и адекватности в организации образовательного процесса актуализируют ключевую целевую установку исследования: развитие профессиональной готовности УУП к осуществлению индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами.

Для достижения адекватности содержания и процесса подготовки указанных специалистов необходима реализация четкой структурно-иерархической модели, в которой базовым, фундаментальным элементом выступает личностно-ценностный компонент (усвоение профессионально-этических норм, ценностных ориентаций и смыслов служебной деятельности). На этой основе формируется когнитивно-деятельностный компонент – «надстройка», включающий систему профессиональных знаний и комплекс практико-ориентированных умений и методов, направленных на познание, анализ и преобразование профессиональной ситуации [6].

Таким образом, процесс подготовки должен быть выстроен по принципу восхождения от ценностного самоопределения к инструментально-технологической вооруженности.

В соответствии с этой аксиоматикой была разработана модель профессиональной подготовки УУП к индивидуальной профилактической работе с поднадзорными лицами (рис. 1).

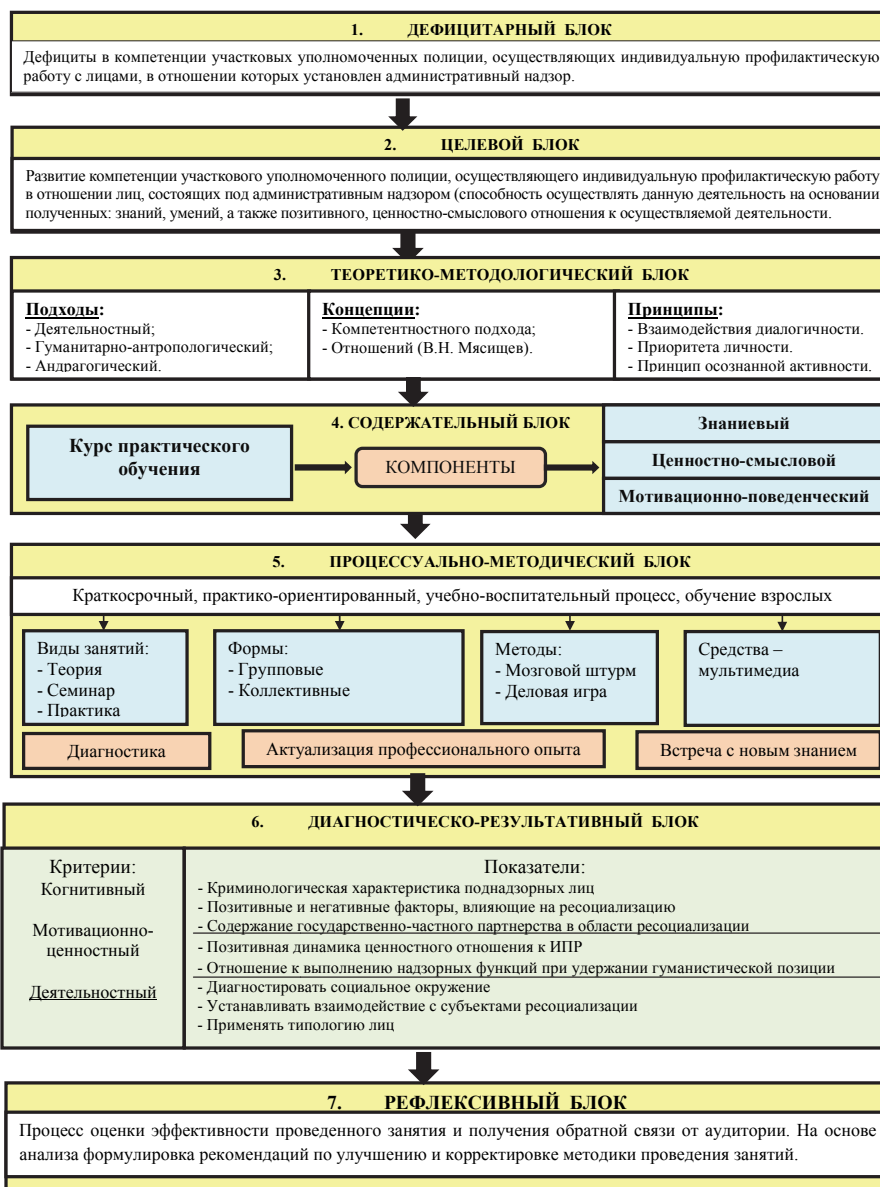

Рис. 1. Модель профессиональной подготовки участковых уполномоченных полиции к индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор

Разработанная модель представляет собой комплекс взаимосвязанных структурных блоков, отражающих системный подход к подготовке специалистов.

Дефицитарный блок

В современной образовательной среде индивидуальная профилактическая работа с поднадзорными лицами требует повышенного педагогического внимания. УУП выступают ключевыми субъектами данного процесса, однако их профессионально-педагогическая компетентность зачастую не полностью соответствует образовательному запросу и требованиям данной деятельности. Выявленные дефициты в компетенциях могут нивелировать эффективность педагогического воздействия и снижать уровень социального доверия к правоохранительным органам.

Ключевым дефицитом компетенции является недостаточная психолого-педагогическая подготовка. Специалисты регулярно взаимодействуют с лицами, находящимися в состоянии психологической дезадаптации, аффекта или агрессии, что требует владения педагогическими технологиями управления конфликтами и навыками педагогического общения. Отсутствие сформированных умений в области психолого-педагогического сопровождения и консультативного взаимодействия приводит к неконструктивным образовательным результатам: эскалации напряженности и деформации взаимоотношений между полицией и населением.

В данном образовательном контексте возникает актуальная методическая потребность во внедрении научно-методического обеспечения на стыке психологии, педагогики и конфликтологии в программы профессиональной служебной подготовки УУП. Это позволит сформировать у них необходимый компетентностный профиль и повысить качество педагогической составляющей профессиональной деятельности, диагностировать ключевые пробелы в подготовке УУП: недостаточную психолого-педагогическую и социальную компетентность, низкий уровень коммуникативных навыков и стрессоустойчивости, что приводит к формализации профилактической деятельности [7].

Следующим значимым дефицитом в компетентностном профиле специалистов является недостаточная оснащенность знаниями в области социальной педагогики. Профилактическая деятельность в отношении данной категории лиц носит комплексный, междисциплинарный характер и требует выхода за сугубо правовое поле в область социально-педагогического сопровождения. От сотрудника требуется умение проводить социально-педагогическую диагностику – анализировать социальный контекст, выявлять потребностно-мотивационную сферу поднадзорных лиц и зоны их актуального и ближайшего развития, а также проектировать на этой основе индивидуальные образовательно-профилактические маршруты. Несформированность данных профессиональных действий приводит к риску формализации педагогического воздействия и его низкой образовательной и социальной эффективности.

Кроме того, остро ощущается дефицит развитых коммуникативных компетенций. Эффективное педагогическое взаимодействие основывается на сознательном выстраивании субъект-субъектных отношений и создании атмосферы доверия. Для этого сотруднику необходимо владеть техниками активного слушания, демонстрировать эмпатийную позицию и обладать высоким уровнем коммуникативной толерантности для работы с разнородным контингентом.

Отсутствие данных социально-психологических умений ведет к педагогическим барьерам, отчуждению и блокировке обратной связи со стороны клиента, что в конечном счете нивелирует весь профилактический потенциал взаимодействия.

Таким образом, выявленные дефициты в профессионально-педагогической компетенции УУП, осуществляющих индивидуальное профилактическо-педагогическое сопровождение поднадзорных лиц, детерминируют необходимость применения системного и компетентностного подхода к их нивелированию.

Для формирования целостного профессионального профиля требуется педагогическое проектирование и интеграция в образовательный процесс специализированных программ (курсов) практического обучения [8]. Данные программы должны быть насыщены такими содержательными модулями, как:

- психолого-педагогический блок, направленный на формирование навыков педагогической коммуникации и бесконфликтного взаимодействия;
- социально-педагогический модуль, обеспечивающий освоение основ социально-педагогической диагностики и технологий социального сопровождения;
- практико-ориентированный тренинг, нацеленный на развитие эмпатийной позиции и рефлексивных способностей.

Лишь при условии реализации такой комплексной образовательной траектории и целенаправленного формирования соответствующих профессиональных компетенций участковые уполномоченные смогут реализовывать свой педагогический и профилактический потенциал в полной мере, что в конечном счете будет способствовать достижению метапредметных результатов в виде укрепления правопорядка и общественной безопасности.

Целевой блок

Развитие профессионально-педагогической компетенции УУП, осуществляющего индивидуальное профилактическо-педагогическое сопровождение поднадзорных лиц, представляет собой ключевую образовательно-развивающую задачу в контексте обеспечения общественной безопасности. В условиях современного общества, характеризующегося высокой динамичностью и поликультурной социальной средой, образовательный запрос к профессиональной подготовке и компетентностному профилю сотрудников правоохранительных органов приобретает особую актуальность.

Профилактическая деятельность в отношении данной категории лиц носит комплексный, междисциплинарный характер и предполагает переход от чисто контрольно-надзорной позиции к модели педагогического сопровождения. Данная модель интегрирует социально-психологическую поддержку, процессы социализации и социально-педагогической адаптации. Таким образом, современный профессионал должен обладать не только предметными (юридическими) знаниями, но и метапредметными компетенциями, включающими:

- навыки психолого-педагогического консультирования;
- умение сознательно выстраивать субъект-субъектные доверительные отношения;
- владение диагностическими и прогностическими методами для анализа и проектирования траектории коррекции поведения.

Кроме того, модель педагогического сопровождения определяет стратегическую цель – развитие комплексной профессиональной компетенции УУП, интегрирующей правовые, социально-психологические и ценностно-смысловые компоненты, направленной на эффективную профилактику и ресоциализацию.

Ключевым элементом построения индивидуальной образовательной траектории УУП выступает непрерывное профессиональное развитие в системе профессиональной служебной подготовки. Данный процесс предполагает содержательное обогащение учебных программ за счет углубленного изучения междисциплинарного комплекса, включающего криминологию, психологию, социологию и право.

Значительный дидактический потенциал содержит организация коллективных форм обучения – профессиональных коммуникативных практик в формате конференций и семинаров, способствующих трансляции педагогического опыта и формированию профессионального обучающегося сообщества [9].

Стратегическим направлением модернизации профилактической деятельности становится интеграция инновационных образовательных технологий и цифровых педагогических инструментов. Внедрение современных аналитических платформ и информационно-учебных сред позволяет реализовать индивидуализированный мониторинг и проектирование профилактических вмешательств на основе анализа больших данных.

Центральное место в построении профессионально-педагогического профиля УУП занимает целенаправленное развитие коммуникативных компетенций. Сознательное выстраивание субъект-субъектного взаимодействия с гражданами, установление эмпатийного контакта и проектирование доверительных отношений составляют ключевой диагностический и коррекционный компонент профилактической деятельности. Эффективность педагогического вмешательства в данной парадигме напрямую зависит от владения техниками активного (рефлексивного) слушания, ведения продуктивного диалога и медиации конфликтных ситуаций через нахождение консенсусных решений.

Система профессионального становления должна включать параллельную работу над личностно-профессиональным развитием специалиста. Педагогически организованная рефлексия направлена на культивирование личностных метакачеств: эмоционального интеллекта (включая эмпатию), персональной ответственности, психологической устойчивости и ценностно-смысловой ориентированности. Сформированность данной личностной основы является фундаментом для внутренней учебной и профессиональной мотивации, способствует профессиональной самореализации и в конечном счете детерминирует качество и эффективность практической деятельности.

Теоретико-методологический блок

Модель профессионально-педагогической подготовки УУП к осуществлению индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами представляет собой многоуровневую образовательную систему, интегрирующую современные методологические подходы и концептуальные основания, направленные на развитие целостного профессионально-личностного компетентного профиля.

Теоретико-методологический блок данной модели включает:

- деятельностный подход, акцентирующий учебно-практическую активность обучающегося;
- гуманитарно-антропологический подход, ориентированный на развитие личностного потенциала;
- андрагогические принципы организации обучения взрослых;
- концепцию компетентностного подхода как целевой ориентир;
- психолого-педагогическую концепцию отношений В. Н. Мясищева;
- принципы диалогического взаимодействия как основу коммуникации.

Реализация деятельностного подхода в образовательном процессе предполагает проектирование учебных ситуаций, требующих активной субъектной позиции обучающихся. В контексте подготовки правоохранителей это выражается в создании условий для апробации и рефлексии профессиональных действий через:

- имитационно-моделирующие технологии (симуляции, кейс-стади);
- методы интерактивного обучения (ролевые игры, тренинги);
- практико-ориентированные форматы (стажировки, полевые проекты).

Данный подход обеспечивает глубину усвоения материала через непосредственное проживание профессионального опыта и развитие метапредметных умений.

Гуманитарно-антропологический подход акцентирует личностно-ориентированный характер образовательного процесса, направленный на развитие ценностно-смысловых ориентаций и нравственно-этических установок обучающихся. В рамках данного подхода осуществляется целенаправленная педагогическая работа по развитию профессионально-значимых личностных качеств: социальной ответственности, правосознания, толерантности и безусловного уважения к правам и достоинству личности [10].

Андрагогический подход фокусируется на специфике образовательного процесса взрослых, базируясь на принципах самонаправленности, опоры на жизненный опыт и учета мотивационных особенностей. При подготовке сотрудников полиции это реализуется через создание условий для саморегулируемого обучения и вовлечение обучающихся в проектирование индивидуальных образовательных траекторий [11].

Методологический инструментарий андрагогического подхода включает:

- проблемно-ориентированное обучение;
- проектные формы организации учебной деятельности;
- рефлексивные практики;
- технологии самооценки и самооценки.

Данные методы способствуют формированию субъектной позиции обучающихся, развитию учебной автономии и повышению ответственности за результаты образовательной деятельности.

Концепция компетентностного подхода предполагает, что целевым ориентиром образовательного процесса является формирование интегративных компетенций, обеспечивающих успешное решение профессионально-педагогических задач.

Концепция отношений В. Н. Мясищева актуализирует значимость субъект-субъектного взаимодействия как ключевого условия образовательного процесса

[12]. Данный подход способствует становлению профессиональной идентичности через освоение норм правовой культуры и формирование готовности к конструктивному социальному взаимодействию.

Принципы диалогического взаимодействия предполагают проектирование образовательной среды на основе паритетных субъект-субъектных отношений, взаимного педагогического доверия и ценностно-смысловой кооперации между преподавателем и обучающимися. В контексте подготовки правоохранителей это реализуется при помощи:

- создания условий для рефлексивного диалога;
- внедрения интерактивных форматов обучения;
- развития критического мышления через проблематизацию учебного содержания.

Принцип антропоцентричности (личностного приоритета) предполагает смещение фокуса профилактической деятельности с административно-контрольных функций на педагогическое сопровождение личности поднадзорного. Ключевыми аспектами становятся:

- учет индивидуального социально-биографического контекста;
- диагностика ценностно-мотивационной сферы;
- выявление зон актуального и ближайшего развития.

Принцип осознанной активности и самоуправления трансформирует роль участкового уполномоченного из контролера в фасилитатора процессов саморазвития. Реализация принципа включает:

- стимулирование целеполагания и саморефлексии;
- развитие навыков самоконтроля и саморегуляции;
- развитие ответственности за жизненные выборы.

Данный подход обеспечивает переход от внешнего контроля к внутренней саморегуляции и способствует становлению субъектной позиции поднадзорного в процессе ресоциализации.

Содержательный блок

Содержательный блок структурно соответствует описанным методологическим основаниям; включает три взаимосвязанных компонента:

1) когнитивный компонент, предполагающий развитие системы профессиональных знаний:

- криминологическая характеристика контингента поднадзорных лиц;
- специфика девиантного поведения и криминогенных факторов;
- психолого-педагогические условия ресоциализации;

2) мотивационно-ценностный компонент, направленный на развитие профессиональной позиции, развитие ценностного отношения к профилактической деятельности как социально значимой практике, развитие гуманистической профессиональной позиции, основанной на вере в реабилитационный потенциал личности;

3) деятельностный компонент (как интегративный результат обучения), включающий:

- способность к типологизации поднадзорных лиц на основе педагогической диагностики;

- умение выявлять и анализировать социальное окружение обучаемого;
- владение технологиями межведомственного взаимодействия.

Таким образом, педагог обязан формировать условия для трансформации отношения УУП к индивидуальной профилактической деятельности, что включает углубление знаний в данной сфере и эмоциональное принятие научно обоснованных методов работы. Это в конечном счете способствует изменению мотивационно-поведенческой составляющей обучающихся.

Процессуально-методологический блок

Краткосрочный образовательный модуль практико-ориентированной направленности представляет собой дидактически организованный процесс, нацеленный на развитие профессионально-педагогических компетенций через интенсивное погружение в предметную область. Данный процесс характеризуется высокой степенью интерактивности, концентрацией на прикладных аспектах и ориентацией на оперативное достижение образовательных результатов [13].

Виды учебных занятий включают: лекционные формы (информационно-иллюстративные методы), направленные на развитие теоретико-методологического фундамента, семинарские занятия (репродуктивно-поисковые методы), а также практические занятия, которые организованы как пространство проблемного диалога и направлены на анализ кейсов и моделирование профессиональных ситуаций. Дидактическая ценность данного подхода заключается в комплексном сочетании рецептивных и продуктивных методов, что обеспечивает взаимодополняемость теоретической подготовки и практического освоения профессиональной деятельности и описывает организацию образовательного процесса через совокупность форм (лекции, семинары, практикумы), методов и средств (мультимедийные технологии), реализуемых в логике диагностического, теоретического и практико-рефлексивного этапов.

Формы организации учебной деятельности включают групповой и коллективный форматы. Групповая работа обеспечивает условия для реализации дифференцированного подхода с учетом индивидуальных профессиональных дефицитов и личностных особенностей обучающихся. Коллективные формы обучения направлены на формирование навыков кооперативной деятельности, развитие профессиональной рефлексии через взаимобмен практическим опытом, что составляет основу формирования профессионального сообщества.

Процессуально-методологический блок модели подготовки включает три взаимосвязанных этапа образовательной деятельности:

- диагностико-проектировочный этап, направленный на проведение входного мониторинга профессиональных компетенций, выявление зон актуального и ближайшего развития, а также проектирование индивидуальных образовательных траекторий с учетом выявленных дефицитов;
- этап интериоризации нового знания, предполагающий формирование теоретико-методологического фундамента через систему лекций и семинаров, организованных на принципах проблемного изложения и диалогического взаимодействия;

– этап актуализации и апробации опыта, ориентированный на интеграцию теоретических знаний с практической деятельностью через применение интерактивных методов обучения, обеспечивающих перенос компетенций в профессиональный контекст.

Данный подход создает условия для качественного преобразования профессиональной деятельности УУП и повышения эффективности профилактической работы через системное развитие профессионально-педагогических компетенций.

Диагностическо-результативный блок

Диагностическо-результативный блок определяет критериальную базу и инструментарий для оценки достижения планируемых результатов обучения (тесты, контент-анализ эссе, решение ситуационных задач, различные методики и т. д.), соотнесенных с каждым компонентом содержания образования.

Рефлексивный блок

Рефлексивный блок в структуре модели подготовки УУП представляет собой системообразующий элемент образовательного процесса, обеспечивающий педагогический мониторинг и коррекцию учебной деятельности. Его основная функция заключается в организации диалогической обратной связи между субъектами образовательного процесса, направленной на повышение эффективности развития профессиональных компетенций и оптимизацию содержательно-методических компонентов подготовки.

Механизмы реализации рефлексивного компонента включают диагностико-аналитические процедуры, позволяют осуществлять мониторинг образовательной удовлетворенности, выявляют степень релевантности учебных материалов профессиональным потребностям, оценивают качество дидактического сопровождения и способствуют формированию индивидуальных стратегий профессионального развития. Данный блок трансформирует традиционную систему обратной связи в инструмент педагогического проектирования, позволяющий осуществлять динамическую коррекцию образовательной траектории на основе данных рефлексивной диагностики.

Заключение

Проведенное исследование позволило разработать, теоретически обосновать и структурно представить нормативную педагогическую модель профессиональной подготовки участковых уполномоченных полиции к индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых осуществляется административный надзор.

Выявлены и систематизированы ключевые дефициты в профессионально-педагогической компетентности УУП. Установлено, что основными препятствиями для эффективной профилактической работы являются недостаточная психолого-педагогическая подготовка, несформированность навыков социально-педагогической диагностики и проектирования индивидуальных маршрутов, а также низкий уровень коммуникативных компетенций, что в совокупности приводит к формализации профилактической деятельности. Определена стратегическая цель и структурные компоненты формируемой компетенции.

Целью подготовки является развитие комплексной профессиональной компетенции, интегрирующей не только правовые знания, но и ценностно-смысловые установки, а также социально-психологические и педагогические умения, направленные на эффективную профилактику и ресоциализацию.

Следующим этапом исследования является апробация и верификация разработанной модели в условиях реального образовательного процесса в рамках профессиональной служебной подготовки УУП в территориальных подразделениях МВД России.

Список источников

1. Илакавичус М. Р., Шевляков А. С. Педагогические основы подготовки УУП к индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, в дополнительном профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-3. С. 135–138.
2. Злоказов К. В. Социально-психологический подход к адаптации лиц, находящихся под административным надзором: анализ зарубежного опыта // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2023. № 1(97). С. 205–214.
3. Курбатова О. В. Профессионально-педагогическая компетентность сотрудников органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 322–327.
4. Новиков А. М. Методология образования. Москва: Эгвес, 2006. 489 с.
5. Котлярова И. О. Метод моделирования в педагогических исследованиях: история развития и современное состояние // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Образование. Педагогические науки. 2019. Т. 11, № 1. С. 6–20.
6. Колесникова И. А. Андрагогические основы профессионального развития личности // Основы андрагогики. Москва: ИЦ «Академия», 2003. С. 40–57.
7. Шевляков А. С. Чему учить участковых уполномоченных полиции, занимающихся административным надзором? // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4, № 2. С. 273–286.
8. Вызулин Е. А. Проектирование педагогической деятельности в современной системе дополнительного профессионального образования // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 3. С. 12–16.
9. Зубарев С. Н. Дидактический потенциал коммуникативной компетенции // Вестник РМАТ. 2015. № 1. С. 111–118.
10. Илакавичус М. Р. Гуманитарно-антропологический подход как основа организации профессионального воспитания представителей профессий служения // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 3 (49). С. 86–93.
11. Галстян Р. Р. О значимости андрагогического подхода в профессиональной подготовке сотрудников полиции. Достоинства и риски // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 октября 2024 г.). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ун-т МВД РФ, 2024. С. 83–87.
12. Мясичев В. Н. Личность и неврозы. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1960. 426 с.
13. Шевляков А. С. Теоретическая основа исследования дополнительного профессионального образования участковых уполномоченных полиции, осуществляющих административный надзор // Теория и практика социогуманитарных наук. 2025. № 1 (29). С. 54–60.

References

1. Ilakavichus M. R., Shevlyakov A. S. Pedagogical Foundations of Preparing Specialists for Individual Preventive Work with Persons Under Administrative Supervision in Additional Professional Education. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2024; (85-3): 135–138.
2. Zlokazov K. V. Socio-psychological approach to the adaptation of persons under administrative supervision: analysis of foreign experience. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023; 1 (97): 205–214.
3. Kurbatova O. V. Professional and pedagogical competence of employees of internal affairs bodies. *Bulletin of economic security*. 2016; (4): 322–327.
4. Novikov A. M. Methodology of Education. Moscow: Egves; 2006. 489 p.
5. Kotlyarova I. O. The method of modeling in pedagogical research: history of development and current state. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences*. 2019; 11 (1): 6–20.
6. Kolesnikova I. A. Andragogical foundations of professional personality development. *Fundamentals of andragogy*. Moscow: IC "Academy"; 2003. P. 40–57.
7. Shevlyakov A. S. What to teach district police officers involved in administrative supervision? *Russian Deviantological Journal*. 2024; 4 (2): 273–286.
8. Vyzulin E. A. Designing pedagogical activity in the modern system of additional professional education. *Bulletin on Pedagogy and psychology of Southern Siberia*. 2015; (3): 12–16.
9. Zubarev S. N. Didactic Potential of Communicative Competence. *Bulletin of the Russian Military Academy of Strategic Studies*. 2015; (1): 111–118.
10. Ilakavichus M. R. Humanitarian and Anthropological Approach as a Basis for Organizing Professional Education for Service Professions. *Scientific and Pedagogical Review*. 2023; 3 (49): 86–93.
11. Galstyan R. R. On the Significance of the Andragogical Approach in the Professional Training of Police Officers. Advantages and Risks. *Pedagogy and Psychology in the Activities of Law Enforcement Officers: Integration of Theory and Practice: materials of the International Scientific and Practical Conference (Saint Petersburg, October 24, 2024)*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2024. P. 83–87.
12. Myasishchev V. N. Personality and Neuroses. Leningrad: Leningrad State University Press; 1960. 426 p.
13. Shevlyakov A. S. Theoretical basis for the study of additional professional education of police district commissioners carrying out administrative supervision. *Theory and Practice of Social and Human Sciences*. 2025; 1 (29): 54–60.

Информация об авторе:

Шевляков Александр Сергеевич, адъюнкт, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, aleksandrshvliakov@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/155-168>

EDN: <https://elibrary.ru/VGQTKW>

Дата поступления:
11.07.2025

Одобрена после рецензирования:
27.10.2025

Принята к публикации:
16.02.2026

Научная статья

УДК 340.12

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/169-184>

EDN: <https://elibrary.ru/VSBAQE>

Кокутай в философско-правовой традиции Японии: история и современная интерпретация

Марков Сергей Михайлович

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
Хабаровск. Россия

***Аннотация.** Рассматривается эволюция концепции кокутай как центрального философско-правового конструкта японской идеологии конца XIX – середины XX в., ее конвертация в теорию кокумин. Предметом исследования выступают понятие и принципы кокутай и их философско-правовая оценка; особое внимание уделяется концептуальному анализу кокка синто, или «великому учению» государственного синтоизма. В качестве методологии используются герменевтика и семиотика, теория политического мифа Э. Кассирера, Р. Барта, А.Ф. Лосева, в качестве источников – классическая японская литература и государственно-правовые документы; также задействованы формально-логические методы (топика, индукция, дедукция, аналогия, анализ и синтез, абстрагирование), позволившие выявить особенности государственной идеологии синто и ее трансформацию в идеологию кокумин. В результате проведенных исследований было выявлено, что кокутай и ее принципы формируются через синтез синтоистской мифологии, неоконфуцианской этики, древних японских традиций дзэн-буддизма и далее закрепляются в конституции Мэйдзи, политической сфере как кокка синто, или государственном синтоизме. Использованная методология и методы позволили обосновать тезис о том, что институционализация кокка синто происходила через образовательные программы, воспитание патриотического духа самураев, культ императора, коллективные семейные ценности, кокугаку, государственную символику (хризантема, флаг, язык, храмовая культура синто Исэ и Ясукуни). Особая роль в кокутай отводится обоснованию японского милитаризма и агрессивной внешней политике XX в. на примере идеологии «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания». В качестве выводов показано, что, хотя официальная идеология кокутай была отвергнута после Второй мировой войны, ее этико-культурные основания продолжают формировать японскую идентичность и национальное сознание в новой теории кокумин. Кокутай как философско-правовой феномен сохраняет релевантность не столько в политической, сколько в культурно-ментальной сфере, оказывая скрытое влияние на внутреннее самосознание и «дипломатию мягкой силы» в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Полученные в исследовании результаты могут быть полезны и использованы в философии права, теории права и государства, политологии, дипломатической службе и в качестве практических рекомендаций для дипломатов и политиков АТР.*

***Ключевые слова:** кокутай, кокумин, кокугаку, японская идентичность, кокка синто, менталитет, национализм, Мэйдзи, Хирохито, Япония*

***Для цитирования:** Марков С. М. Кокутай в философско-правовой традиции Японии: история и современная интерпретация // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государ-*

.....

Law sciences

.....

Original article

Kokutai in the philosophical and legal tradition of Japan: history and modern interpretation

Sergey M. Markov

The Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
Khabarovsk, Russia

Abstract. This article examines the evolution of the concept of kokutai as a central philosophical and legal construct of Japanese ideology in the late 19th and mid-20th centuries, and its transformation into kokumin theory. The research focuses on the concept and principles of kokutai and their philosophical and legal assessment, with particular attention paid to the conceptual analysis of kokka Shinto, or the "great teaching" of State Shinto. The methodology used is hermeneutics and semiotics, the theory of political myth by E. Cassirer, R. Barthes, A.F. Losev, and classical Japanese literature and state and legal documents are used as sources. Formal logical methods (topics, induction, deduction, analogy, analysis and synthesis, abstraction) are also used, which made it possible to identify the features of the state ideology of Shinto and its transformation into the ideology of kokumin. As a result of the research, it was revealed that kokutai and its principles are formed through the synthesis of Shinto mythology, neo-Confucian ethics, and the ancient Japanese traditions of Zen Buddhism, and are further enshrined in the Meiji Constitution, in the political sphere as kokka Shinto, or state Shintoism. The methodology and methods used made it possible to substantiate the thesis that the institutionalization of kokka Shinto occurred through educational programs, the cultivation of the patriotic spirit of the samurai, the cult of the emperor, collective family values, kokugaku, state symbols (chrysanthemum, flag, language, the Shinto temple culture of Ise and Yasukuni). Kokutai places a special emphasis on justifying Japanese militarism and aggressive foreign policy in the 20th century, using the ideology of the Greater East Asia Co-Prosperty Sphere as an example. The conclusion demonstrates that although the official ideology of kokutai was rejected after World War II, its ethical and cultural foundations continue to shape Japanese identity and national consciousness in the new kokumin theory. Kokutai as a philosophical and legal phenomenon retains relevance not so much in the political as in the cultural and mental sphere, exerting a hidden influence on internal self-awareness and "soft power diplomacy" in the countries of the Asia-Pacific region (APR). The results obtained in the study can be useful and used in the philosophy of law, the theory of law and state, political science, diplomatic service and as practical recommendations for diplomats and politicians in the Asia-Pacific region.

Keywords: kokutai, kokumin, kokugaku, Japanese identity, State Shinto, mentality, nationalism, Meiji, Hirohito, Japan

For citation: Markov S.M. Kokutai in the philosophical and legal tradition of Japan: history and modern interpretation // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 8 № 1. P. 169–184. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/169-184>. EDN: <https://elibrary.ru/VSBAQE>

Введение

Концепция кокутай (*kokutai*) представляет собой комплекс философско-правовых принципов единения власти и народа, формировавших на протяжении от конца XIX до середины XX в. японскую идентичность. Центральным элементом кокутай является мифологизация императорской власти через провозглаше-

ние императора прямым потомком синтоистской богини солнца Аматэрасу и первого императора Дзимму. С политической точки зрения ядром нового мировоззрения становится этика неоконфуцианства.

Становление государственно-правовой идеологии кокутай происходило под влиянием синто, буддизма школы Махаяны, конфуцианства и переосмысления древних японских мифов. Из синтоизма заимствована связь между богами, человеком и природой, что обнаруживается в идеях гармонии, порядка и уважения к предкам, основополагающих для японского традиционного и современного общества. Буддизм привнес концепции кармы, перерождения, сострадания и стремления к просветлению, но конвертируемые и адаптированные под национальные мифологемы дзэн-буддизма, что способствовало развитию духовного совершенствования через шесть правил парамиты. Идеи конфуцианства в кокутай пропагандировали идеологическую иерархию, почитание старших, лояльность и соблюдение долга. В конечном счете соединение этих учений привело к формированию уникальной японской философско-правовой идеологии и национальной этики эпохи Мэйдзи, в которой гармония, иерархия, долг, любовь к своей истории стали играть фундаментальную роль в формировании японской идентичности, выразившейся в термине 国民 (*кокумин*), что буквально переводится как «народ» и «страна». Хотя, конечно, семантика термина намного сложнее, так как для японцев он воспринимается как нечто особенное в национальном мышлении и этике поведения.

В этот период страна модернизировалась, заимствуя западные технологии и политические институты. Вместе с тем для укрепления национальной идентичности необходимо было использовать свою собственную философию и культуру, которые обосновали бы в общественном мнении авторитет верховной власти в единстве с подданными. Для этой цели была выбрана концепция кокутай. Императорская Конституция Мэйдзи (1889) формально закрепила (легитимизовала) концепцию кокутай и власть императора, подчеркивая его божественное происхождение («...сын Неба страны, где восходит солнце...») и роль верховного правителя [1, с. 104]. Как говорится в гл. I § 3, «Личность императора священна и неприкосновенна», а в § 1 Конституции Мэйдзи, составленной по прусской модели Ито Хиробуми, провозглашается вековечность Великой Японской империи и императорской власти, «непрерывной на протяжении вековечных лет».

В качестве определения кокутай мы возьмем дефиницию и ее признаки, представленные в публикациях и диссертации О. В. Язовской: «Концепция кокутай – государственная мифология, или идеология, императорской Японии конца XIX – середины XX веков, описывающая специфическую национальную сущность японского народа в официальных юридических документах, прежде всего в Конституции Мэйдзи и сфере образования, которая основывается на власти династии божественных императоров, а также на миссии японского народа указывать другим странам Восточной Азии и Дальнего Востока истинный путь исторического развития» [2, с. 42; 3, с. 11].

Как отмечает Джеймс Мак-Клейн, в 1930–1940-е гг. прошлого века в период усиления милитаризма и национализма концепция кокутай была использована

для оправдания агрессивной внешней политики и мобилизации страны на войну. Император был представлен, согласно первой главе «Император» Конституции Японии 1889 г., как верховный главнокомандующий и духовный лидер нации, что в конечном счете привело к трагическим последствиям Второй мировой войны [4, с. 303].

В новой Конституции (1947) концепция кокутай была пересмотрена. Она лишила императора политической власти, оставив за ним роль символа государства. В статье 1 переосмысливается политическая функция императора: «Император является символом государства и единства народа», «его статус определяется волей народа» [5]. Преданность императору была заменена преданностью Конституции и демократическим принципам, но, как нам представляется, главные идеологемы кокутай сохранились, видоизменившись в новую идеологию японской идентичности. В современной Японии концепция кокутай продолжает оказывать влияние на общество в виде культурных ценностей кокумин, традиций и норм поведения. Уважение к старшим, стремление к гармонии, трудолюбие, чувство долга и коллективизм – важные аспекты японской культуры, унаследованные от кокутай, – в наше время продолжают играть мировоззренческую роль в формировании национального сознания японцев, поддерживая восприимчивость этноса к своей мифологической истории и культуре.

В современной философско-правовой литературе понятие «*кокутай*» (国体 *kokutai*), как правило, интерпретируемое как «национальная сущность» или «государственный организм», занимает центральное место в дискурсе о японской политической и правовой культуре. Среди западных ученых-востоковедов хотелось бы отметить Б. Эрхарта, Дж. Нельсона, К. Антони, Рут Бендикт; среди японских ученых – Като Хироюки, Цунэцугу Мураока, Мотоори Норинага, Ямагути Сатоси, Кунио Янагита. Особо отметим социалистические увлечения в кокутай Тэрудзиро Кито. В российской японистике – Л. М. Ермакову, А. Н. Мещерякова, Е. М. Дьяконову, А. А. Накорчевского, Г. Е. Комаровского, В. В. Кожевникова, В. Э. Молодякова, О. В. Язовскую и др. В качестве методологии используются теории мифа Э. Кассирера, Р. Барта, К. Антони, А. Ф. Лосева.

В основном теория кокутай изучается через призму ее взаимоотношений с японскими традициями, мифами синто, религией, идеологией, культом императора, патриотизмом, милитаризмом. Наконец, кокутай олицетворяется с кризисом власти середины XX в. Но кокутай как национальная философско-правовая теория (идеология) и ее принципы не исследуются. Так, аргюи считается, что термин кокутай закреплен в Конституции Мэйдзи, однако с юридической точки зрения в ней его нет. Более того, в § 28 Конституции 1889 г. формально закреплено свободное вероисповедание.

Основная часть

Первый иероглиф *коку* читается как «страна», «государство», «нация», «отечество», «дом», что в сочетании примерно соответствует европейскому понятию «национальная идея». Акцент делается на денотатах термина (территория, страна, государство, император). Второй иероглиф *тай* (体) читается как *karada*, переводится буквально «тело», но в европейском смысле воспринимается

как «организм» или «институт». Однако с точки зрения семиотики *karada* следует понимать как субстанцию, состоящую из базовых принципов синто. Поэтому, если внимательно читать внутренний текст, получается, что кокутай – это духовно-телесная субстанция японской государственности, при этом сами японцы в период окончательного оформления теории отказались от трактовки «организма» как ее сущности. Все перечисленные смыслы имеют значение тогда, когда мы расшифровываем на западный манер концепт «кокутай».

Теория кокутай появилась на японской идеологической арене на закате эпохи Эдо. Ее основные принципы были впервые сформулированы в Императорском рескрипте об образовании от 30.10.1890 г. (Shiryō Kyōiku Chokugo: Kanpatsujī oyobi Kanren Shoshiryō), или «Манифест об образовании». В этом году наступил новый этап превращения Мэйдзи, или «просвещенного правления», в общенациональный символ национального прогресса. Как отмечает А. Н. Мещеряков, рескрипт об образовании провозглашал приоритет исключительно японских (синто) моральных ценностей и их первенство перед законом, верноподданнический акт почитания японского народа императору, процветание императорского дома, вечного как Небо и Земля [6, с. 381–384]. Синто – это «путь богов», императора и его подданных [7, с. 11–13]. При этом здесь синто следует воспринимать не как древнюю японскую мифологию, а как государственное синто, т.е. идеологию, разработанную Хирата Ацутанэ (1776–1843) и Аидзава Сэйсисай (1782–1863). Для понимания принципов кокутай надо различать синто как: 1) мифологию; 2) идеологию.

В этой инструкции впервые была сформулирована государственная программа в сфере образования в духе воспитания патриотизма и традиционных японских ценностей, основанных на государственной идеологии *синто* в школах и университетах. Составленный на 315 кандзи (225 знаков на одном листе), *синто* представлял собой методические указания (предписания) в области воспитания молодежи в духе уважения к императору и истории страны, но пока еще включал в себя главные конфуцианские семейные ценности. В целом он ориентировался на нравственные ценности и национальные добродетели, любовь к отечеству, почитание императора как верховного божества. Если коротко, рескрипт выражался в пяти принципах: «жэнь», «и», «ли», «чжи», «синь» (человеколюбие, долг, справедливость, почтительность, церемониал, ритуал, мудрость, благонадежность и вера). Принципы в манифесте как бы подразумевались, но терминология отсутствовала. Их толкование в духе национальных идеалов входило в обязательность учителям. Так, сначала были представлены главные философско-правовые принципы кокутай.

В семантике «жэнь» – два контекста, состоящих из двух китайских черт: нож и сердце. Если нож вонзается в сердце, человек должен терпеть ради долга перед высшими благами (отечеством, императором, семьей). Это образно отражает состояние, когда, встречаясь со словесными или же другими нападениями, раздражающими душу, человек должен сдерживать себя и не позволять своему гневу и негодованию возобладать над своим разумом.

Вышеуказанные принципы включают в себя широкий круг правил, регламентирующих, по существу, все сферы общественной жизни, начиная от семьи до государственных обязанностей. Так, через их сочетание можно осмыслить долг самурая, или кодекс, перед государем, решившим сделать хакари. «Жэнь» реализуется через «ли» (почтительность, социальные нормы общежития и регламент, церемониал) плюс «и» (долг и справедливость). В контексте японского синто «жэнь» понимается через совокупность всех денотатов термина. В целом, как считает А. А. Накорчевский, конфуцианская риторика, начиная с поэта и законодателя раннего Эдо Хаяси Радзан, становится неотъемлемой частью синто, затем и государственного синто, а с Ямадзаки японская мифология (синто) излагается на языке конфуцианства [7, с. 349]. Иными словами, говорит Хаяси Радзан, путь Богов и путь Конфуция – это два явления одной сущности [7, с. 351].

Концепция кокутай была сформулирована лишь в 1937 г. в период расцвета «великого учения синто», как верно считает О. В. Язовская [2, с. 39, 40; 8, с. 513, 514]. Концептуально она была выражена в так называемых «кардинальных принципах кокутай-но хонги» (*kokutai-no honggi*), представлявших собой инструкцию по применению государственной идеологии в сфере воспитания и образования. Окончательно концепция оформилась в документе Министерства образования Японии 1941 г. «Синмин-но мито», или «Путь подданных», своеобразной Библии для японского народа, утверждавшей божественное происхождение императора и его власти и правила поведения, основанные на исторических и семейных традициях в духе государственного синто [9]. В этом документе концепция кокутай оценивалась как истинная японская религия и идеология. Так, школьникам рекомендовали учить наизусть отрывки из древних японских легенд «Кодзики», «Нихон Сёки», «Манъёсю» с тем, чтобы правильно воспитывать в себе дух почитания отечества, императора и семьи. Как считает О. В. Язовская: «Целью данных указаний было представление национальной сущности на государственном уровне как наиболее древней, родившейся ещё в эпоху древних Богов, когда создавался мир и был задан порядок государственности» [2, с. 40]. По мнению востоковеда, «инструкции» *кокутай-но хонги* впервые открыто представили государственное синто как идеологию милитаристской и ультранационалистической пропаганды через мифологизацию мифов о земле богов с императором в качестве духовного лидера нации [8, с. 514].

Концепт кокутай в эпоху Мэйдзи и до середины XX в. – онтологическая и аксиологическая интерпретация теории единения власти и общества на основе модернизированных на европейский лад японских традиционных ценностей, в целом – национальной культуры объединения власти и народа в неразрывное мировоззренческое целое. Император, согласно концепции кокутай, не просто олицетворял власть как политический институт или авторитет, он представлял ее божественное, прежде всего синтоистское, начало. Поэтому верность и богопочитание, закрепленные в Конституции Мэйдзи, воспринимались высшей добродетелью и священным долгом всех подданных империи.

В эпоху революции Мэйдзи (1868–1889) на национальном уровне для идеологического обоснования кокутай была разработана государственная религия *кокка синто* («великое учение»), или государственный синтоизм (был и есть сейчас императорский синто). Ее основной целью было возрождение культа императора взамен поклонения сёгунам Токугава и философско-правовое обоснование единения власти и народа посредством пропаганды древних японских традиций. Синто стал повсеместно внедряться как философско-политическая идеология, впрочем, от иерархических ценностей конфуцианства не отказываясь окончательно. Японская империя, как пишет востоковед Е. Андерсен (Emily Anderson), понимала патриотизм как религиозную преданность императорскому роду, чему должно было способствовать государственное синто [10, с. 19].

С.Г. Бишарова отмечает, что синто следует понимать не только как религию, но и комплекс национальных, мировоззренческих и философских ценностей, с древнейших времен и в XXI в. оказывающих влияние на формирование (развитие) особого национального менталитета. «...Феномен синто не только связан с древнейшими верованиями, но, в большей степени, обнаруживает свое воздействие на новое синтоистское мировоззрение... и формирование... ментальности человека традиционной японской культуры» [11, с. 15, 16]. Как справедливо пишет автор, в современной Японии в последнее время наблюдается новый интерес к традициям синто. В данном контексте следует добавить точку зрения дальневосточного востоковеда В.В. Кожевникова: «Когда мы говорим о Японии, важно иметь в виду, что синто – стержень японского менталитета. Эти особенности необходимо учитывать в рамках традиционного религиозного самосознания японцев» [12, с. 167].

Отметим основные философско-правовые принципы государственного синтоизма (*кокка синто*), оказавшиеся в центре теории кокутай. Но сначала напомним, что основателем кокутай считается философ-конфуцианец школы Мито Аидзава Сэйсисай (1782–1863), или Ясуси, разработавший в своих трактатах «Новая теория» («Синрон») онтологическое обоснование императорской власти; суть трактатов сводится к идеологической иерархии подчинения всех бюрократических механизмов этой идеологии во внешней и внутренней политике [13, с. 89]. Кстати, это тот самый Ясуси (Сэйсисай), который написал первый трактат о Курильских островах.

Культ императора (*тэнно*), или тэнноизм, логично интерпретировать как олицетворение телесной и духовной субстанций верховной власти в лице императора, объявлявшегося прямым потомком богини Аматаэрасу. Как считает Т.Г. Сила-Новицкая, «...миф о божественном происхождении императора базируется на синтоистском постулате о кровном родстве императорской династии с богиней солнца Аматаэрасу [14, с. 34]. Учение *тэнно* было создано в рамках кокутай как «социальная мифология, активно использовавшая традиционные духовные ценности» [Там же], с целью разработки национальной идеологической догматики. «Тэнноизм возводил учение об уникальном общественном устройстве Японии в степень синтоистской догматики кокутай, возвышая его до уровня религиозной веры...» [Там же, с. 35].

«Тэнноистско-синтоистская культура» (Кэндзабуро Оэ) особенно пропагандировалась в школах. Все школы были укомплектованы портретами императора Мэйдзи, под которыми учителя обязаны были проводить воспитательные мероприятия и зачитывать рескрипты по патриотическому воспитанию. Но «в отличие от Европы, изображения императора нельзя было видеть каждый день. Он хранился в специально запертой на ключ комнате... Хранилище императорского портрета выполняло роль синтоистского святилища (наподобие зеркала Исэ. – Прим. С. М.). Изображения императора предьявлялись... только во время государственных праздников – точно так же, как синтай предьявлялся верующим лишь во время ритуалов» [6, с. 435, 436].

С культом императора непосредственно связан японский национализм. Как справедливо отмечает в своих очерках Кэндзабуро Оэ, речь идет об ортодоксальном, или довоенном, национализме. Всемирно известный писатель характеризует его через синто, «религию, уходящую корнями в древность, или японскую космологию», в эпоху Мэйдзи, отделившуюся от буддизма [15, с. 262]. В его основе – «тэнноистско-синтоистская культура» (15, с. 264). Довоенный (ортодоксальный) национализм, считает Кэндзабуро Оэ, есть идеология людей, «...чувствующих себя неотделимыми и основательно связанными с японским государством... Это национализм людей, считающих себя чем-то вроде органов (кокутай. – Прим. С. М.), которые незамедлительно погибнут, если отделить их от тела (кокутай. – Прим. С. М.), коим является японское государство» [16, с. 61, 62]. Часто в своих очерках и эссе японский писатель характеризует его как «национальное высокомерие», в том числе над коренным народом японских островов, например в запретах использовать в школах окинавский диалект.

В кокутай появляется тезис о семье-нации (*ямато-кодзоку*), когда японский народ объявлялся большой семьей во главе с патером нации (тэнно), что в буквальном переводе означает «небесный хозяин». Япония провозглашалась особой цивилизацией со своей собственной мифологической историей и утопическим будущим в пантеоне синтоистских божеств. Как результат, построение особого государства-нации в Восточной Азии и на Тихом океане. Почитание древней японской мифологии сопровождалось обязательным чтением таких литературных памятников, как «Кодзики» и «Нихон сёки».

Кокутай отразился в японоведении *国学* (*кокугаку*) – изучение японской истории, где центральной темой введено *когуки* – учение об императоре, развившейся первоначально из философии неоконфуцианских школ примерно в XVII в. Например, исследование «Повести о Гэндзи» и «Записок о деяниях древностей» («Кодзики»). Наиболее яркий их представитель – Ханава Хокиити (1746–1821), японский ученый-энциклопедист, с которого начинается в кокутай всеобщее поклонение синтоистскому храму Исэ и главной его святыне – императорскому зеркалу *Ята-но кагами*, объявленному высшим государственным храмом Японии. Кроме Исэ, государственными храмами, рангами ниже, были установлены императорское святилище (*кампэйся*), для чиновников – *кокухэйся*, а для народа – *кокуси* («рядовые святилища»). Согласно принятой в конце XIX в.

серии законов об охране мира и общественного порядка, синтоистские священники объявлялись государственными служащими, а храмы подчинялись Министерству внутренних дел.

«Великая история Японии» («Дай Нихон си») – коллективный сборник философии истории кокугаку XVIII в. школы Мито с идеологическим обоснованием божественного происхождения императорской власти, охватывающий историю Японии от мифического императора Дзимму (VII век н.э.) до императоров XIV в. и превратившийся в кокутай в учебное пособие реставраторов Мэйдзи. Можно сказать, что *кокугаку* было основано Кэйтю и Адзумамамаро; название дано в 1715 г. Токугавой Цунаэда. В эпоху Мэйдзи «Дай Нихон си» рекомендовалось для учащихся школ и университетов. Интересно заметить, что его популярность отмечается и в современной Японии.

«Великая восточноазиатская сфера сопроцветания» в Восточной Азии и на Тихом океане (GEACPS) эпохи императора Хирохито 30–40 годов XX в., или японский национализм, всегда была в первую очередь особым продуктом государственной идеологической политики кокутай. Главная заявленная в документе цель заключалась в обеспечении экономической самодостаточности и сотрудничестве между азиатскими государствами, а также в противодействии западному империализму и советскому коммунизму; в действительности – пропаганда исключительно японских ценностей и мировоззрений. Официально документ утвердился на Токийской конференции 5–6 ноября 1943 г. как концепция «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания». Несмотря на заявленную цель укрепления азиатского сотрудничества, конференция носила пропагандистский характер. Согласно мнению Ивабути, Японии предлагала азиатским странам привлекательный идеологический продукт кокутай с лидирующей ролью метрополии, аргументируя свой подход тем, что «...Японию и Азию объединяет опыт *«гибридной» модернизации*». По сути, это означало, что «японский опыт может стать моделью для других азиатов...» [17, с. 23].

В теоретическом плане «японское сопроцветание» состояло из шести пунктов: 1) обеспечение постоянной стабильности в Восточной Азии; 2) дружеские отношения с соседними государствами и соблюдение принципов международной справедливости; 3) совместная защита от коммунизма; 4) формирование новой культуры; 5) экономическая сплоченность и сотрудничество; 6) обеспечение мира во всем мире. Обращают на себя внимание в этой демагогии пп. 3 и 4, явно нацеленные по продвижению кокутай во внешней политике. Ее онтологическое обоснование коротко выразил американский историк Джон Доуэр (John W. Dower): идеология «духовной сущности» Азии как противопоставление «материалистической цивилизации» Запада [18, с. 204].

С философско-правовой точки зрения японские милитаристы ссылались на доктрину Монро для Азии. С юридической точки зрения доктрина берет свое начало с концепции «Нового порядка в Восточной Азии» от 03.11.1938 г., окончательно закрепившись в переименованном виде в 1940 г. Если доктрину оценивать сегодня, то можно сослаться на исследования Л.Г. Арешидзе и М.И. Крупянко: «Современные японские власти готовы прилагать большие усилия

для укрепления «духа нации», но при этом они не намерены повторять ошибки прошлого. Современная националистическая пропаганда в Японии нацелена на поддержание у японцев устойчивой веры в силы нации и государства, на распространение традиционной японской системы ценностей» [19, с. 247]. Если сравнить доктрину с классическим вариантом, делается акцент на смещении к азиатским ценностям, но под японским покровительством в духе программы Монро для Азии и Дальнего Востока.

Дзингикан (*дзингиин*) – возрожденный государственный совет по делам религий, небесных и земных божеств, прежде всего синто, со своим идеологическим аппаратом, в функции которого входило просвещение кокутай среди народа. Формально совет по делам религий возглавил Муцихото (Мэйдзи) как император, восседающий на «хризантемовом троне». Яркий пример политики дзингиин – строительство государственного храма мира синто Ясукуни в Токио (почитание душ погибших за отечество воинов) в комплексе с военным музеем Юсюкан и большим парком в центре столицы. Наиболее известные премьеры – почитатели храма Ясукуни: Такэо Мики, Дзюньитиро Коидзуми, Хасимото Рютаро и Синдзо Абэ. В отличие от основных синтоистских храмов, Ясукуни подчинялся непосредственно правительству, в начале – военным. В плане кокутай он символизировал (в настоящее время по-прежнему в глазах дальневосточной общественности) духовную сущность японского милитаризма. Несмотря на то, что в новых исследованиях предлагается кардинально пересмотреть его функции, обратив внимание на его миролюбивое название, например в статье В.В. Кожевникова, тем не менее души военных преступников так называемой категории А из протоколов Токийского трибунала 1946 г. в нем почитаются как герои нации. Храм – закрытый, т. е. не для всех, но если его приоткрыть, то там мы «обнаружим» душу индийского судьи, проголосовавшего в Токио против наказания японских преступников категории А, и души 14 военных преступников [12, с. 171–174]. Иными словами, Ясукуни следует воспринимать как символ японского национализма и, добавим для точности, этнической идентичности. Он по-прежнему играет двуликую роль в современной политике Японии, особенно в странах АТР.

Государственные праздники и выходные дни по закону от 14.10.1873 г., среди которых отметим: 3 января – праздник в честь Гэнсисай, или праздник начала императорской семьи, внука богини солнца Аматэрасу, 30 января – *комэй* (день памяти императора), 11 февраля – день основания империи (сохранился по закону № 178 1948 г.), 3 апреля – день памяти Дзимму, 3 ноября – день рождения императора Мэйдзи (сейчас – 23 февраля) и другие государственные праздники, введены с целью пропаганды божественного происхождения власти.

В 1891 г. Министерство образования рекомендовало празднование государственных дней среди школьников с целью патриотического воспитания в духе милитаризма. Хотелось бы отметить, что этот закон сопровождался разъяснительными инструкциями от МВД Японии. Как отмечает В.В. Кожевников, «начиная с революции Мэйдзи и до Второй мировой войны Министерство образования Японии пропагандировало идею, что государственное синто – извечный

обычай японского народа, а не религия. И потому вменяло в обязанность всем японцам совершать поклонение в храмах и школах вне зависимости от их религиозных убеждений, будь они буддисты или христиане» [12, с. 171]. Таким образом, в образовательной среде и воспитании кокутай синто использовалась как государственная идеология и инструмент патриотического воспитания в духе японского национализма.

Символика императорской власти – это, прежде всего, культ хризантемы, раскрытый ранее в опубликованных работах [20–22]. В японской семиотике и мифологии хризантема – символ Аматаэрасу, т. е. богиня-солнце, что по-японски звучит как *kiku* (солнце) – главная богиня пантеона синтоистских богов; более того, прародительница всех японских императоров. Согласно древним мифам, хризантема, так же как лотос и ирис, имеет божественное происхождение. По легенде бог творения Идзанаги, сбегав от старой злой ведьмы на землю, решил умыться в реке. Сброшенные драгоценности превратились в цветы: браслеты в лотос и ирис, а ожерелье в золотую хризантему. Эта мифологема отражается во многих пословицах и поговорках, связанных с хризантемой, а красивых девушек принято в шутку называть *о-кику-сан*.

Хризантема – один из самых знаменитых символов Японии, который играет важную роль в культуре и искусстве этой страны с древнейших времен, но только в период Эдо (1603–1868), т. е. в эпоху рождения японского самосознания как особого этноса и этики чести самурая бусидо, она стала использоваться как особый знак императорской власти. Выбор в ее пользу был сделан по разным причинам. Прежде всего, в период возникновения так называемого «японского духа» требовалась особая символика. Хризантема из синто превратилась в символ обозначения власти (трон императора в виде хризантемы) и чести самураев, а также как знак долголетия и процветания японского государства. Ее изображение в XX в. зафиксировали в японском паспорте. В 1869 г. хризантема официально признана в качестве национального цветка Японии, а в 1916 г. она стала символом императорской семьи. С тех пор хризантема прочно вошла в государственную символику Японии и стала одним из самых узнаваемых ее элементов в мире: «В современном понимании японцев хризантема – это символ богатой истории, культуры, традиций и ценностей страны. Она ассоциируется с осенью, долголетием и императорской властью. Одновременно стали модными кимоно с изображением хризантемы, но по мере милитаризации страны ее заменили на сакуру как символ самурайской чести» [20, с. 237].

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) император Муцухито в эдикте № 1 от 4 января 1888 г. узаконил Высший Орден Хризантемы в двух степенях: Орден Хризантемы с цепью и Орден Хризантемы на Большой ленте, знак хризантемы с подвеской и звезда ордена хризантемы без подвески. Знак Ордена представляет собой четырехконечный позолоченный символ с лучами белой эмали, в центре которого располагается диск солнца красной эмали. Между лучами находится цветок хризантемы желтой эмали с зелеными эмалированными листьями.

С национальной идентификацией связано рождение японского флага, что было обусловлено открытием страны для международной торговли. Изначально

на нем также изображали хризантему: на белом полотне изображалось красное солнце с 16 лучами (что соответствует количеству лепестков у хризантемы), позже лучи убрали. В Японии его называют *кёкудзицу-ки*.

В основу изображения герба, как считает А. Н. Мещеряков, легло очертание императорской печати в виде хризантемы эпохи китайского влияния Хэйан (794–1185), что в переводе буквально означает «мир» [23, с. 203]. Хризантема символизирует *кикумон*, т. е. мир и спокойствие. Интересно, что формально герб в Японии отсутствует, а вместо него используется рисунок хризантемы (кикумон). Его изображение есть на обложке японского паспорта, зданиях официальных учреждений власти, монетах, памятных орденах в честь исторических важных событий, а также на главной официальной награде – Ордене Хризантемы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантика кокутай в японской культуре имеет свою внутреннюю логику или закономерности: символика складывалась веками на основе легенд и истории страны. В контексте современной истории хотелось бы отметить, что для японского «религиозного» мышления характерен синкретизм и номинализм, или смешение синто, дзэн-буддизма, конфуцианства, даосизма и христианства. Как верно заметил А. Ф. Прасол: «В целом японцы относятся к религии терпимо, гибко и прагматично – любая религия хороша, если помогает в практической жизни» [24, с. 159].

Синто как кокутай продвигался не только внутри Японии, но и в колониях, что сегодня негативно вспоминают на Дальнем Востоке. В статье К. В. Шуплецовой о колониальной политике синто в Корее отмечается, что в корейских школах перед уроками, как и в Японии, читались клятвы императору, размещались портреты императора. Клятва императору представляла собой краткую версию Императорского рескрипта о народном образовании, в которой корейские школьники обещали воспитать выносливость в трудностях и прославлять путь императора [25, с. 60].

В колониальной Корее все местные религии были объявлены «псевдорелигией» и суеверием. Вместо них на основе Договора о присоединении Кореи к Японии 1910 г. и «Указа о буддистских храмах» 1911 г. в Корее кокутай провозглашался официальной государственной религией, что выразилось в массовом строительстве синтоистских храмов с центром Тёсэн дзингу со статусом императорского храма Аматаэрасу на горе Намсан, священном месте корейского буддизма. На основе Указа о храмах японское правительство полностью контролировало богослужение в корейских храмах (ст. 1), ликвидировалась свобода собраний на храмовых территориях (ст. 2), как разъяснялось в ст. 7, с целью создания общественной безопасности и ассимиляции корейского народа. Всего до 1945 г. в Корее было возведено более тысячи храмов синто. Во всех храмах происходили богослужения *тэнно* в честь японского императора. Так, японское правительство пропагандировало кокутай во внешней политике.

Японский лозунг *кокумин* (страна и народ) в XXI в. продолжает оставаться главной идеологией государства, при этом его политику отличает большое разнообразие. Тем не менее в своей сути корень «коку» сохраняется. Замена произошла лишь в предикате, но не субъекте. Кокумин 国民 (*kokumin*) по-прежнему

играет ключевую роль во внешней и внутренней политике японского государства. В качестве примера можно привести политические движения за возврат Курильских островов или реформу «американской» Конституции 1947 г., или рекомендации по обязательному поклонению духам воинов в храме Исэ.

Синто как религия официально отделена от государства, что закрепилось в ст. 20 Конституции Японии о свободе вероисповедания [5]. Как отмечается в ст. 20, «ни одна из религиозных организаций не может получить от государства привилегий и не может использоваться государственной властью» [5]. Император Хирохито всенародно 1 января 1946 г. объявил о своей человеческой сущности, кокутай исчезла из государственных документов, тем не менее ее пропаганда сохранилась под другими «миролюбивыми» лозунгами японских культурных ценностей.

Как справедливо отмечают в своих исследованиях Л.Г. Арешидзе и М.И. Крупянко, «национализм в Японии есть закономерная реакция японского общества на усиление глобализации, опасности поглощения и растворения в ней традиционных базовых японских культурно-этнических ценностей. Эта реакция непосредственно выражается в подъеме националистических настроений в недрах японского общества...» [19, с. 242]. Японский политический электорат в новом веке вместо кокутай для АТР и АСЕАН предлагает японскую, как считают ее авторы, социальную модель кокумин, но уже разбавленную азиатскими гуманитарными ценностями (например, программой Махатхир Мохаммада, Исихара Синтаро и Ли Кван Ю). Прежде всего, трансформированный кокутай в *кокумин* продвигается в Азии и на Дальнем Востоке «мягкой силой» через дипломатию, массовую японскую культуру и национальную символику, что было ранее показано в публикациях о кадо хризантемы и японского театра кабуки [20, с. 234, 237].

Ссылаясь на мнение профессора Токийского университета Имада Такатоси, востоковеды Л.Г. Арешидзе и М.И. Крупянко отмечают, что Япония в XXI в. желает превратиться в цивилизационный мост между Западом и Востоком на основе новой модели национальной идентичности с азиатскими странами. «Японские националисты убеждены в том, что формирование новой японской идентичности и на ее основе – нового японского национализма – обусловлено изменившейся ролью Японии в мире. Япония не должна больше ассоциировать себя ни с Западом, ни с Востоком, а играть объединительную роль посредника, строить мосты между западными и азиатскими ценностями» [19, с. 245]. Это значит, что для японских националистов главной задачей остается поиск особой национальной идентичности в глобализованном XXI в. Это и есть тот самый привлекательный идеологический проект для Азии и Дальнего Востока, по мнению японского ученого Коити Ивабути, представленный в его статьях о роли массовой японской культуры в Азии и АСЕАН в сборнике «Популярная культура, глобализация и Япония в проекте постколониальной Азии» [26].

Заключение

Таким образом, японский государственный национализм, ориентированный на массовую культуру и дипломатию, по-прежнему популярен как внутри Японии, так в странах АТР и Дальнего Востока. Однако акцент в идеологии произошел в сторону смещения «чисто» японских культурных ценностей

на «азиатские». В идеологии *кокка синто* это происходит в зеркальном их противопоставлении «западным» традициям от имени азиатского народа и ради его блага разных вариантов «кокуменов».

Хотя официальная идеология кокутай (философско-правовая основа японской идентичности от эпохи «просвещенного правления» и до Токийского трибунала) была отвергнута после Второй мировой войны, ее этико-культурные основания продолжают формировать японскую идентичность и национальное сознание в новой теории кокумин. Кокутай как философско-правовой феномен сохраняет релевантность не столько в политической, сколько в культурно-ментальной сфере, оказывая скрытое влияние на внутреннее самосознание и «дипломатию мягкой силы» в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а также культурное превосходство японской нации в Азиатском «совместном процветании» народов под эгидой Японии.

Список источников

1. Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. Москва: Лингвистика, 2024. 475 с.
2. Язовская О. В. Политический миф о национальной сущности (на примере Императорской Японии конца XIX – середины XX веков) // Философия политики и политология. Екатеринбург: Изд-во Уральского фед. ун-та, 2014. С. 33–43.
3. Язовская О. В. Традиционные мифо-религиозные комплексы в контексте трансформации государственной системы Японии: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01: Теория и история культуры. Екатеринбург: УФУ им. Б. Н. Ельцина, 2016. 22 с.
4. Мак-Клейн Джеймс Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 895 с.
5. Конституция Японии 1946 года (вступила в законную силу 03.05.1947 г.). URL: https://www-1.gsb.columbia.edu/ps/japan/constitution_1947.pdf
6. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. Москва: Наталис, 2009. 736 с.
7. Накорчевский А. А. Синто. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. 448 с.
8. Yazovskaya O. Concept of Kokutai as National essence in the Foundation of Japan's imperial Subjectness in late XIX – first half of XX century // IJASOS – International E-Journal of Advances in Social Sciences. 2018. Vol. IV, Iss. 11. P. 510–515.
9. Motohisa Yamakage. The essence of Shinto: Japan's spiritual heart. New York: Kodan-USA, 2006. 229 p.
10. Andersen E. Introduction: Empire of Religions: Exploring Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea // Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. Palgrave Macmillan Singapore, 2017. P. 17–28.
11. Бишарова С. Г. Синтоистские основы традиционной японской культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. Новосибирск: НГПУ, 2006. 27 с.
12. Кожевников В. В. Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 166–179.
13. Yamaguchi Satoshi. English-Japanese: Shinto from an International Perspective. Tokyo, 2012. 204 p.
14. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. Москва: Наука, 1990. 206 с.
15. Кэндзабуро Оэ. Орел над вселенной: пер. с япон. // В сб. «Обращаюсь к современникам». Москва: Прогресс, 1987. С. 261–269.

16. Кэндзабуро Оэ. О праве разлюбить Японию: пер. с япон. // В сб. «Обращаюсь к современникам». Москва: Прогресс, 1987. С. 57–63.
17. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia // *Popular culture, globalization and Japan*. London and N.Y., 2006. P. 15–35.
18. Dower John. *War without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. Pantheon; First Edition, 1987. 416 p.
19. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм как основная объединительная и защитная сила нации в новом миропорядке XXI века // *Вопросы политологии*. 2024. Вып. 1 (101), т. 14. С. 237–251.
20. Марков С. М., Шумилова В. В. Японский путь цветка (кадо) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2025. Т. 22, № 2. С. 229–240.
21. Марков С. М., Шумилова В. В. Хризантема (кикумон) как символ государственной власти и этнической культуры Японии // *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: сб. науч. тр. / под ред. В. А. Федяниной, А. В. Савинской, И. Р. Нургалиева*. 2025. Вып. 30. С. 172–180.
22. Кармишина М. А. Символика цветов в синтоизме и современной фитонимической культуре Японии // *Языковая картина мира, культура и перевод / редкол. И. П. Федотова*. Хабаровск: ДВИУ РАНХиГС, 2025. С. 203–208.
23. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. Москва: Наталис, 2003. 556 с.
24. Прасол А. Ф. О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного типа // *Япония. Ежегодник. Институт Востоковедения РАН*. 2007. № 36. С. 148–170.
25. Шуплецова К. В. Распространение синтоизма в Корею в колониальный период // *Корееведение*. 2024. № 2. С. 55–64.
26. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia // *Popular culture, globalization and Japan*. London and N.Y., 2006. P. 15–35.

References

1. Meshcheryakov A. N. To be Japanese. History, poetics and scenography of Japanese totalitarianism. Moscow: Linguistics; 2024. 475 p.
2. Yazovskaya O. V. Political myth about national essence (on the example of Imperial Japan of the late XIX – mid XX centuries). *Philosophy of politics and political science*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural Fed. University; 2014. P. 33–43.
3. Yazovskaya O. V. Traditional mytho-religious complexes in the context of the transformation of the state system of Japan: author. dis. ... Candidate of Cultural Studies: 24.00.01: Theory and History of Culture. Yekaterinburg: UFU named after B. N. Yeltsin; 2016. 22 p.
4. McClain James L. Japan From the Tokugawa shogunate – in the 21st century. Moscow: AST: Astrel; 2011. 895 p.
5. The Constitution of Japan of 1946 (entered into force in 03.05.1947). URL: https://www-1.gsb.columbia.edu/ps/japan/constitution_1947.pdf
6. Meshcheryakov A. N. Emperor Meiji and his Japan. Moscow: Natalis; 2009. 736 p.
7. Nakorchevsky A. A. Sinto. 2nd ed., Rev. and add. St. Petersburg: ABC Classic; 2003. 448 p.
8. Yazovskaya O. Concept of Kokutai as National essence in the Foundation of Japan's imperial Subjectness in late XIX – first half of XX century. *IJASOS – International E-Journal of Advances in Social Sciences*. 2018; IV (11): 510–515.
9. Motohisa Yamakage. The essence of Shinto: Japan's spiritual heart. New York: Kodansha USA; 2006. 229 p.
10. Andersen E. Introduction: Empire of Religions: Exploring Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. *Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea*. Palgrave Macmillan Singapore; 2017. P. 17–28.

11. Bisharova S.G. Shinto foundations of traditional Japanese culture: author. dis. ... cand. philosopher. Sciences: 24.00.01. Novosibirsk: NGPU; 2006. 27 p.
12. Kozhevnikov V.V. Shinto and nationalism in Japan (the problem of the Yasukuni temple). *Russia and the Asia-Pacific region*. 2014; (4): 166–179.
13. Yamaguchi Satoshi. English-Japanese: Shinto from an International Perspective. Tokyo; 2012. 204 p.
14. Power-Novitskaya T.G. Cult of the emperor in Japan: myths, history, doctrines, politics. Moscow: Science; 1990. 206 p.
15. Kenzaburo Oe. Eagle over the universe: trans. from Japanese. *Sat. "I appeal to contemporaries"*. Moscow: Progress; 1987. P. 261–269.
16. kenzaburo Oe. About the right to fall out of love with Japan: trans. from Japanese. *In Sat. "I appeal to contemporaries"*. Moscow: Progress; 1987. P. 57–63.
17. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia. Popular culture, globalization and Japan. London and N.Y.; 2006. P. 15–35.
18. Dower John. War without Mercy: Race and Power in the Pacific War. Pantheon; First Edition; 1987. 416 p.
19. Krupyanko M.I., Areshidze L.G. Japanese nationalism as the main unifying and protective force of the nation in the new world order of the XXI century. *Questions of political science*. 2024; 1 (101 (14)): 237–251.
20. Markov S.M., Shumilova V.V. The Japanese path of the flower (kado). *Social and humanitarian sciences in the Far East*. 2025; 22 (2): 229–240.
21. Markov S.M., Shumilova V.V. Chrysanthemum (kikumon) as a symbol of state power and ethnic culture of Japan. *Japanese at the university: current problems of teaching: Sat. scientific. tr. / under. ed. V.A. Fedyanina, A.V. Savinskaya, I.R. Nurgalieva*. 2025; (30): 172–180.
22. Karmishina M.A. Symbolism of flowers in Shintoism and modern phytonymic culture of Japan. *Language picture of the world, culture and translation / redcol. I.P. Fedotova*. Khabarovsk: DVIU RANEPА; 2025; 203–208.
23. Meshcheryakov A.N. Book of Japanese symbols. Book of Japanese customs. Moscow: Natalis; 2003. 556 p.
24. Prasol A.F. On some features of the Russian and Japanese ethnocultural type. *Japan. Yearbook. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2007; (36): 148–170.
25. Shupletsova K.V. The spread of Shinto in Korea during the colonial period. *Korean studies*. 2024; (2): 55–64.
26. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia. *Popular culture, globalization and Japan*. London and N.Y.; 2006. P. 15–35.

Информация об авторе:

Марков Сергей Михайлович, канд. филос. наук, доцент, доцент каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, г. Хабаровск, Ser_Mark@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/169-184>

EDN: <https://elibrary.ru/VSBAQE>

Дата поступления:
16.02.2026

Одобрена после рецензирования:
18.02.2026

Принята к публикации:
06.03.2026

Научная статья

УДК 348.9

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/185-193>

EDN: <https://elibrary.ru/WBZKBL>

Становление и развитие источников мусульманского права

Балковая Валентина Григорьевна

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Важной задачей юридической компаративистики в условиях глобализации является обеспечение эффективного взаимодействия между странами, принадлежащими к различным правовым системам и семьям. Этого невозможно достичь без изучения источников права, сформировавшихся в той или иной правовой системе. Актуальность компаративистского исследования мусульманской правовой семьи предопределена тем, что в современном мире численность населения стран, входящих в эту семью, достигла полутора миллиардов человек и продолжает расти. Уникальность этой правовой семьи, включающей в себя все страны «мусульманского мира», обусловлена тем, что в качестве ведущих источников права в ней выступают религиозные тексты – Коран и Сунна; именно в них заложены особенности правосознания, присущего населению мусульманских стран. Важно понимать, что без планомерного изучения содержания исходных норм мусульманского права, а также практических приемов их адаптации к современной политической действительности невозможно достичь устойчивого правового взаимодействия стран мусульманского права с иными правовыми системами и политической стабильности во многих регионах современного мира. Р. Давид отмечал дуализм права, присущий мусульманским странам, в каждой из которых наряду с мусульманским наднациональным правом сформирована собственная система источников национального позитивного права. С учетом того, что мусульманский мир сегодня неоднороден и нестабилен, важно определить механизмы взаимодействия собственно мусульманского права и национального права отдельных мусульманских стран, степень их взаимовлияния в конкретных политических образованиях.*

***Ключевые слова:** мусульманское право, ислам, шариат, фикх, исламское право, религиозная правовая система, мусульманское государство*

***Для цитирования:** Балковая В. Г. Становление и развитие источников мусульманского права // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 1. С. 185–193. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/185-193>. EDN: <https://elibrary.ru/WBZKBL>*

Original article

Formation and Development of Sources of Muslim Law

Valentina G. Balkovaya

Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
Vladivostok. Russia

***Abstract.** An important task of legal comparativism in the context of globalization is to ensure effective interaction between countries belonging to different legal systems and families. This cannot be*

achieved without studying the sources of law that have developed within each legal system. The relevance of comparative research into the Muslim legal family is determined by the fact that, in the modern world, the population of countries within this family has reached one and a half billion people and continues to grow. The uniqueness of this legal family, which includes all countries of the "Muslim world", is determined by the fact that religious texts – the Quran and Sunnah – serve as its primary sources of law, embodying the distinctive features of legal consciousness inherent in the population of Muslim countries/ It is important to understand that without a systematic study of the content of the original norms of Muslim law, as well as practical methods for adapting them to contemporary political realities, it is impossible to achieve sustainable legal interaction between Muslim countries and other legal systems, nor political stability in many regions of the modern world. R. David noted the duality of law inherent in Muslim countries, each of which has developed its own system of sources of national positive law alongside Muslim supranational law. Given that the Muslim world today is heterogeneous and unstable, it is important to determine the mechanisms of interaction between Muslim law itself and the national laws of individual Muslim countries, and the degree of their mutual influence in specific political entities.

Keywords: Muslim law, Islam, Sharia, fiqh, Islamic law, religious legal system, Muslim state

For citation: Balkovaya V. G. Formation and Development of Sources of Muslim Law // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2026. Vol. 18, № 1. P. 185–193. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/185-193>. EDN: <https://elibrary.ru/WBZKBL>

Введение

В современном мире мусульманская правовая семья по-прежнему остается уникальным юридическим явлением, стоящим особняком по отношению к любым другим правовым системам. Входящие в нее национальные правовые системы, несмотря на влияние разнообразных геополитических факторов и экономических условий, все равно продолжают сохранять много базовых общих черт. Это позволяет говорить о существовании особой правовой культуры и общих чертах правосознания, присущих мусульманскому миру.

Хотя мусульманское право начало формироваться около полутора тысяч лет назад, оно смогло приспособиться к современной правовой действительности и стало одной из ведущих правовых семей современного мира. Поэтому современной науке сравнительного правоведения важно понять источники такой ее стабильности, а также вести планомерное изучение практических приемов адаптации содержания архаичных норм мусульманского права к современной политической действительности. Без решения этих задач невозможно достичь эффективного правового взаимодействия между странами, принадлежащими к различным правовым системам, а также достичь политической стабильности не только на Ближнем Востоке, Северной Африке и Средней Азии, но и во всем остальном мире.

Объект, предмет, цель и новизна исследования. В качестве объекта настоящего исследования выступает «мусульманское право» как особая категория компаративистики, сформировавшаяся в рамках «мусульманского мира» – совокупности стран, в течение длительного времени развивавшихся в схожих геополитических и экономических условиях. Предмет исследования – система источников права этой правовой семьи. Цель – исследование практических приемов адаптации содержания архаичных норм мусульманского права к современной жизни, а также раскрытие соотношения категорий «мусульманское право» и «право национальных мусульманских стран». Новизна подхода обусловлена

попыткой проведения комплексной реконструкции системы источников права, сформировавшейся в мусульманских странах.

Методология исследования. Исследование проводилось на основе базовых принципов научного познания – объективности, комплексности, историзма. Для обработки полученной информации использованы методы формальной логики, ведущий специальный метод познания – сравнительно-правовой (компаративный).

Основная часть

Ислам прочно удерживает место одной из важнейших мировых религий. Это проявляется, в частности, в том, что даже сегодня число его последователей не сокращается; более того, имеется устойчивая тенденция к их увеличению. В 125 странах современного мира на настоящий момент проживает около 1,8 млрд мусульман; они составляют большинство населения в 49 странах современного мира [1, с. 59]. Важно понимать, что следование мусульманскому канону предполагает совершенно особый уклад жизни, без понимания которого невозможно наладить устойчивое политическое взаимодействие. Наиболее же значимым для научного изучения представляется мусульманское право, являющееся совершенно особым явлением в современной правовой жизни, так как в динамично меняющемся современном мире оно словно застыло в своем развитии.

В то время как в европейской юридической науке господствует идея о том, что право динамично, его изменения закономерны и объективно обусловлены процессами социального развития, для мусульманского права характерны традиционализм и устойчивость [2, с. 135]. Они обосновываются тем, что мусульманское право имеет боговдохновенный характер, так как через пророка Мухаммеда его важнейшие постулаты открыл людям сам Аллах. Именно поэтому изначально предполагалось, что они всегда должны оставаться неизменными.

Ислам является комплексным религиозно-политическим учением, имеющим целью урегулировать все сферы жизни верующего. Именно это имел в виду Р. Давид, когда писал, что мусульманское право является важным компонентом религиозной доктрины, оно ближе богословию, а не науке [3, с. 308]. Сформировавшись на стадии разложения родовой общины, оно сохранило в себе значительное количество мононорм, вследствие чего для него характерно смешение правового и религиозно-нравственного регулирования. Именно поэтому устойчивое понятие «законы шариата» имеет не столько юридическое содержание, сколько морально-религиозное и означает собой весь уклад жизни верующего, так называемый «путь следования», призванный определить модель поведения правоверного мусульманина как по отношению к аллаху, так и к другим людям. Понятие шариата включает в себя религиозную этику, основы исламского вероучения; кроме того, в него входят все требования к социальному поведению верующего. Именно в последнюю составляющую входит собственно мусульманское право, из чего видно, что по отношению к шариату оно является значительно более узким понятием.

Так как мусульманское право относится к группе религиозных правовых систем, его важнейшими источниками выступают священные книги ислама –

Коран и Сунна (предание). Текст Корана содержит предписания нескольких видов: предписания, регламентирующие культовую практику верующего; отношения внутри религиозной общины; отношения, соединяющие «право Аллаха» с «правом людей». К последним, в частности, относились и такие юридические категории, как брак, преступление, наказание. Необходимо учитывать, что текст Корана содержит не столько конкретные формально-юридические правила поведения, сколько абстрактные религиозно-моральные ориентиры, нуждающиеся в дальнейшей конкретизации в процессе практического применения [4, с. 46].

По сравнению с Кораном более заметная нормативная роль в исламском правогенезе принадлежит Сунне, которая представляет собой совокупность жизненных примеров пророка Мухаммада (хадисов – рассказов), выраженных в его поучительных, нормоустанавливающих высказываниях, действиях, а также в изложении отношения пророка к представленным на его рассмотрение вопросам [5, с. 84].

В Сунне можно отметить существование трех видов норм: подтверждающих Коран; растолковывающих и дополняющих Коран; содержащих самостоятельные предписания, не опирающиеся на Коран. Именно Коран и Сунна в VII–VIII вв. сформировали систему правил поведения правоверного мусульманина, а также заложили нормативную основу мусульманского права.

Первоначально Коран и хадисы сохранялись в устной форме. Процесс письменного закрепления содержащихся в них положений проходил с середины VII до конца VIII в. Именно этот период считают временем формирования мусульманской доктрины [6, с. 6, 7]. Так как в последующем содержание этих норм стало все более устаревать, это привело к проблемам в их практическом применении и поставило задачу создания эффективных механизмов адаптации норм к регулированию общественных отношений, возникших после их принятия.

Первым таким механизмом стал иджтихад – толкование, позволившее ответить на вопросы, прямой ответ на которые в священных книгах отсутствовал [7, с. 21]. Результатом такой логической работы стала иджма – новый источник мусульманского права, под которым понималось согласованное мнение нескольких ученых-юристов. Центрами этой деятельности в VIII–X вв. являлись мазхабы, каждый из которых разработал свою собственную методику работы со священными книгами, систему способов извлечения из них конкретных норм и подходов к их толкованию [8, с. 56–58]. Именно в мазхабах начал формироваться фикх – рациональная составляющая мусульманской догмы, ее юридическая составляющая. Основой формирования юридических норм стали религиозно-нравственные предписания шариата, сохранившие свое значение священных заповедей, однако появление фикха ознаменовало начало процесса дифференциации права и религиозной этики. Нормы права постепенно переместились в юридическую плоскость и получили определенную независимость по отношению к исходной религиозной основе [9, с. 50–53].

Характер соотношения шариата и фикха является сложной научной проблемой, чьи истоки лежат в плоскости соотношения веры и разума. Шариат, который был создан в результате божественного откровения, с момента своего появления мыслился как неизменный и вечный. Напротив, фикх, изначально исхо-

дящий от человека и имеющий целью логическое осмысление божественного закона, мог быть несовершенным и изменчивым [7, с. 18].

Можно отметить существование нескольких подходов к проблеме соотношения шариата и фикха. На ранних этапах развития компаративистики эти понятия трактовались как взаимосвязанные и взаимообусловленные явления. Шариат при этом понимался как вся совокупность правил поведения, закрепленных в религиозных текстах, а фикх – как часть шариата, непосредственно регламентирующая поведение.

Диаметрально противоположная оценка заключалась в том, что шариат и фикх по своей природе различны и не имеют тесных точек соприкосновения. В соответствии с этой позицией шариат ограничен Кораном и Сунной. Поскольку в религиозных текстах не могут содержаться ответы на все индивидуальные вопросы, то ответ на них лежит уже за пределами шариата – его дает ученый-правовед при помощи иджтихада. И именно в этой деятельности заключается смысл и цель фикха.

Шариат и фикх совпадают в части, где нет сомнений в предписаниях Корана и Сунны. Если же ситуация неоднозначна, она регулируется фикхом, положения которого могут изменяться с течением времени.

Отдельного внимания заслуживает концепция, согласно которой шариат есть источник права, а фикх – исходящее из него предписание, т.е. в этой концепции он выступает в качестве нормативного интерпретатора постановлений шариата [10, с. 28, 29].

Введение практики иджтихада позволило осовременить многие архаичные постулаты ислама, сложившиеся в догосударственный период, приспособить их к условиям государственной жизни. Однако в XI в. был введен запрет на дальнейшее толкование, что потребовало создания нового механизма адаптации архаичных норм священных книг к меняющейся жизни. В качестве него выступило суждение по аналогии кияс (кьяс), со временем превратившееся в четвертый источник мусульманского права. Использование аналогии позволяет переносить опыт решения прежних вопросов на новые ситуации (при этом степень подобия жизненных ситуаций может быть весьма относительной). Применение кияса позволило: осовременить мусульманское право, распространить его действие на новые общественные отношения, отсутствовавшие во время создания священных книг; мусульманскому праву приспособиться к меняющейся жизни [11, с. 88, 89].

В практическом регулировании ведущим источником мусульманского права выступают религиозно-юридические комментарии, дававшиеся по аналогии богословами-правоведами по конкретным случаям с опорой на положения Корана и Сунны. Так как эти комментарии делались в разное время и по различным поводам, их невозможно четко структурировать и привести в систему. Отсюда проистекает достаточно высокая степень казуистичности, присущая мусульманскому праву.

При решении какого-либо практического вопроса ответ первым делом ищут в Коране, затем в хадисах Сунны. Если, опираясь на них, урегулировать ситуацию невозможно, используется иджма, и лишь после того, как выявлено отсутствие прямого решения, применяют кияс. Все эти правовые источники в своей

совокупности и составляют эффективный механизм модернизации религиозной и правовой доктрины ислама, что объясняет длительную историю мусульманского права, сохранившего свой нормативный потенциал до современности.

Важной особенностью мусульманского права является то, что оно сформировалось в догосударственный период как право религиозной общины (уммы), не имевшей публичной власти. Именно поэтому в Коране ничего не говорится о халифате как государстве или форме правления [12, с. 75, 76]. По этой же причине мусульманское право изначально распространяется на весь «мусульманский мир», не признавая государственных границ, оформившихся позже [3, с. 309]. Этим объясняется непростой характер взаимоотношений мусульманского права и национальных государств.

Данная проблема впервые встала еще в глубокой древности, так как исламская догма вошла в противоречие с идеей государственного правотворчества. В мусульманской доктрине законотворчество признавалось исключительным правом Аллаха, который уже ниспослал людям законы, закрепленные в Коране и Сунне; именно по ним и надлежало жить правоверному мусульманину [1, с. 65]. В наиболее влиятельной в мусульманском мире Оттоманской порте султан обладал полномочиями главного духовно-религиозного и светского лидера страны, имел религиозный титул «имама» («предстоятеля»), что накладывало на него первенство во всех сферах светской и религиозной жизни. Вместе с тем даже в отношении его правотворчества действовал принцип «Не может быть султанских повелений, противоречащих шариату» [13, с. 5].

Так как религиозное право было неспособно выразить и защитить публичный интерес, мусульманские государства с момента оформления начали параллельно формировать собственное позитивное право, положения которого далеко не всегда соответствовали предписаниям религиозного. Постепенно объем этого правотворчества все более возрастал, хотя государства мусульманского мира долгое время не шли на прямую конфронтацию с религиозным правом. В частности, в 1869–1877 гг. в Османской империи в качестве компромисса была проведена кодификация важнейших положений мусульманского права, результатом чего стало принятие Маджаллы, отдельные положения которой продолжают действовать и сегодня в ряде мусульманских стран [14, с. 62]. Лишь революция в Турции 1923 г. впервые поставила вопрос о создании полностью светского права, свободного от религиозной догмы.

Начиная со второй четверти XX в. наметилась и обратная тенденция, продолжающаяся и сегодня, – усиление тенденций исламизации и частичный возврат правовых систем некоторых исламских государств к традиционным истокам.

В этой связи возникает вопрос, возможно ли считать акты позитивного права отдельных современных исламских государств источниками мусульманского права? Исследователями предлагается перечень критериев, в случае наличия которых светские законы мусульманской страны также могут быть признаны дополнительными источниками исламского права: 1) их нормы не объявляют разрешенным то, что запрещено, и не запрещают то, что разрешено в Коране и Сунне; 2) их тексты разработаны мусульманскими правоведами или при их

непосредственном участии; 3) их нормы основываются на предписаниях Корана и Сунны и достижениях мусульманско-правовой мысли (включая общие принципы мусульманского права); 4) целью их принятия является защита традиционных ценностей ислама и интересов мусульман; 5) они обладают соответствующим механизмом реализации содержащихся в них положений на практике [13, с. 29].

Несмотря на подобные компромиссы, в современном мире большинство мусульманских государств, имеющих четко определенные границы и ясно осознаваемый публичный интерес, опирающихся на сформированную систему легального принуждения, фактически превратили шариат во вспомогательную религиозно-этическую концепцию, которая применяется лишь в случае отсутствия открытого противоречия с государственной волей [15, с. 350].

Как предупреждал Р. Давид, современное мусульманское право существует как дуальная система; повсеместно прослеживается его функциональное разделение на шариат и право мусульманской страны [3, с. 322, 323]. Подобный дуализм чреват таким опасным политическим последствием, как развитие религиозного экстремизма в целом ряде мусульманских стран со стороны исламских фундаменталистов, отрицающих существующие в их странах светские государства и пытающихся захватить политическую власть [1, с. 69]. Комментарии богословов-правоведов религиозными фанатиками могут использоваться для оправдания неправового, с точки зрения государственных юристов, поведения. Все это означает, что проблема соотношения между светским и конфессиональным правом в странах, где ислам является государственной религией, впервые возникшая в Средние века, продолжает существовать и сегодня [16, с. 210–214].

Исследователи отмечают, что начиная со второй половины XX в. влияние ислама на общественные отношения в странах мусульманского мира стало возрастать. Принятые в указанный период основные законы подавляющего большинства мусульманских стран признают шариат в качестве главного, а иногда и единственного источника законодательства. Из порядка 50 государств мусульманского мира светскими можно назвать лишь Турцию, мусульманские страны постсоветского пространства, а также Албанию. Но даже в этих странах позиции ислама в последние десятилетия укрепляются [17, с. 127].

Заключение

На основе проведенного исследования удалось прийти к следующим выводам:

1. Мусульманское право было и остается совершенно особым явлением, уникальным по путям формирования, системе источников, подходам к регулированию. В мусульманском праве более тысячи лет назад были легализованы правовые постулаты и мнения, которые по сей день во многом определяют правовую культуру подавляющего большинства населения.

2. Говоря о мусульманской правовой семье, важно понимать, что мусульманское право дуально: наряду с наднациональным мусульманским правом, имеющим свою устоявшуюся систему источников права и распространяющим свое действие на весь «мусульманский мир», в каждом из мусульманских государств дополнительно сформировано уникальное национальное право конкретной мусульманской страны, имеющее свою собственную систему источников.

3. Несмотря на то, что современный мусульманский мир очень неоднороден и в него входят как светские государства, так и традиционалистские, с сильными позициями мусульманства, правовые постулаты и мнения мусульманского права по сей день во многом определяют правовую культуру подавляющего большинства населения, а шариат по-прежнему обеспечивает его идеологическое единство. Вследствие этого никем не ставится под сомнение существование мусульманской правовой семьи, имеющей общие черты правосознания и особую систему религиозно-нравственных представлений.

Список источников

1. Федосов И.В. Мусульманское право и влияние ислама на светское право в исторической ретроспекции и современности // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. № 2 (98). С. 58–75.
2. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. Москва: Политиздат, 1990. 287 с.
3. Рене Д., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Москва: Международные отношения, 2009. 453 с.
4. Фомин О.Е. Источники мусульманского права // Вестник Международного юридического института. 2014. № 4 (51). С. 44–51.
5. Обидов Д.С. Мусульманские школы права – мазхабы как стадии исламского правогенезиса // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 4 (44). С. 80–93.
6. Обидов Д.С. Неписаное и писаное мусульманское право: особенности становления и развития (теоретическое и историко-правовое исследование) // Вестник Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2023. № 4 (97). С. 5–11.
7. Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 1 (43). С. 13–25.
8. Арсанукаева М.С. Мазхабы – школы исламской правовой мысли // Современное право. 2004. № 7. С. 52–60.
9. Сюкияйнен Л.Р. Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 50–80.
10. Муцалов Ш.Ш., Аруйнис Е.Л. Мусульманское право: соотношение понятий шариат и фикх, аспекты правопонимания // Закон и право. 2022. № 10. С. 27–33.
11. Муромцев Г.И. Мусульманское право в контексте правогенезиса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 80–106.
12. Антонов Б.А. Правовая система ислама: конфликтный «союз» интерпретаций понятия «шариат» // Теория государства и права. 2022. № 4 (29). С. 73–86.
13. Архипов В.В., Васильев И.А., Гусенова П.А. Основы теории и истории исламского права: учеб. пособие / под ред. И.Ю. Козлихина, И.А. Васильева. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2018. 110 с.
14. Адыгамов Р.К. Исламское право в Османской империи // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 132. С. 58–80.
15. Адыгамов Р.К. Исламское право в Новейшее время // Minbar. Islamic Studies. 2020. Т. 13, № 2. С. 349–362.
16. Вайно А.А. Юридическая техника в мусульманском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 204–215.

17. Исмаилов Р.М. Источники исламского права: история и современность // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2025. № 1 (57). С. 119–129.

References

1. Fedosov I. V. Muslim law and the influence of Islam on secular law in historical retrospection and modernity. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*. 2021; 2 (98): 58–75.
2. Eremeev D. E. Islam: way of life and style of thinking. Moscow: Politizdat; 1990. 287 p.
3. René D., Geoffrey-Spinosi C. The main legal systems of our time. Moscow: International Relations; 2009. 453 p.
4. Fomin O. E. Sources of Muslim law. *Bulletin of the International Law Institute*. 2014. 4 (51): 44–51.
5. Obidov D. S. Muslim schools of law – madhhabs as stages of Islamic legal genesis. *Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*. 2019; 4 (44): 80–93.
6. Obidov D. S. Unwritten and written Muslim law: features of formation and development (theoretical and historical-legal study). *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Sciences Series*. 2023; 4 (97): 5–11.
7. Kuliev D. T. Sharia and Fiqh: Concept, Sources, and Relationship. *Islamic Studies*. 2020; 11 (1 (43)): 13–25.
8. Arsanukayeva M. S. Madhhabs – schools of Islamic legal thought. *Modern law*. 2004; (7): 52–60.
9. Syukiyainen L. R. General principles of fiqh as a reflection of the legal features of Islamic law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018; (3): 50–80.
10. Mutsalov Sh. Sh., Aruynis E. L. Muslim Law: the Relationship between the Concepts of Sharia and Fiqh, Aspects of Legal Understanding. *Law and Right*. 2022; (10): 27–33.
11. Muromtsev G. I. Muslim Law in the Context of Legal Genesis. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021; (1): 80–106.
12. Antonov B. A. The Legal System of Islam: A Conflicting "Union" of Interpretations of the Concept of "Sharia". *Theory of State and Law*. 2022; 4 (29): 73–86.
13. Arkhipov V. V., Vasiliev I. A., Gusenova P. A. Fundamentals of the theory and history of Islamic law: a textbook / edited by I. Yu. Kozlikhina, I. A. Vasiliev. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University; 2018. 110 p.
14. Adygamov R. K. Islamic Law in the Ottoman Empire. *Polythematic Online Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*. 2017; (132): 58–80.
15. Adygamov R. K. Islamic Law in Modern Times. *Minbar. Islamic Studies*. 2020; 13 (2): 349–362.
16. Vaino A. A. Legal technique in Muslim law. Actual problems of Russian law. 2019; 2 (99): 204–215.
17. Ismailov R. M. Sources of Islamic law: history and modernity. *Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Legal Sciences*. 2025; 1 (57): 119–129.

Информация об авторе:

Балковая Валентина Григорьевна, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала), ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», valyabalk@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-1/185-193>

EDN: <https://elibrary.ru/WBZKBL>

Дата поступления:
16.02.2026

Одобрена после рецензирования:
20.02.2026

Принята к публикации:
24.02.2026

.....

Правила оформления статей

.....

По рекомендации президиума ВАК распоряжением Минобрнауки России от 19.12.2023 № 453-р журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» включен в Перечень по 5 научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.6. Менеджмент (экономические науки), 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки), 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати, в том числе отметку в тексте и сноску в случае упоминания в тексте иностранных агентов («*18+ Иноагент. Настоящая информация произведена иностранным агентом (ФИО) либо касается деятельности иностранного агента (ФИО), включенного в единый реестр иностранных агентов).

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» публикуются бесплатно.

Направление авторских рукописей в адрес редакции научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» рассматривается как передача авторами прав на их публикацию. Публикуя статью в журнале с последующим ее размещением на сайте журнала, автор соглашается с условиями ее распространения в информационной среде на условиях открытой лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (подробнее – <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>). Таким образом, автор размещает свою статью для открытого использования с обязательным указанием авторства и полным сохранением всех авторских прав на публикацию.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант статьи направляется по адресу электронной почты vestnik@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, [ivanov.doc/Ivanov.docx](#)).

Требования к структуре научной статьи

Обязательные элементы:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр научной специальности;

- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
  - полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
  - подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);
  - должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
  - адрес электронной почты (e-mail), желательно ведомственной, и контактный номер телефона для каждого автора;
  - аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
  - ключевые слова (на русском и английском языках) (не более 12);
  - список источников оформляется в виде нумерованного списка источников в конце статьи, располагается по порядку ссылок на них в тексте статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- *Аннотация* (200–250 слов) является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье).
- *Введение* (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- *Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.*
- *Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.*
- *Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости* (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- *Выводы и научная новизна.* Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные в вводной частью, демонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, корректировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну полученных выводов для их дальнейшего использования и т.п.
- *Список источников* включает только использованные в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию, в противном случае статья подлежит ретракции.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 30 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 2 см, левое – 2 см, ориентация – книжная).
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках.
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации.

Подписной
индекс: 45069

ISSN 2949-1258

9 779772 949121